

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 2 (47)
2022

ISSN 2542-1735

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356
Выходит 4 раза в год
Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки),

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки),

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки),

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки),

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор № 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адиебекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адиллов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе) (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь (г. Могилев) (по согласованию);

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (г. Караганда) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк).

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 2 (47)
2022

ISSN 2542-1735

Scientific and practical journal

Subscription index "The Press of Russia" 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

- 12.00.01 – Theory of State and Law; history of the studies on law and state (legal sciences),*
- 12.00.02 – Constitutional Law; constitutional judicial process; municipal law (legal sciences),*
- 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal execution law (legal sciences),*
- 12.00.09 – Criminal Procedure (legal sciences),*
- 12.00.11 – Judge's Activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity (legal sciences),*
- 12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (legal sciences),*
- 12.00.14 – Administrative Law; administrative procedure (legal sciences).*

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Scientific Affairs) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Aibek N. Adilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliev (Bishkek) (on agreement);

Yury V. Anokhin, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (on scientific affairs) (Barnaul) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Associate Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Lev V. Bertovsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Yury P. Garmayev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude) (on agreement);

Tatyana Ye. Gryaznova, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (on Scientific Affairs) (Belgorod) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Marina A. Kozhevina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of Omsk Region, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Aleksandr V. Lubenkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of the Administrative Activity, Faculty of Militia, Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus (Mogilev) (on agreement);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod) (on agreement);

Olzhas T. Seitzhanov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov (Karaganda) (on agreement);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Борков В.Н.</i> Квалификация подписания акта приемки в случае невыполнения обязательств поставщиком	9
<i>Конин В.В., Сидоренко Е.В.</i> Некоторые дискуссионные вопросы соблюдения прав несовершеннолетних потерпевших на досудебной стадии и возможные пути их разрешения	16
<i>Бахта А.С., Нуриев И.Н.-о.</i> Совместное исчисление сроков предварительного следствия (дознания) и срока содержания под стражей как искусственный тормоз предварительного расследования	24
<i>Чумарова Е.Ю.</i> Помещение несовершеннолетних правонарушителей в специализированные учреждения в принудительном порядке: проблемы правоприменения и законотворчества	31
<i>Акиев А.Р., Акиева Д.Ю.</i> Предмет как неотъемлемый элемент криминалистической характеристики преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ	39
<i>Чиненов Е.В.</i> Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры	50
<i>Карданов Р.Р.</i> Уголовно-правовая охрана информационной безопасности	58
<i>Попова Е.И., Гаджиев В.Э.</i> Типовые варианты действий следователя при принятии решения о заключении судебного соглашения о сотрудничестве	64
<i>Железняк Н.С.</i> Проникновение в жилище как значимый элемент оперативно-розыскной деятельности	70

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Шербич А.Н.</i> К вопросу о состоянии и тенденциях наркопреступности в Российской Федерации	77
<i>Тепляшин П.В.</i> Криминологическое исследование наркоситуации в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности с использованием метода «SWOT-анализ»	84
<i>Земцова С.И.</i> Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина о значении следственного эксперимента в условиях современных нарковызовов с использованием интернет-технологий	92

Взгляд. Размышления. Точка зрения

<i>Дизер О.А.</i> Административно-правовые гарантии свободы совести в Российской Федерации	98
<i>Беженцев А.А.</i> Принципы административной ответственности: нетрадиционный взгляд	103
<i>Писаревская Е.А.</i> Привлечение общественности к профилактике преступности: вопросы законодательной регламентации и правоприменения	112
<i>Еремеев С.Г.</i> Харассмент: понятие, сущность, структура и соотношение с уголовно-правовыми запретами	120
<i>Родина Е.Ю.</i> Психолого-криминалистические аспекты предупреждения преступлений в отношении малолетних	126
<i>Кожевников О.А., Крысанов А.В.</i> Конституционно-правовая регламентация статуса «самозанятых» лиц в России: теоретический аспект и некоторые итоги практики реализации	132

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Санин В.Е., Меркулов С.В. Особенности взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом и пути его совершенствования.....	138
Иванова О.Г., Недбайлов П.А. Цифровая информация и ее место в уголовно-процессуальном доказывании	144
Еремеева А.Н. Исторический аспект эволюции криминалистической методики расследования преступлений в России	150
Старостенко О.А. Виктимологические проблемы обеспечения безопасности личности в сети Интернет	157
Постоялко А.А. Актуальные вопросы разграничения доведения до самоубийства со смежными составами преступлений	162

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Borkov V.N.</i> Qualification of signing the act of acceptance in case of non-fulfillment of obligations by the supplier	9
<i>Konin V.V., Sidorenko E.V.</i> Some controversial issues of observance of rights of child victims at the pre-trial stage and possible ways to resolve them	16
<i>Bakhta A.S., Nuriev I.N-o.</i> Joint calculation of the terms of the preinvestigation (inquiry) and the period of detention as an artificial brake of the preliminary investigation.....	24
<i>Chumarova E.Yu.</i> Compulsory placement of juvenile offenders into specialized institutions: problems of law enforcement and lawmaking	31
<i>Akiev A.R., Akieva D.Yu.</i> The subject as an integral element of the criminalistic characteristics of the crime provided for in Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation	39
<i>Chinenov E.V.</i> The subject of criminal encroachment as an element of the forensic characteristics of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities.....	50
<i>Kardanov R.R.</i> Criminal law protection of information security.....	58
<i>Popova E.I., Gadzhiev V.E.</i> Typical options for the actions of the investigator when deciding on the conclusion of a pre-trial cooperation agreement.....	64
<i>Zheleznyak N.S.</i> Entry to a dwelling as a significant element of operational-search activity.....	70

Counteraction to Drug Trade: Problems and Ways of their Solution

<i>Shcherbich A.N.</i> To the issue of the state and tendencies of drug crime in the Russian Federation	77
<i>Teplyashin P.V.</i> Criminological study of the drug situation in the region of responsibility of member states of the Collective Security Treaty Organization using the «SWOT-analysis» method	84
<i>Zemtsova S.I.</i> Development of Professor R.S. Belkin's scientific ideas about the significance of an investigative experiment in the context of modern drug challenges with Internet technologies use.....	92

Views. Reflections

<i>Dizer O.A.</i> The administrative legal guarantees of the freedom of conscience in the Russian Federation	98
<i>Bezhtentsev A.A.</i> Principles of administrative responsibility: an unconventional view	103
<i>Pisarevskaya E.A.</i> Public involvement in crime prevention: issues of legislative regulation and law enforcement	112
<i>Eremeev S.G.</i> Harassment: concept, essence, structure and correlation with criminal law prohibitions	120
<i>Rodina E. Yu.</i> Psychological and forensic aspects of the prevention of crimes against minors	126
<i>Kozhevnikov O.A., Krysanov A.V.</i> Constitutional and legal regulation of the status of «self-employed» persons in Russia: theoretical aspect and some results of implementation practice	132

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Sanin V.Y., Merkulov S.V.</i> Features of interaction of law enforcement agencies in the fight against extremism and ways to improve it	138
<i>Ivanova O.G., Nedbailov P.A.</i> Digital information and its place in criminal procedure proof.....	144
<i>Eremeeva A.N.</i> The historical aspect of the evolution of forensic methods of crime investigation in Russia	150
<i>Starostenko O.A.</i> Victimological problems of ensuring personal security on the Internet.....	157
<i>Postoyalko A.A.</i> Current issues of differentiating the incitement to suicide with related offenses	162

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.23

Виктор Николаевич БОРКОВ,

начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

borkov@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОДПИСАНИЯ АКТА ПРИЕМКИ В СЛУЧАЕ НЕВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПОСТАВЩИКОМ

QUALIFICATION OF SIGNING THE ACT OF ACCEPTANCE IN CASE OF NON-FULFILLMENT OF OBLIGATIONS BY THE SUPPLIER

В статье исследуется практика квалификации преступлений, совершаемых при приемке поставленного товара, выполненных работ или оказанных услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Определен уголовно-правовой статус члена приемочной комиссии. Обоснованы и прокомментированы возможные варианты квалификации подписания представителем заказчика документа о приемке в случае невыполнения подрядчиком своих обязательств: соучастие в присвоении или растрате, мошенничество, злоупотребление в сфере закупок, соучастие в злоупотреблении должностными полномочиями.

The article examines the practice of qualifying crimes committed upon acceptance of delivered goods, performed work or services rendered to meet state and municipal needs. The criminal-legal status of a member of the acceptance committee is determined. The author substantiates and comments on possible options for qualifying the signing of the acceptance document by the customer's representative in case of non-fulfillment by the contractor of his obligations which include: complicity in misappropriation or embezzlement, fraud, abuse in procurement, complicity in abuse of authority.

Ключевые слова: злоупотребление в сфере закупок, исполнение профессиональных обязанностей, присвоение или растрата, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий.

Keywords: *abuse in procurement, performance of professional duties, misappropriation or embezzlement, fraud, abuse of authority.*

Судебная практика свидетельствует о проблемах квалификации преступлений, совершаемых в сфере контрактных отношений. Неоднозначно решается вопрос

об уголовно-правовой оценке незаконных действий лиц, осуществляющих приемку поставленного товара, выполненных работ или оказанных услуг. Так, за превышение должно-

стных полномочий, повлекшее тяжкие последствия (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), был осужден заместитель главы администрации муниципального округа, который «осознавал, что объекты капитального строительства <...>, строящиеся в рамках исполнения муниципальных контрактов, не готовы к вводу в эксплуатацию, заведомо знал, что в домах отсутствует газоснабжение, и подписал акты приема-передачи квартир, расположенных в данных домах»¹. По ч. 1 ст. 286 УК РФ были квалифицированы действия руководителя муниципального учреждения, который, «достоверно зная, что работы по муниципальному контракту <...> на общую сумму 10176450,60 рублей не выполнены, в нарушение условий контракта подписал полученные от представителя подрядчика документы, обосновывающие произведенные работы и затраты – акты о приемке выполненных работ»².

При решении вопроса о квалификации действий лица, подписывающего акт о приемке работ или поставке товаров, которые заведомо для него были не выполнены или не поставлены, следует учитывать, что приемка результатов исполнения контракта не является реализацией полномочий, присущих должностному лицу (п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ). По смыслу ч. 7 ст. 94 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» приемочная комиссия и привлекаемые ей эксперты осуществляют профессиональную, техническую деятельность по оценке исполнения подрядчиком контракта. Сам по себе документ о приемке непосредственно юридических последствий не влечет. Например, Е.Г. Быкова, предлагая признавать акт приемки официальным документом и предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, ссылается на п. 4 приложения 4.1 к приказу Минфина России от 30 декабря 2015 г. N 221н «О

Порядке учета территориальными органами Федерального казначейства бюджетных и денежных обязательств получателей средств федерального бюджета», в котором «акт выполненных работ перечислен в качестве документа, подтверждающего возникновение денежного обязательства» [2, с. 297]. Действительно, документ о приемке выступает одним из оснований (доказательств), позволяющих должностному лицу – распорядителю бюджетных средств принять административно-хозяйственное решение об оплате выполненных работ. Причем работы могут быть выполнены, но решение об их оплате не принято.

Чисто технический, профессиональный характер деятельности по приемке выполненных работ не меняет и то обстоятельство, что она осуществляется в составе комиссии. Поэтому спорной является квалификация по ст. 286 УК РФ действий заместителя главы администрации района Н., который «умышленно превысил свои служебные полномочия из иной личной заинтересованности, выразившейся в желании избежать негативной оценки своей деятельности со стороны вышестоящего руководства за невыполнение муниципальной государственной программы», неосвоение выделенных ассигнований. Осужденный Н. осуществил приемку поставленных подрядчиком водонапорных башен, достоверно зная, что они не соответствуют «требованиям по качественным и количественным характеристикам, не созывая комиссию для проверки соответствия выполненных обязательств требованиям муниципального контракта». «При этом Н., – как указано в приговоре, – в полной мере осознавал, что совершает действия, которые выходят за пределы предоставленных ему полномочий, поскольку эти действия он, как должностное лицо, совершает единолично, а не коллегиально, как это установлено Федеральным законом»³. Ссылка на один из типичных видов явного выхода главы адми-

1 Приговор Володарского районного суда Астраханской области. Уголовное дело N 1-65/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).

2 Приговор Копейского городского суда Челябинской области. Уголовное дело N 1-56/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).

3 Приговор Шолоховского районного суда Ростовской области. Уголовное дело N 1-199/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).

нистрации за пределы предоставленных ему полномочий не вполне уместна, так как, даже будучи должностным лицом, выступая в качестве члена приемочной комиссии, он распорядительных полномочий не осуществлял.

На невозможность превышения должностных полномочий путем подписания акта приемки выполненных работ обратил внимание Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан, отменив приговор в части осуждения по ст. 286 УК РФ в отношении Б. Последний, «являясь должностным лицом <...>, имея осведомленность об условиях исполнения муниципального контракта <...>, достоверно зная, что работы ООО <...> не проводились, не имея законных оснований для подписания акта о приемке выполненных работ и справки о стоимости выполненных работ, подписал указанные унифицированные документы, содержащие недостоверные заведомо ложные сведения о выполненных работах, тем самым создал основания для незаконного перечисления денежных средств на расчетный счет ООО <...> за фактически невыполненные работы по указанному муниципальному контракту.

Из вышеуказанного следует, – разъяснил Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан, – что Б. при подписании акта о приемке выполненных работ, а также справки о стоимости выполненных работ и затрат не превышал свои должностные полномочия⁴.

Суды часто аргументируют квалификацию незаконного подписания «документа о приемке» по ст. 286 или 285 УК РФ тем, что субъект в целом в силу штатного расписания являлся должностным лицом, без исследования содержания его прав как члена приемочной комиссии. Так, за получение взятки был осужден К. – начальник строительного участка государственного унитарного предприятия. Он за денежное вознаграждение при осуществлении приня-

тия строительных материалов подписал товарные накладные без фактической проверки объема и качества поставляемого щебня. В ответ на апелляционную жалобу адвоката о необходимости признания К. субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, т.е. осуществляющим приемку поставленных товаров лицом, не являющимся должностным лицом, суд указал, что «К. при осуществлении своей профессиональной деятельности выполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в государственном унитарном предприятии, то есть являлся должностным лицом. В том числе руководил находящимися в его подчинении работниками, на него были возложены обязанности по подбору кадров, руководству производственно-хозяйственной деятельностью строительного участка»⁵.

По обвинению в получении взятки и злоупотреблении должностными полномочиями был оправдан начальник отделения организации учета, технического обслуживания и ремонта автотранспорта федерального казенного учреждения Л., который, действуя в интересах конкретного юридического лица, указал «в проекте государственного контракта и в техническом задании конкурсной документации требование <...>, достоверно понимая, что во включении указанного пункта не имеется никакой необходимости, это может привести только к исключению участия в аукционе иных участников». Государственный обвинитель в апелляционном представлении отметил, «что судом не рассмотрен вопрос о переквалификации действий Л. на ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, предусматривающую ответственность за нарушение законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁶.

В исследуемом аспекте примечательно обоснование судом непризнания Л. субъектом должностных преступлений: «Руковод-

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 30.05.2018 по делу N 44У-96/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Марий Эл от 16.09.2020 N 22-782/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 02.06.2020 по делу N 22-1208/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ство иными работниками учреждения не осуществлял, права распоряжаться имуществом и денежными средствами не имел, акты выполненных работ, дающих основания для их оплаты, не подписывал, работая на должности инженера, т.е. не аттестованным сотрудником, фактически являлся исполнителем, в связи с чем функции представителя власти, а также организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном учреждении не выполнял». Отнесение права подписывать «акты выполненных работ» к одному из видов реализации должностных полномочий, как было показано выше, спорно [5, с. 27-29]. Среди субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, которые не являются должностными лицами, прямо назван «член комиссии по осуществлению закупок, осуществляющий приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг». Фактическое непризнание в ч. 1 ст. 200.4 УК РФ подписания членом комиссии по осуществлению закупок акта приемки осуществлением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций обусловлено тем, что оформление акта непосредственно юридических последствий не влечет. Приемка выполненной работы и ее оплата – это два разных этапа исполнения контракта (п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 94 Федерального закона № ФЗ-44 «О контрактной системе ...»). «В части осуществления процедуры государственной и муниципальной закупки, – разъясняют Е.И. Грузинская и А.Е. Рудаков, – представитель заказчика с учетом своих личных интересов способен создавать предпосылки, условия для принятия различных решений заказчика – распорядителя бюджетных средств» [4, с. 76].

Нужно отметить, что в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» среди возможных предметов служебного подлога (ст. 292 УК РФ), а следовательно, и официальным документом, названы «протоколы комиссий по осуществлению закупок». Там же определено, что официальным является «документ, удостоверяющий

факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей». Анализ положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ свидетельствует о том, что в своих протоколах комиссия по осуществлению закупок оформляет решения, влекущие юридические последствия: отклоняет заявку участника закупки, который предоставил недостоверные сведения (ч. 4 ст. 37), необоснованную цену контракта (ч. 10 ст. 37), протоколом комиссия утверждает результаты конкурса, определяет победителя и т.п. Учитывая, что, в отличие от протокола комиссии по осуществлению закупок, акт приемки не является официальным документом, неверно квалифицировать внесение в него заведомо ложных сведений о якобы поставленном товаре или выполненной работе и как служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

Диспозиция ст. 200.4 УК РФ, пишет В.А. Перов, «в действующей редакции предусматривает не совершение определенных действий в указанной сфере, а любые действия (бездействие), нарушающие действующее в данной сфере законодательство» [6, с. 72]. В числе прочего ст. 200.4 УК РФ прямо предусматривает ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок не должностным лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. По мнению А.Ю. Сердюк, злоупотребление может заключаться в «ненадлежащей приемке поставленных товаров, выполненных работ (их результатов), оказанных услуг, в т.ч. в случае несоответствия этих товаров, работ, услуг либо результатов выполненных работ условиям контракта» [7, с. 396].

Возможны следующие варианты квалификации действий лица, подписавшего акт приемки невыполненных работ: злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); соучастие в присвоении или растрате (чч. 3-5 ст. 33, чч. 3, 4 ст. 160 УК РФ).

Сложно безоговорочно согласиться с Е.И. Грузинской и А.Е. Рудаковым, когда они

утверждают, что «отсутствие в управлении представителя заказчика государственных средств «убирает» вопрос об отграничении изучаемого преступного посягательства от хищения, которое совершается посредством присвоения или растраты с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ)» [4, с. 76]. Возможна ситуация, когда представитель заказчика, подписывая документы о приемке работ, которые фактически не выполнены, совершает преступление в соучастии со специальным субъектом – должностным лицом, наделенным административно-хозяйственными полномочиями по расходованию бюджетных средств. В данном случае пособничество в присвоении или растрате не может быть квалифицировано по ст. 200.4 УК РФ. В отличие, например, от пособничества в получении взятки (ч. 5 ст. 33, ст. 290 УК РФ) и посредничества во взятничестве (ст. 291.1 УК РФ), пособничество в присвоении или растрате (ч. 5 ст. 33, ст. 160 УК РФ) и злоупотреблении в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ) – это различные преступления. Злоупотребление в сфере закупок, в отличие от хищения, не связано с непосредственным обращением имущества собственника в пользу виновного, с причинением ему реального ущерба. Кроме того, само по себе внесение ложных сведений в акт приемки не предполагает предоставление такого акта субъекту ст. 160 УК РФ, что является одним из видов действий пособника (ч. 5 ст. 33 УК РФ).

Заметим, что злоупотребление в сфере закупок, причинившее крупный ущерб – превышающий два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (ч. 1 ст. 200.4 УК РФ), наказывается лишением свободы на срок до трех лет, присвоение или растрата, совершенные в особо крупном размере – на сумму более одного миллиона рублей (ч. 4 ст. 160 УК РФ), – лишением свободы на срок до десяти лет. Подобную оценку законодателем опасности данных посягательств можно попытаться объяснить существенными различиями в механизме причинения ущерба хищениями и злоупотреблениями. Но очевидно, что «уста-

новление законодателем столь значительных размеров крупного и особо крупного ущерба не способствует сокращению нарушений законодательства в сфере закупок» [1, с. 35].

Утверждение акта приемки невыполненных работ и представление его руководителю может выступить в качестве способа хищения. «Обман как способ совершения хищения... может состоять в сознательном... (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений... направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»⁷. Мошенничество с использованием своего служебного положения (ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ) представитель заказчика, подписывающий документ о приемке невыполненных работ, совершает, как правило, в соучастии с подрядчиком. Исключение составляет ситуация, когда субъект является фактическим владельцем организации подрядчика. С.П. Гребеншиков и П.С. Яни признают мошенничеством «деяние, в результате которого изъятое у собственника имущество передается собственником (иным лицом) не виновному и не его соучастникам или близким родственникам, а в том числе юридическому лицу, подконтрольному в силу служебного положения или иных обстоятельств виновному» [3, с. 44].

Квалифицировать оформление представителем заказчика документа о приемке заведомо невыполненных или выполненных некачественно работ как злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ) следует только при отсутствии признаков хищения. При этом внесение ложных сведений в акт приемки должно быть «совершено из корыстной или иной личной заинтересованности» и причинить крупный ущерб. Данное преступление следует отграничивать от административного правонарушения, предусмотренного ч. 10 ст. 7.32 КоАП РФ, состоящего в приемке «поставленного товара... или отдельного этапа исполнения контракта в случае несоответствия этого товара условиям контракта, если выявленное несоответствие не устранено поставщиком и привело к дополнительно-

⁷ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48.

му расходованию средств соответствующего бюджета или уменьшению количества поставляемых товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Часть 10 ст. 7.32 КоАП РФ может быть применена, если в результате незаконной приемки не был причинен крупный ущерб и (или) у субъекта отсутствовала корыстная или иная личная заинтересованность.

Следует отметить, что такие заказчики, как государственные и муниципальные органы и казенные учреждения, предпринимательской деятельностью не занимаются, поэтому ущерб в виде упущенной выгоды для них не характерен. Вследствие этого корыстный мотив в комментируемой ситуации связан с получением материального вознаграждения от заинтересованного в незаконной приемке работ лица, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4-6 ст. 200.5 УК РФ.

«Личная заинтересованность при совершении деяния, предусмотренного статьей 200.4 УК РФ, может выражаться в стремлении работника контрактной службы, контрактного управляющего или иного лица, представляющего интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, извлечь выгоды неимущественного характера для себя или других лиц, в том числе получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, например в трудоустройстве или продвижении по службе своего родственника. Также может рассматриваться в качестве проявления иной личной заинтересованности стремление в результате допущенного нарушения законодательства получить поощрение по службе, государственную или иную награду, занять более высокую должность и т.п.»⁸. При этом изученные С.Я. Яшковым материалы «свидетельствуют о том, что судебными органами желание должностного лица приукрасить действительное положение о его деятельности по развитию материально-технической

базы подведомственного государственного органа (учреждения), «освоить» бюджетные средства в текущем финансовом году не рассматриваются в качестве личной заинтересованности» [8, с. 70].

Приговором Интинского городского суда Республики Коми были осуждены глава органа местного самоуправления Т. и работник местной администрации Н. Первая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 285 УК РФ, а второй – предусмотренного ч. 1 ст. 200.4 УК РФ. «Т., являясь главой органа местного самоуправления, признана виновной в использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций и охраняемых законом интересов общества и государства.

Н. признан виновным в нарушении законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных служб контрактным управляющим, который не является должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, из иной личной заинтересованности и причинил крупный ущерб»⁹.

Как было показано выше, не может быть квалифицировано по ст. 200.4 УК РФ участие представителя заказчика, не являющегося должностным лицом, в хищении (ст. 160 УК РФ), выразившееся в незаконном подписании акта выполненных работ. Содействующий присвоению или растрате представитель заказчика осознает, что он не просто нарушает законодательство о контрактной системе, а создает основания для незаконного обращения бюджетных средств в пользу преступников. Злоупотребления, предусмотренные ст. 285 и 200.4 УК РФ, фактически имеют единый видовой объект – интересы публич-

8 О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020).

9 Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021 N 77-2902/2021 // СПС КонсультантПлюс.

ной службы, их объективная сторона выражается в принятии необоснованных распорядительного и профессионального решений. Между тем было бы неверным утверждать, что ст. 200.4 УК РФ предусматривает ответственность за пособничество злоупотреблению должностными полномочиями (ч. 5 ст. 33, ст. 285 УК РФ), в том числе при выполнении государственного оборонного заказа (ч. 5 ст. 33, ст. 285.4 УК РФ). Злоупотребление в сфере закупок (ч. 1 ст. 200.4 УК РФ) признается таковым, если оно само непосредственно причиняет крупный ущерб. Оппоненты могут возразить, заметив, что наступление такого ущерба всегда опосредуется решением уполномоченного должностного лица об

оплате невыполненных работ. Но такое неосознанное участие распорядителя бюджетных средств в развитии причинной связи не меняет юридической сущности посягательства представителя заказчика (ст. 200.4 УК РФ). Другое дело, если и само должностное лицо из личной заинтересованности злоупотребляет своими административно-хозяйственными полномочиями. В таком случае член комиссии, незаконно и с ведома злоупотребляющего руководителем организации подписывающий акт приемки, только предоставляет последнему средства совершения преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, а исполнителем, причиняющим существенный вред, является должностное лицо.

Библиографический список

1. Абрамкин, А.Д. Ущерб как признак состава злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд / А.Д Абрамкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 52-57.
2. Быкова, Е.Г. Акт выполненных работ как предмет служебного подлога / Е.Г. Быкова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI международной научно-практической конференции (г. Москва, 24-25 января 2019 г.). – М.: Проспект, 2019. – С. 295-298.
3. Гребеншиков, С.П. Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа / С.П. Гребеншиков П.С. Яни // Законность. – 2018. – № 5. – С. 147-156.
4. Грузинская, Е.И. Злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ): анализ признаков состава преступления / Е.И. Грузинская, А.Е. Рудаков // Российский правовой журнал. – 2020. – № 1. – С. 51-54.
5. Любый, И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ / И.А. Любый // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 27-29.
6. Перов, В.А. Особенности квалификации действий лиц, осуществляющих злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд / В.А. Перов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 1. – С. 70-73.
7. Сердюк, А.Ю. Злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ / А.Ю. Сердюк // Эпомен. – 2020. – № 41. – С. 387-399.
8. Яшков, С.А. Иная личная заинтересованность как мотив совершения некоторых коррупционных преступлений в сфере государственных закупок / С.А. Яшков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 2. – С. 67-70.

УДК 343.85

Владимир Владимирович КОНИН,
научный сотрудник, доцент кафедры
уголовно-процессуального права Северо-Западного
филиала Российского государственного университета
правосудия (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук, доцент
vkonin.kld@yandex.ru

Елена Васильевна СИДОРЕНКО,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук,
Почетный работник прокуратуры
Российской Федерации
es195@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF OBSERVANCE OF RIGHTS OF CHILD VICTIMS AT THE PRE-TRIAL STAGE AND POSSIBLE WAYS TO RESOLVE THEM

В статье рассматриваются возникающие на практике проблемные вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в досудебном производстве и роли должностных лиц – прокурора, следователя и дознавателя – в повышении уровня защиты прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве, анализируются существующие пробелы в законодательстве и делаются предложения, позволяющие поднять на более высокий уровень защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего, потерпевшего от преступления.

Some problematic issues arising in practice of ensuring the rights and legitimate interests of child victims in pre-trial proceedings and the role of such officials as a prosecutor, an investigator and an inquiry officer in increasing the level of protection of the rights of child victims in criminal proceedings are considered in the article. Existing gaps in the legislation are also analyzed and proposals are made to increase the protection of the rights and legitimate interests of a child victim.

Ключевые слова: прокурор, несовершеннолетний потерпевший, законные представители, следователь, дознаватель, психолог, возбуждение уголовного дела.

Keywords: prosecutor, child victim, legal representatives, investigator, inquiry officer, psychologist, initiation of criminal proceedings.

Вопросам защиты прав несовершеннолетних в уголовном процессе посвящено достаточно большое количество исследований. Но большинство из них касаются вопросов защиты прав несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности. Вместе с тем остаются в тени вопросы защищенности несовершеннолетних потерпевших, ставших жертвами преступных посягательств.

Как правило, субъектами защиты прав несовершеннолетнего потерпевшего выступают законный представитель, адвокат (если с ним заключено соглашение на оказание квалифицированной юридической помощи либо в случае, предусмотренном ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ, с возложением расходов на бюджет). К субъектам восстановления нарушенных преступлением прав несовершеннолетнего потерпевшего можно отнести дознавателя, следователя и прокурора.

Рассмотрим деятельность вышеперечисленных субъектов по защите и восстановлению прав несовершеннолетнего потерпевшего более подробно.

Одной из обязательных функций прокурорского надзора является ведение активной деятельности по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Как субъект уголовно-процессуальных отношений со стороны обвинения, обладающий властно-контрольными полномочиями по отношению к органу дознания и дознавателю (и значительно в меньшей степени к следователю), прокурор обязан постоянно, по каждому уголовному делу нацеливать дознавателя и следователя на установление всех обстоятельств совершенного преступления, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, установление виновного в совершении преступления, привлечение его к ответственности, а также принимать своевременные меры к возмещению причиненного преступлением ущерба.

Прокурор, осуществляя надзор за законностью действий и процессуальных решений органов следствия и дознания, обязан уделять достаточно пристальное внимание

правовому и фактическому положению потерпевших, особенно если потерпевшим является несовершеннолетний.

Однако анализ мнений, изложенных в научной литературе, изучение сложившейся практики, а также проведенный опрос сотрудников прокуратуры показали, что, по мнению прокуроров, осуществляющих надзор за законностью предварительного расследования, первой и наиболее важной задачей в сфере организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве является соблюдение прав обвиняемого (подозреваемого) [4, с. 286-289]. На права потерпевших от преступлений прокуроры обращают внимание лишь в тех случаях, когда в органы прокуратуры в порядке ст. 124 УПК РФ поступают соответствующие жалобы. По не вполне понятным для авторов причинам фактически все вопросы защиты потерпевшего, в том числе и несовершеннолетнего, прокуратура переложила на плечи следователя и дознавателя.

Нельзя сказать, чтобы научный мир не обращал внимания на эти вопросы, особенно в части соблюдения прав несовершеннолетних потерпевших. Есть публикации в научных журналах, есть методические рекомендации [7, с. 119-125; 8, с. 8-11; 6, с. 33-36 и др.]. Но научных публикаций на указанную тему не очень много, и на деятельность практических работников эти публикации, видимо, не влияют, что позволяет констатировать наличие разрыва между проводящимися научными исследованиями и правоохранительной практикой.

Несовершеннолетний, в отношении которого было совершено преступление, приобретает статус потерпевшего после возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании его потерпевшим. Однако права несовершеннолетнего необходимо соблюдать и охранять еще до возбуждения уголовного дела и до официального признания его потерпевшим [7, с. 25-27].

Представляется, что с учетом особого положения несовершеннолетнего в уголовном процессе прокурорский надзор за соблю-

дением прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве должен начинаться со стадии доследственной проверки сообщения о преступлении, т.е. первоначального этапа уголовного судопроизводства. При этом надзор должен быть неформальным, все материалы, в которых фигурирует несовершеннолетний в качестве вероятного потерпевшего от преступления, должны находиться под самым тщательным прокурорским контролем.

С заявлением о преступлении в правоохранительные органы может обратиться как сам несовершеннолетний, так и его законный представитель. Представляется, что круг заявителей, имеющих право на обращение в правоохранительные органы в защиту потерпевшего от преступления несовершеннолетнего, должен быть достаточно широким, считаем целесообразным предоставить это право любому лицу, которому стало известно о том, что в отношении несовершеннолетнего было совершено преступление.

Одновременно с этим может возникнуть проблема, связанная с возможными разногласиями между несовершеннолетним потерпевшим и его законным представителем. В УПК РФ отсутствует определение границ процессуальной самостоятельности несовершеннолетнего потерпевшего, отсутствуют указания, как разрешать противоречия, возникшие между ними. Например, 17-летняя несовершеннолетняя, подвергшаяся сексуальному насилию, не желает обращаться с заявлением об изнасиловании, а ее родители в праведном гневе готовы идти до конца, желая во что бы то ни стало наказать обидчика. Либо, наоборот, когда несовершеннолетний, ставший жертвой преступления, настаивает на привлечении виновного к ответственности, а законный представитель по различного рода причинам выступает против этого. И в данном случае возникает не только нравственная, но и процессуальная проблема. Законодатель, понимая чувства взрослой женщины, подвергшейся сексуальному насилию, относит такие преступления к делам частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потер-

певшей. Несовершеннолетний потерпевший лишен права выбирать свою процессуальную позицию, которую для него фактически определяет законный представитель.

Попытаться разрешить возникшие противоречия можно как самостоятельно лицу, в производстве которого находится уголовное дело, так и с приглашением иных лиц, в частности психолога.

В настоящее время вопросы участия психолога в уголовном судопроизводстве рассматриваются исключительно при производстве следственных действий с несовершеннолетними, уже имеющими процессуальный статус – потерпевшим или свидетелем [10, с. 59-63].

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит запретов на участие психолога на стадии проведения доследственной проверки сообщения о совершенном в отношении несовершеннолетнего преступлении. Таким образом, в качестве криминалистической рекомендации правоприменителю при возникновении ситуации, когда возникли противоречия в позициях несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя, необходимо предусмотреть привлечение психолога, с тем чтобы избежать возникновения конфликта, основанного на разном отношении к вопросу о возбуждении уголовного дела и привлечении к ответственности виновного.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что о возбуждении уголовного дела должно быть сообщено заявителю, а копия постановления о возбуждении уголовного дела направляется прокурору. Как показывает практика, зачастую извещение потерпевшего о возбуждении уголовного дела проводится формально. В связи с этим представляется, что прокурор, получив копию о возбуждении уголовного дела, где в качестве потерпевшего выступает несовершеннолетний, сразу же, например путем звонка по телефону, должен убедиться в том, что сообщение о возбуждении уголовного дела законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего получено, его содержание понятно, вопросы по реализации правового статуса потерпевшего и законного

представителя отсутствуют. Если у законного представителя либо у несовершеннолетнего потерпевшего имеются вопросы по поводу реализации предусмотренных УПК РФ прав и обязанностей, прокурор обязан разъяснить все возникшие вопросы.

В то же время существующая редакция ч. 2 ст. 145 УПК РФ и ч. 4 ст. 146 УПК РФ, регламентирующих обязанность должностных лиц органов предварительного расследования сообщить заявителю о возбуждении уголовного дела, не предусматривает такую же обязанность по извещению лица, которому преступлением причинен вред, если уголовное дело возбуждено по другим предусмотренным законом поводам, например, в случаях явки с повинной (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) или если сообщение о совершенном или готовящемся преступлении получено из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). И в этой ситуации возникают вопросы: кого и в какие сроки в таких случаях необходимо уведомлять о возбуждении уголовного дела? Формально заявитель в лице пострадавшего от преступления отсутствует, однако на основании собранных в ходе произведенной проверки материалов можно сделать обоснованный вывод о том, что в результате совершения каких-либо действий, расцениваемых законодателем как преступление, конкретному физическому или юридическому лицу был причинен тот или иной вред, а в действиях лица, в отношении которого проводится проверка, усматриваются признаки состава преступления.

Как справедливо отметил А.И. Глушков, «изучение судебной-следственной практики показало, что по уголовным делам, по которым поводами для возбуждения послужили любые источники информации, кроме заявления потерпевшего, свойственно следующее: потерпевшему стало известно о факте возбуждения уголовного дела спустя некоторый, а нередко и значительный, отрезок времени после вынесения следователем (дознавателем) соответствующего постановления. Поэтому мы согласны с мнением о необходимости дополнения УПК РФ положением, согласно которому потерпевший от преступления (в том

числе несовершеннолетний) будет обладать такими же процессуальными полномочиями, как и лицо, заявившее о готовящемся или совершенном преступлении» [3 с. 116].

В случае если уголовное дело о совершенном преступлении в отношении несовершеннолетнего возбуждено, постановление о признании несовершеннолетнего потерпевшим должно быть вынесено незамедлительно. Требование ч. 1 ст. 42 УПК РФ о незамедлительном вынесении такого постановления следователи (дознаватели) не всегда спешат выполнять в соответствии с требованием УПК РФ, а надзирающие прокуроры не считают это серьезным нарушением, с чем нельзя согласиться.

Сразу же после признания лица потерпевшим следователь (дознаватель) должен разъяснить ему права и обязанности, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, для того чтобы несовершеннолетний потерпевший мог выбрать наиболее целесообразные способы защиты нарушенных преступлением прав и интересов. И чем позднее несовершеннолетний потерпевший узнает о своих правах, тем дольше он будет находиться в состоянии правовой неопределенности, что влечет за собой правовую незащищенность.

Даже если эти процессуальные действия произведены своевременно, зачастую следователи (дознаватели) формально относятся к разъяснению прав, ограничиваясь лишь сообщением о том, что лицо признано потерпевшим, и просьбой расписаться в соответствующем постановлении. Прокурор должен удостовериться, что потерпевшему ясны его права, так как несовершеннолетний потерпевший, находясь в стрессовом состоянии, может и не запомнить их. Лучше всего, если потерпевшему будет вручена копия постановления о признании потерпевшим, где содержится перечень прав и обязанностей.

Одновременно с признанием несовершеннолетнего потерпевшим должен быть решен вопрос о законном представителе несовершеннолетнего, поскольку это требование закона является ключевым.

Законный представитель, реализуя свои процессуальные полномочия, должен пред-

принимать все меры по защите прав и законных интересов несовершеннолетнего [1, с. 115-117; 2, с. 11-17; 12, с. 189-192]. Для этого законные представители потерпевшего наделены практически теми же процессуальными правами, что и представляемые ими лица.

Вместе с тем действующий УПК РФ не регламентирует, как необходимо разрешать возможную ситуацию, когда позиция несовершеннолетнего потерпевшего и позиция его законного представителя не совпадают, например при принятии процессуального решения, требующего обязательного согласия потерпевшего (о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон, при возбуждении уголовного дела частного-публичного и частного обвинения, согласии/несогласии потерпевшего о производстве дознания в сокращенной форме и т.д.), на что ранее обращала внимание Н.В. Арсенова [1, с. 115-117]. В данной ситуации можно рекомендовать дознавателю и следователю вновь обратиться к помощи психолога, с тем чтобы, используя специальные знания в области психологии, попытаться найти общую точку зрения у несовершеннолетнего потерпевшего и законного представителя и выработать единую позицию.

Лишь по одному случаю возможного расхождения позиции несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя высказалась высшая судебная инстанция. Так, в соответствии с п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», когда по делу частного обвинения мнение несовершеннолетнего потерпевшего по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют.

Иные случаи расхождения позиций несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя, а также правовые

последствия таких расхождений законодательно не регламентированы, следовательно, на практике может иметь место попытка расширительного толкования и последующего неправильного применения закона.

Практика идет по тому пути, что расхождение в позициях несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя в некоторых случаях является основанием для отстранения законного представителя от участия в уголовном судопроизводстве. Действительно, в соответствии с ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ дознаватель либо следователь вправе вынести постановление об отстранении от участия в уголовном деле законного представителя, если придет к выводу, что его действия наносят вред потерпевшему и дальнейшее участие законного представителя ухудшает положение несовершеннолетнего потерпевшего [9, с. 297-300]. Однако на самом деле именно позиция, занятая несовершеннолетним потерпевшим, может объективно противоречить его истинным интересам, а позиция, занимаемая законным представителем, несмотря на ее спорность, наоборот, им соответствовать. Именно такое соотношение позиций запрограммировано самой природой института законного представительства.

При этом основания для отстранения должны быть неоспоримыми, а само постановление должно быть обоснованным и в достаточной степени мотивированным, поскольку может быть предметом рассмотрения при подаче жалобы в порядке ст. 124, 125 УПК РФ. Прокурор в случае вынесения указанного постановления следователем либо дознавателем обязан досконально разобраться в законности и обоснованности принятого решения, поскольку в данном случае могут быть самым существенным образом нарушены права несовершеннолетнего потерпевшего, причем нарушены лицом, которое в рамках уголовного судопроизводства обязано принимать все меры по восстановлению нарушенных совершенным преступлением прав потерпевшего.

На наш взгляд, с учетом особого статуса несовершеннолетнего потерпевшего постановление дознавателя либо следователя об

отводе законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего должно в обязательном порядке согласовываться с прокурором, с тем чтобы исключить возможные ошибку или злоупотребление со стороны дознавателя либо следователя своими полномочиями и вытекающее отсюда нарушение законных прав и интересов несовершеннолетнего потерпевшего. Такое может случиться, например, при возникновении конфликта между следователем (дознавателем) и законным представителем потерпевшего, что нередко случается на практике, когда законный представитель своими действиями, направленными, по его мнению, на защиту прав несовершеннолетнего, препятствует нормальному ходу расследования уголовного дела, чем фактически ухудшает положение потерпевшего, но не осознает этого в силу отсутствия знаний в области уголовного судопроизводства.

Принимая решение об отводе законного представителя от участия в уголовном деле при выявлении возникших, по мнению следователя (дознавателя), существенных противоречий в позиции несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя, следователь (дознаватель) должен понимать, что главным фактором в сложившейся ситуации является соблюдение исключительно интересов несовершеннолетнего потерпевшего, а не интересов следствия либо дознания. Прокурор, оценивая законность и обоснованность действий следователя (дознавателя) по отстранению законного представителя от участия в процессе, также должен исходить из этих позиций.

Еще одной достаточно актуальной проблемой является участие в уголовном судопроизводстве адвоката как субъекта оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего, наряду с законным представителем.

В данном случае имеются два разных подхода к разрешению этой проблемы. Первый заключается в том, что все расходы потерпевшего (в том числе и несовершеннолетнего) на адвоката в соответствии с п. 1.1 ч. 2 ст. 131

УПК РФ относятся к процессуальным издержкам, и согласно ч. 1 ст. 132 УПК РФ подлежат оплате осужденным либо за счет бюджета. Таким образом, расходы потерпевшего на адвоката как представителя потерпевшего в дальнейшем подлежат возвращению. Но, как правило, этот подход реализуется достаточно редко, поскольку представители несовершеннолетнего потерпевшего не всегда располагают необходимыми денежными средствами на оплату услуг адвоката – представителя потерпевшего и далеко не все адвокаты готовы осуществлять свою деятельность *pro bono*, т.е. на безвозмездной основе.

Второй подход заключается в том, что государство предоставляет квалифицированную юридическую помощь за счет бюджета в рамках уголовного процесса подозреваемому и обвиняемому. В некоторых случаях государство реализует также право на участие адвоката с возложением расходов на федеральный бюджет и в стадии исполнения приговора [5, с. 74-79]. В то же время единственная возможность воспользоваться несовершеннолетнему потерпевшему помощью адвоката за счет федерального бюджета предусмотрена ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ, где говорится, что по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Таким образом, участие адвоката по защите несовершеннолетнего потерпевшего с возложением расходов на федеральный бюджет зависит от заложенных в законе условий: 1) ходатайство законного представителя; 2) возраст потерпевшего младше 16 лет; 3) преступление должно быть против половой неприкосновенности.

Но насколько это положение закона справедливо? Почему это положение не распро-

страняется на несовершеннолетних потерпевших, в отношении которых совершены иные преступления?

Как быть в ситуации, когда совершено преступление против жизни и здоровья несовершеннолетнего, а его законные представители в силу различных причин лишены возможности заключить соглашение с адвокатом на представление интересов несовершеннолетнего потерпевшего, а самостоятельно они, ввиду отсутствия необходимых знаний в области права, не могут полноценно защитить и восстановить нарушенные права потерпевшего?

Полагаем, что законодатель должен устранить указанный пробел, законодательно закрепив в УПК РФ, что любой несовершеннолетний потерпевший должен иметь право на бесплатную помощь со стороны адвоката с возложением расходов на федеральный бюджет.

В то же время в некоторых регионах России имеется положительный опыт, частично решающий эту проблему.

Заслуживает внимания, например, Закон Ставропольского края от 28 октября 2010 г. «О дополнительных гарантиях защиты прав несовершеннолетних, признанных потерпевшими в рамках уголовного судопроизводства», согласно которому Комиссия по делам несовершеннолетних при получении сведений об участии несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего:

– обращается в адвокатскую палату для оказания юридической помощи несовершеннолетнему;

– организует оказание психологической помощи;

– информирует уполномоченного при губернаторе края по правам ребенка, министерство образования края о характере судебного разбирательства и предоставляемых несовершеннолетнему мерах социальной поддержки.

При этом юридическую помощь несовершеннолетние получают бесплатно. Оплата труда адвокатов в таком случае осуществляется за счет средств бюджета края.

Полагаем, что данный положительный опыт должен быть изучен законодателем, а субъектом принятия решения о назначении несовершеннолетнему потерпевшему адвоката с возложением расходов на федеральный бюджет должен выступать дознаватель с согласия прокурора либо следователь. Тем самым будет достигнута повышенная защищенность несовершеннолетнего потерпевшего, поскольку адвокат, являясь профессиональным участником уголовного судопроизводства, осуществит защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего на более высоком уровне, нежели это сможет сделать законный представитель, не владеющий необходимыми знаниями в области права, и в частности в области уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Арсенова, Н.В. Проблемы принятия процессуального решения при расхождении в позициях несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя / Н.В. Арсенова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-1. – С. 115-117.

2. Аширбекова, М.Т. О законных представителях несовершеннолетних участников уголовного процесса / М.Т. Аширбекова, В.Н. Маринина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 3 (58). – С. 11-17.

3. Глушков, А.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших на первоначальном этапе уголовного судопроизводства / А.И. Глушков // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов. – Омск, 2016. – С. 115-121.

4. Гречин, А.В. Соотношение понятий прокурорский надзор и прокурорская деятельность по соблюдению и исполнению законов в местах содержания под стражей Федеральной службой исполнения наказаний России / А.В. Гречин // Евразийский юридический журнал. – 2017. – N 3 (106). – С. 286-289.
5. Конин, В.В. Прово осужденного на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора с возложением расходов на бюджет / В.В. Конин, Л.И. Суханкина // Современное право. – 2020. – N 2. – С. 74-79.
6. Костина, Е.Н. Некоторые проблемные вопросы, касающиеся участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве со стороны обвинения / Е.Н. Костина // Российский следователь. – 2021. – N 8. – С. 33-36.
7. Кузьмина, О.Л. Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних, пострадавших в результате преступления, на стадии возбуждения уголовного дела / О.Л. Кузьмина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – N 3 (49). – С. 25-27.
8. Марковичева, Е.В. Обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Марковичева // Вопросы ювенальной юстиции. – 2020. – N 2. – С. 8-11.
9. Марковичева, Е.В. Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе / Е.В. Марковичева // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних : материалы международной научно-практической конференции / под ред. А.И. Бастрыкина. – М., 2015. – С. 297-300.
10. Марковичева, Е.В. Участие психолога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в уголовном судопроизводстве России / Е.В. Марковичева // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2020. – N 1 (47). – С. 59-63.
11. Сидорова, Е.И. Обязанности следователя, прокурора и суда по обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего / Е.И. Сидорова // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2019. – N 1 (6). – С. 119-125.
12. Стражевич, Ю.Н. Законные представители несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе России / Ю.Н. Стражевич // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – N 2. – С. 189-192.

УДК 343.1

Андрей Сергеевич БАХТА,
доктор юридических наук, профессор,
директор Омского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
генерал-майор полиции в отставке
omsk@ranepa.ru

Ибиамин Нуру-оглы НУРИЕВ,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института
МВД России (г. Хабаровск)
amin-nuriev@mail.ru

СОВМЕСТНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ (ДОЗНАНИЯ) И СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ТОРМОЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

JOINT CALCULATION OF THE TERMS OF THE PREINVESTIGATION (INQUIRY) AND THE PERIOD OF DETENTION AS AN ARTIFICIAL BRAKE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

В статье обращается внимание на проблему, связанную с правильным исчислением и порядком продления сроков предварительного следствия и дознания с мерой пресечения в виде заключения под стражу. Авторы констатируют, что в случае, когда следователь (дознатель) успеваеt завершить предварительное расследование в установленный законом срок, судебные органы не должны указывать на необходимость продления срока следствия (дознания) в соотношении со сроком содержания под стражей при избрании или продлении указанной меры пресечения. Делается вывод, что срок предварительного расследования и срок содержания под стражей подлежат самостоятельному исчислению.

The article draws attention to the problem associated with the correct calculation and procedure for extending the terms of the preliminary investigation and inquiry with a preventive measure in the form of detention. The author states that in the event that the investigator (interrogator) manages to complete the preliminary investigation within the period established by law, the judicial authorities should not indicate the need to extend the period of the investigation (inquiry) in relation to the period of detention when choosing or extending the specified preventive measure. It is concluded that the term of the preliminary investigation and the term of detention are subject to independent calculation.

Ключевые слова: срок предварительного расследования, следователь, дознаватель, суд, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, разумный срок уголовного судопроизводства.

Keywords: *the term of preliminary investigation, the investigator, the investigator, court, election of a measure of restraint in the form of detention, the reasonable term of criminal proceedings.*

В последнее время избранию меры пресечения в виде заключения под стражу во время производства предварительного расследования уделяется пристальное внимание. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем ежегодном обращении к Федеральному собранию подчеркнул, что Верховному Суду РФ и Генеральной прокуратуре РФ следует уделить особое внимание процессуальному порядку избрания указанной меры пресечения, а также обратить внимание на чрезмерно длительные сроки содержания подозреваемого или обвиняемого в заключении во время производства предварительного расследования¹.

Срок предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), как и срок содержания под стражей при производстве предварительного расследования (ч. 1 ст. 109 УПК РФ), составляет два месяца. Несмотря на четкое закрепление указанных сроков в УПК РФ, в теории уголовного процесса и практической деятельности должностных лиц, осуществляющих расследование, возникают проблемы, связанные с правильным исчислением и порядком продления сроков предварительного следствия в случаях, если в отношении подозреваемого или обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, окончание срока которой выпадает на период, когда предварительное расследование завершается.

Производство предварительного следствия включает в себя время со дня возбуждения уголовного дела до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 162 УПК РФ).

Время проверки прокурором материалов уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, в срок предвари-

тельного следствия не входит. Срок содержания под стражей не может превышать срока предварительного расследования, но расследование уголовного дела завершается или вовсе завершено. Как быть в данной ситуации? Необходимо ли продлевать срок расследования уголовного дела, если он не соотносится со сроком заключения под стражей? С сожалением следует констатировать, что законодателем этот вопрос не урегулирован.

Конституционный Суд РФ попытался разрешить указанную проблему, отметив, что при продлении срока содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого следователю необходимо «закладывать» временной запас для утверждения обвинительного заключения прокурором и принятия решения судом по поступившему уголовному делу. При этом Конституционный Суд РФ указал, что срок, в течение которого прокурор должен проверить материалы уголовного дела и принять по нему решение, определен ч. 1 ст. 221 УПК РФ и составляет 10 суток, а применительно к суду срок, в течение которого судья принимает решение в порядке ст. 227 УПК РФ, составляет 14 суток².

Однако, как справедливо указывает К. Трусов, Конституционный Суд РФ, детально разъяснив процедуру продления срока заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого во время производства предварительного расследования, не указал на необходимость продления сроков предварительного следствия [11, с. 43].

Таким образом, вопрос, связанный с целесообразностью продления сроков заключения под стражу совместно со сроками предварительного следствия, остался нерешенным.

Вместе с тем указанное постановление Конституционного Суда РФ сыграло ключевую роль в выработке ведомственных правовых актов, регламентирующих процедуру продления сроков содержания под стражей

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/by-date/15.01.2020>.

2 По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2203.2005 N 4-П // СПС КонсультантПлюс.

при производстве предварительного расследования.

Так, в 2011 г. Следственным комитетом РФ был издан ведомственный нормативный правовой акт, в п. 1.4 которого установлено, что срок содержания под стражей должен соответствовать сроку предварительного следствия до полного месяца³.

В 2020 г. Следственный департамент МВД России обязал руководителей следственных органов при производстве предварительного расследования организовать эффективную систему упреждающего процессуального и ведомственного контроля при продлении сроков следствия и сроков содержания под стражей⁴.

Согласно приказу в целях завершения предварительного следствия в двухмесячный срок, когда в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, следователи вынуждены предоставить прокурору 10 суток от общего срока предварительного следствия для принятия решения в порядке ст. 221 УПК РФ и 14 суток срока – суду для выполнения требований, установленных ч. 3 ст. 227 УПК РФ.

В связи с этим на практике сложилась ситуация, когда следователь 24 дня от общего срока предварительного следствия предоставлял прокурору и суду, а реальное расследование уголовного дела, по которому избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, вместо двух месяцев составляло 36 суток.

В 2017 г. на данную проблему обратил внимание Верховный Суд РФ, указав, что судам при решении вопроса о продлении срока содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей следует учитывать, что дан-

ный срок может быть продлен исключительно в пределах срока предварительного расследования⁵.

В настоящее время на основе выработанной Верховным Судом РФ позиции суды при рассмотрении ходатайства о продлении срока заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого требуют от следователей также продлевать и сроки предварительного следствия.

Как верно отмечает Б.Я. Гаврилов, для выполнения требования судебных органов продлевать сроки следствия и сроки заключения под стражу в таком тандеме следователи, порой завершая предварительное расследование уголовного дела и не исчерпав двухмесячного срока следствия, заблаговременно продлевают сроки следствия до трех месяцев [3, с. 39]. Такая практика складывается, в частности, когда в ходе расследования уголовного дела мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого (обвиняемого) избирается по истечении длительного периода расследования, если до окончания срока следствия остается несколько дней.

Так, следователем Хабаровского линейного управления на транспорте УТ МВД России по ДФО 1 декабря 2019 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. В ходе предварительного следствия был установлен подозреваемый в совершении указанного преступления – гражданин В., в отношении которого на основании судебного решения 1 января 2020 г. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца до 1 марта 2020 г. Следователь, несмотря на то

3 Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрания и продления срока меры пресечения в виде заключения под стражу : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 N 3 // СПС КонсультантПлюс.

4 Об утверждении Инструкции по организации процессуального и ведомственного контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий по уголовным делам, находящимся в производстве следователей органов внутренних дел Российской Федерации : приказ Следственного департамента МВД России от 29.07.2020 N 27 // СТРАС «Юрист».

5 Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.01.2017 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. N 9. С. 31-41

что успевал окончить предварительное следствие в двухмесячный срок, который истек 1 февраля 2020 г., вынужден был продлить срок предварительного следствия до трех месяцев, а именно до 1 марта 2020 г., так как срок заключения под стражу выходил за пределы срока следствия⁶.

Указанный пример не является единичным. Анализ изученных уголовных дел позволяет сделать вывод, что следователи выступают заложниками ситуации и вынуждены продлевать сроки предварительного следствия вместе со сроками заключения под стражу, так как требования судебных органов для следователей носят императивный характер.

Еще более сложная ситуация возникает, когда производство предварительного расследования осуществляется в форме дознания. Так, согласно ч. 3 ст. 223 УПК РФ первоначальный срок дознания составляет 30 суток, срок же содержания под стражей – два месяца. При избрании меры пресечения в виде заключения подозреваемого под стражу в ходе дознания, следуя позиции Верховного Суда РФ, согласно которой срок содержания под стражей может быть продлен только в рамках срока расследования, дознавателю приходится продлевать срок дознания до 90 суток вне зависимости от того, успевает он завершить расследование раньше или нет. В связи с этим на практике складывается ситуация, при которой дознаватель на расследование уголовного дела затрачивает 30 суток, а 60 суток фактически предоставляет для осуществления требований судебных органов, по аналогии со следственными органами.

Подтверждением тому могут служить результаты проведенного нами опроса следователей и дознавателей различных субъектов Дальневосточного федерального округа, который показал, что 76,2% следователей СК России, 70,5% следователей и 67,2% дознавателей ОВД РФ при решении вопроса, связанного с продлением меры пресечения в виде заключения под стражу, вынуждены

в первую очередь продлить сроки предварительного расследования.

Следует подчеркнуть, что в современной доктрине уголовно-процессуального права также отсутствует единое понимание в решении указанного вопроса.

Так, В.Ю. Стельмах, анализируя применение меры пресечения в виде заключения под стражу во время производства предварительного расследования в форме дознания, отмечает, что данная мера пресечения должна быть применена исключительно в рамках срока дознания. По мнению автора, первоначальный срок содержания под стражей во время производства дознания не должен превышать 30 суток и должен соответствовать первоначальному сроку предварительного расследования в форме дознания [9, с. 59].

Данное предложение представляется нам разумным и обоснованным. Вместе с тем, если следовать сложившейся судебной практике и принимать в расчет необходимость предоставления двух суток от срока дознания прокурору и 14 суток от срока дознания суду, дознавателю остается для расследования уголовного дела всего 14 суток. Вполне очевидно, что за такой короткий срок собрать доказательства, полно и качественно произвести расследование уголовного дела весьма затруднительно.

В.Н. Курченко, исследуя проблему, связанную с необходимостью продления сроков заключения под стражу во время производства предварительного расследования, презюмирует, что данная мера пресечения может быть применена к подозреваемому или обвиняемому только в пределах установленного срока предварительного расследования [6, с. 44].

Аналогичного мнения придерживается О.В. Качалова, указывая на взаимосвязь сроков предварительного расследования и сроков заключения под стражу [5, с. 26].

А.О. Бекетов и А.А. Бородин, наоборот, возражают против продления сроков предварительного расследования вместе со сроком

⁶ Материалы уголовного дела N 12001009407000265 по обвинению В.С.Э. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 2281 УК РФ. Архив Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте СО УТ МВД России по ДФО за 2020 г.

заключения под стражу. Авторы пишут, что продление сроков предварительного следствия или дознания, основанное лишь на обеспечении возможности установления сроков содержания под стражей, не способствует решению задач, возложенных на органы предварительного расследования. В связи с этим срок применения данной меры пресечения подлежит самостоятельному исчислению, без привязки к сроку предварительного следствия или дознания [2, с. 107].

Аналогичную позицию занимает Т.В. Шутимова, которая говорит, что в настоящее время прокурорский надзор за органами предварительного расследования и подготовка к судебному разбирательству, по сути, осуществляются за счет сроков предварительного следствия и дознания, что недопустимо. При этом она отмечает, что возложенные на органы прокуратуры и суд задачи не должны решаться фактически за счет уменьшения сроков предварительного расследования [12, с. 153], с чем мы полностью согласны.

Представители Московской академии Следственного комитета РФ А.М. Багмет, А.В. Хмелева, В.И. Саньков подчеркивают, что негативная практика судебных органов, выраженная в требовании от органов предварительного расследования продлевать сроки заключения под стражу совместно со сроком предварительного следствия или дознания в зависимости от формы расследования, в первую очередь обуславливается «перестраховкой» со стороны судебных органов, целью которой является обеспечение нахождения обвиняемого под стражей во временных рамках предварительного расследования, пока уголовное дело находится на проверке у прокурора или поступило в суд [1, с. 32].

На наш взгляд, позиция, занятая судами по указанному вопросу, не отвечает истинным целям продления сроков предварительного расследования.

Как справедливо указывает Н.П. Ефремова, «целью продления срока предварительного расследования является необходимость проведения в будущем процессуальных и следственных действий» [4, с. 23]. Уголовно-процессуальный закон обязывает следо-

вателя и дознавателя не только соблюдать сроки предварительного расследования, но и разумно их использовать, осуществляя деятельность, связанную со сбором доказательств или с принятием решений по уголовному делу. Однако, как показывает анализ судебно-следственной практики по рассматриваемой проблеме, следователи и дознаватели просто «дарят» сроки предварительного расследования органам прокуратуры и судам, что, с нашей точки зрения, является неразумным.

Казалось бы, вопрос о необходимости продления срока следствия совместно со сроком содержания под стражей был частично решен изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства», согласно которым прокурору предоставлено право ходатайствовать о продлении сроков содержания под стражей, домашнего ареста или запрета определенных действий в ходе досудебного производства.

По мнению О.Н. Тисен, данные изменения назревали давно. Автор подчеркивает, что в практической деятельности прокурорских работников встречаются случаи направления уголовного дела для утверждения обвинительного заключения в последние дни истечения срока содержания под стражей, в результате чего до изменений, внесенных в УПК РФ, прокурорам приходилось принимать решение по уголовному делу в течение двух-трех дней вместо положенных 10 дней.

О.Н. Тисен отмечает также, что на практике имели место случаи, когда прокурор, принимая решение по поступившему уголовному делу с избранной в отношении обвиняемого мерой пресечения в виде заключения под стражу, вынужден из-за большого объема материалов продлевать срок принятия решения до 30 суток. В случае продления срока проверки уголовного дела прокурором срок принятого решения по уголовному делу фактически увеличивался вместе со сроком со-

держания под стражей без соответствующего судебного решения [10, с. 42].

Как справедливо считают П.В. Седельников, Е.Е. Коробкова, Р.А. Бескембиров, данный факт обусловлен в первую очередь тем, что следователи при направлении прокурору уголовного дела с избранной в отношении обвиняемого мерой пресечения в виде заключения под стражу закладывали только 10-суточный временной запас срока следствия и срока содержания под стражей обвиняемого [8, с. 50].

Благодаря изменениям, внесенным в УПК РФ, прокурор при принятии решения по поступившему уголовному делу, где обвиняемому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, установив, что срок меры пресечения истекает, вправе ходатайствовать перед судом о его продлении в порядке, установленном ч. 2.1 ст. 221 и ч. 83 ст. 109 УПК РФ. При этом прокурор, продлевая меру пресечения, не продлевает срок предварительного расследования и не соотносит его со сроком заключения под стражу. Однако возникает логичный вопрос: зачем продлевать сроки предварительного расследования следователю (дознавателю) в случае, если он успевает окончить расследование уголовного дела в установленный законом срок, а срок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу достаточен для принятия прокурором или судом решения по поступившему уголовному делу?

Полагаем, что судебный прецедент продления срока содержания под стражей исключительно в рамках предварительного расследования является искусственным тормозом для принятия решения по расследуемому уголовному делу. Кроме того, нельзя забывать, что в соответствии с принципом разумного срока, закрепленным в ст. 6.1 УПК РФ, необоснованное затягивание и продление срока предварительного расследования может служить основанием для обращения участников уголовного судопроизводства в суд для истребования денежной компенсации за длительное расследование уголовного дела [подр.: 7, с. 127].

Анализ указанной проблемы позволяет прийти к выводу, что в случае, когда следо-

ватель или дознаватель успевает завершить предварительное расследование в установленный законом срок, то есть сроки расследования не исчерпаны, необходимость продления срока следствия или дознания в соотношении со сроком содержания под стражей отпадает.

Для того чтобы понять, успевает ли следователь (дознаватель) завершить предварительное расследование в установленные ему сроки, существует процессуальный (ведомственный) контроль, который осуществляет руководитель следственного органа или начальник органа дознания в зависимости от формы расследования.

Именно поэтому полагаем, что при решении вопроса об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу суд не должен указывать органам предварительного следствия или дознания о необходимости продлить срок предварительного расследования вместе со сроком заключения под стражу, то есть исчислять их совместно. Суд при избрании или продлении указанной меры пресечения должен убедиться лишь в одном, что срок предварительного расследования не исчерпан.

Исходя из этого, по нашему мнению, срок предварительного расследования и срок содержания под стражей подлежат самостоятельному исчислению. При этом, на наш взгляд, обязательным условием при завершении предварительного расследования следователем (дознавателем) является соблюдение при производстве предварительного следствия 24-суточного, а при производстве дознания 16-суточного срока заключения под стражу, необходимого для принятия решения прокурором и судом в порядке, установленном ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226 и ч. 3 ст. 227 УПК РФ.

С целью нивелирования изложенной проблемы указанные предложения необходимо закрепить в нормах УПК РФ, регулирующих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продление, или предусмотреть в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Багмет, А.М. Неразумные сроки предварительного следствия / А.М. Багмет, А.В. Хмелева, В.И. Саньков // Российская юстиция. – 2018. – N 8. – С. 31-33.
2. Бекетов, А.О. Взаимосвязь сроков содержания под стражей и предварительного расследования / А.О. Бекетов, А.А. Бородин // Уголовное право. – 2019. – N 3. – С. 101-108.
3. Гаврилов, Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее / Б.Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2018. – N 1. – С. 37-41.
4. Ефремова, Н.П. Исчисление и продление сроков предварительного расследования : учебно-практическое пособие / Н.П. Ефремова. – Омск, 2016. – 92 с.
5. Качалова, О.В. Заключение под стражу. Как найти 15 ошибок суда / О.В. Качалова. – М., 2018. – 35 с.
6. Курченко, В.Н. Заключение под стражу: типичные ошибки / В.Н. Курченко // Законность. – 2015. – N 8. – С. 41-45.
7. Нуриев, И.Н.о. Моральный и имущественный вред как следствие нарушения разумного срока предварительного / И.Н.о Нуриев // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – N 3. – С. 124-129.
8. Седельников, П.В. Полномочия прокурора по обращению в суд с ходатайством о продлении срока избранной в отношении обвиняемого меры пресечения / П.В. Седельников, Е.Е. Коробкова, Р.А. Бескембиров // Законность. – 2019. – N 1. – С. 49-53.
9. Стельмах, В.Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания / В.Ю. Стельмах // Российская юстиция. – 2019. – N 4. – С. 58-60.
10. Тисен, О.Н. Изменения в УПК: новые права прокурора по обращению в суд о продлении мер пресечения / О.Н. Тисен // Уголовный процесс. – 2018. – N 7. – С. 40-44.
11. Трусов, К. Продлевать срок следствия или нет? / К. Трусов // Законность. – 2006. – N 10. – С. 42-43.
12. Шутимова, Т.В. О соотношении сроков предварительного следствия и сроков содержания под стражей по современному УПК РФ / Т.В. Шутимова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. – 2011. – N 4. – С. 153-154.

УДК 343.852

Екатерина Юрьевна ЧУМАРОВА,

доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),

кандидат юридических наук, доцент

ekaterina.chumarova@mail.ru

**ПОМЕЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА**

**COMPULSORY PLACEMENT OF JUVENILE OFFENDERS
INTO SPECIALIZED INSTITUTIONS:
PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND LAWMAKING**

В статье рассматривается помещение в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел в соотношении с такой принудительной мерой, как помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Проанализирована правовая основа, определяющая процессуальный порядок помещения несовершеннолетних в указанные учреждения, обозначены затруднения, возникающие в правоприменительной деятельности, и перспективы совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой сфере правоотношений.

The article considers the issue of placement into temporary detention centers of internal affairs bodies for juvenile delinquents in correlation with such a compulsory measure as placement into special educational institutions of closed type. The legal basis determining the procedural order for placing minors into these institutions is analyzed, difficulties arising in law enforcement activities and prospects for improving the current legislation in the field of legal relations under consideration are presented.

Ключевые слова: центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Keywords: *temporary detention centers of internal affairs bodies for juvenile delinquents, special educational institutions of closed type.*

Эффективное воспитание подрастающего поколения является одной из основополагающих задач любого общества и любого государства. С этой целью в Российской Федерации создана и относительно успешно функционирует система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в которую включены

такие специализированные учреждения, как центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП) и специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее – СУВУЗТ), помещение в которые осуществляется в принудительном порядке.

Несмотря на то что помещение в ЦВСНП может предшествовать направлению в СУВУЗТ, данные меры принуждения не следует отождествлять, поскольку они имеют различную правовую природу.

Так, в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ N 120) ЦВСНП выполняют следующие задачи:

1) обеспечивают круглосуточный прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений;

2) проводят индивидуальную профилактическую работу с доставленными несовершеннолетними, выявляют среди них лиц, причастных к совершению преступлений и общественно опасных деяний, а также устанавливают обстоятельства, причины и условия, способствующие их совершению, и информируют об этом соответствующие органы внутренних дел и другие заинтересованные органы и учреждения;

3) доставляют несовершеннолетних в СУВУЗТ, а также осуществляют в пределах своей компетенции другие меры по устройству несовершеннолетних, содержащихся в указанных учреждениях.

Очевидно, что помещение в ЦВСНП не является «уголовно-правовой мерой, заменяющей наказание» [2], как ошибочно отмечают отдельные исследователи.

Авторы отчета о научно-исследовательской работе «Деятельность полиции по пресечению правонарушений несовершеннолетних», подготовленного сотрудниками Уральского юридического института МВД России, справедливо отмечают, что ЦВСНП не должны ассоциироваться с местами отбывания наказания или исправления несовершеннолетних, а также восприниматься как крайняя и жесткая мера. Деятельность этих учреждений носит профилактическую направленность, имеющую целями обеспечение защиты жизни или сохранения здоровья несовершеннолетних, предупреждение

совершения ими повторных правонарушений, а также социально-педагогическую реабилитацию [1]. Аналогичной точки зрения придерживаются и авторы методических (практических) рекомендаций «Предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних», которые отмечают, что помещение несовершеннолетних в ЦВСНП «в целях коррекции поведения», «для перевоспитания» и по иным, не указанным в ФЗ N 120, основаниям, недопустимо [4].

Категории несовершеннолетних, помещаемых в ЦВСНП, определены п. 2 ст. 22 ФЗ N 120. Условно их можно распределить на две группы:

1) несовершеннолетние, помещаемые в СУВУЗТ (направляемые по приговору суда или по постановлению судьи; временно ожидающие рассмотрения судом вопроса о помещении; самовольно ушедшие из СУВУЗТ) (пп. 1-3 п. 2 ст. 22 ФЗ N 120);

2) несовершеннолетние, совершившие противоправные деяния (такие как общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за это деяние; правонарушение, влекущее административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность либо административное правонарушение), в случаях, если личности несовершеннолетних не установлены, либо они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено противоправное деяние, либо они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено противоправное деяние, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение срока, предусмотренного пп. 1 п. 2 ст. 21 ФЗ N 120 (пп. 4-6 п. 2 ст. 22 ФЗ N 120). При этом в случае совершения общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за это деяние, помимо обстоятельств, связанных с невозможностью своевременной передачи таких

несовершеннолетних родителям или иным законным представителям, их могут поместить в ЦВСНП, если необходимо обеспечить защиту их жизни или здоровья или предупредить совершение ими повторного общественно опасного деяния.

В то же время в соответствии с п. 4 ст. 15 ФЗ N 120 в СУВУЗТ могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода, а именно:

1) несовершеннолетние, не подлежащие уголовной ответственности (в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого она наступает, либо достигли такого возраста, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими) (пп. 1,2 п. 4 ст. 15 ФЗ N 120);

2) несовершеннолетние, осужденные за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобожденные судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ (пп. 3 п. 4 ст. 15 ФЗ N 120).

При этом в отношении второй категории несовершеннолетних помещение в СУВУЗТ следует рассматривать как принудительную меру воспитательного воздействия, применяемую исключительно в качестве альтернативы лишению свободы.

Таким образом, помещение несовершеннолетних в ЦВСНП регулируется нормативными правовыми актами, относящимися к источникам административного, а не уголовного права, преследует цель защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений, предполагает проведение с ними индивидуальной профилактической работы, установление обстоятельств, при-

чин и условий, способствующих совершению правонарушений, информирование об этом соответствующих органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений, а также дальнейшее устройство несовершеннолетних. Юридическая сущность этой меры отражает ее административно-правовой характер. Отметим, что ведомственная принадлежность ЦВСНП к органам внутренних дел не меняет правовую природу данной меры. В то время как СУВУЗТ, будучи учреждениями, подчиненными органам, осуществляющим управление в сфере образования, тем не менее осуществляют реализацию принудительной меры воспитательного воздействия, заменяющей собой лишение свободы – одно из наиболее строгих наказаний, предусмотренных УК РФ.

Несмотря на значимость функций, осуществляемых ЦВСНП, их профилактический потенциал и ресурсные возможности как субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних используются далеко не в полной мере. В последние годы отмечается стабильное уменьшение количества несовершеннолетних, помещенных в указанные учреждения. Так, лимит наполняемости ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю составляет 52 койко-места, но среднесуточная наполняемость за последние три года не превышает 7 человек. При этом в 2005 г. в данный ЦВСНП были помещены 378 несовершеннолетних, в 2010 г. – 251, в 2015 г. – 218, в 2020 г. – 127, а за 10 месяцев 2021 г. всего 98¹. Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах России. Например, на территории Ставропольского края расположены два ЦВСНП, в которые ежегодно помещаются в среднем до 150 несовершеннолетних правонарушителей. При этом среднесуточная наполняемость данных учреждений составляет от 3 до 5 человек при лимите каждого центра в 25 койко-мест [3, с. 68-71]. Тенденция, связанная с уменьшением количества несовершеннолетних правонарушителей, помещаемых в ЦВСНП, прослеживается

¹ Данные получены в результате изучения статистической информации, подготовленной ЦВСНП ГУ МВД России по Красноярскому краю.

и в ходе анализа ведомственной статистической информации, представленной на сайте ФКУ ГИАЦ МВД России. Так, в 2016 г. в эти учреждения были помещены 13426 несовершеннолетних (-3,3% АППГ), в 2017 г. – 12202 (-9,1% АППГ), в 2018 г. – 11450 (-6,2% АППГ), в 2019 г. – 11053 (-3,5% АППГ)². В 2020 г. такое уменьшение отмечалось в 69 субъектах Российской Федерации. В целом по России в 2020 г. в ЦВСНП были помещены 8113 несовершеннолетних (-26,6% АППГ)³.

К сожалению, обозначенная тенденция связана не с уменьшением криминогенной активности рассматриваемой категории населения, а с проблемами нормативно-правового регулирования и сложившейся судебной практикой.

ФЗ N 120, закрепляя в соответствии с Конституцией Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, определяет, что рассмотрение материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ относится к ведению суда, устанавливает порядок и сроки их рассмотрения, а также порядок обжалования, опротестования и исполнения соответствующего постановления судьи. Однако данный нормативный правовой акт не регламентирует всех стадий процесса рассмотрения дел, не определяет порядка судопроизводства по данным делам и основных принципов его осуществления.

В то же время ч. 1 и ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации устанавливают, что судебная власть реализуется исключительно посредством четырех видов судопро-

изводства: конституционного, гражданского, административного и уголовного.

Хотя в настоящее время помещение в СУВУЗТ и в ЦВСНП не указано в перечне, содержащемся в ч. 3 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), но такие производства фактически относятся к числу административных дел, возникающих из публичных правоотношений, связанных с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам. Принимая во внимание правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации⁴, следует констатировать, что рассмотрение дела о помещении несовершеннолетнего в указанные учреждения должно осуществляться в соответствии с нормами КАС РФ.

Между тем в настоящее время КАС РФ не предусматривает специального порядка рассмотрения дел данных категорий, в связи с чем суды используют закрепленные в нем общие принципы и процедуры.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, в частности ее ст. 118 (ч. 1 и ч. 2), не исключает установления в рамках предусмотренных ею видов судопроизводства специальных процедур разрешения отдельных категорий дел, а потому закрепление в ФЗ N 120 специфических правил рассмотрения материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя при условии, что такое регулирование не отменяет действия общих принципов, присущих право-

² Статистические данные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». Форма 180. Книга 56. URL: http://10.5.0.16/csi/files/stat/book/text/txt180_202012.056.txt; http://10.5.0.16/csi/files/stat/book/text/txt180_201912.056.txt; http://10.5.0.16/csi/files/stat/book/text/txt180_201812.056.txt; http://10.5.0.16/csi/files/stat/book/text/txt180_201712.056.txt; http://10.5.0.16/csi/files/stat/book/text/txt180_201612.056.txt. (дата обращения: 07.02.2022).

³ На момент подготовки статьи в ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» отсутствовали статистические данные о количестве несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП в 2021 г. (дата обращения: 07.02.2022).

⁴ Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 8-КГ17-10, а также п. 34 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018.

судью, и процессуальных гарантий, необходимых для полноценного судебного разбирательства⁵.

Недостаточная определенность правового регулирования вопросов, связанных с помещением несовершеннолетних в рассматриваемые учреждения, является причиной затруднений в правоприменительной деятельности.

Так, проведенное нами в рамках подготовки отчета о научно-исследовательской работе анкетирование 235 сотрудников ПДН и ЦВСНП, представляющих 32 субъекта Российской Федерации, показало, что на вопрос: «В каком процессуальном порядке, по Вашему мнению, должны рассматриваться вопросы о помещении несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП (за исключением несовершеннолетних, направляемых в СУВУЗТ в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ)?» – 80,6% респондентов ответили, что в порядке, предусмотренном ФЗ N 120, 22,6% – в порядке, предусмотренном КАС РФ, 3,2% указали, что такие вопросы должны рассматриваться в рамках КАС, но с обязательным внесением в него отдельных положений, касающихся особенностей помещения в ЦВСНП. В Красноярском крае при ответе на рассматриваемый вопрос ответы распределились следующим образом: 63% указали в качестве предпочитаемого источника правового регулирования ФЗ N 120, а 37% – КАС РФ [подр.: 5].

Следует заметить, что затруднения в выборе нормативного основания для помещения несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ испытывают не только сотрудники органов внутренних дел, но и судьи.

Так, Волосовским районным судом (Ленинградская область) было принято постановление, в резолютивной части которого указано: «Постановление начальника ОМВД России по Волосовскому району Ленинградской области о возбуждении перед судом

ходатайства о направлении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа и помещении в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при ГУ МВД РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области ФИО1 удовлетворить. Несовершеннолетнего ФИО1, ДД.ММ.ГТТГ рождения, место рождения (адрес), Россия, направить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на срок 3 (три) года. До получения путевки в указанное учреждение поместить ФИО1 в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при ГУ МВД РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области на срок до 30 суток»⁶. При этом в качестве нормативного обоснования принятого решения указаны ст. 15, 22, 26-28, 31 ФЗ N 120, а упоминание о КАС РФ отсутствует. Кроме того, нарушен порядок подготовки материалов о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в СУВУЗТ, предусмотренный п. 1 ст. 26 ФЗ N 120, предполагающий, что возбуждение перед судом ходатайства о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ осуществляет комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, в то время как в соответствии с сост. 125 КАС РФ орган внутренних дел должен подать административное исковое заявление о помещении несовершеннолетнего в указанное учреждение, то есть выступить в качестве административного истца через своего представителя, обязательно имеющего высшее юридическое образование (ст. 55 КАС РФ). При этом процессуальный документ, принимаемый судом по результатам рассмотрения дел, должен именоваться не постановлением, как предусмотрено ФЗ N 120, а решением, как требуется ст. 175-180 КАС РФ.

В то же время следует отметить, что вопрос о территориальной подсудности таких административных дел следует решать с уче-

5 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Назармамадова Дидора Гулмамадовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 6 пункта 2 статьи 22 и пунктом 3 статьи 30 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: определение Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 N 690-О.

6 См.: постановление Волосовского районного суда (Ленинградская область) от 16.09.2020 N 2А-672/2020 2А-672/2020~М-580/2020 М-580/2020 по делу 2А-672/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

том положений, содержащихся в ФЗ N 120, поскольку между нормами права, содержащимися в КАС РФ и в указанном федеральном законе, имеется коллизия.

Согласно ч. 3 ст. 22 КАС РФ административное исковое заявление к гражданину или организации, которые в спорных публичных правоотношениях выступают в качестве субъекта, не обладающего административными или иными публичными полномочиями, подается в суд по месту жительства гражданина или по месту нахождения организации, если иное не установлено КАС РФ. В соответствии же с п. 1 ст. 31.1 ФЗ N 120 постановление о помещении несовершеннолетних, указанных в пп. 3-6 п. 2 ст. 22 ФЗ N 120, в ЦВСНП и материалы, подтверждающие обоснованность такого их помещения, направляются в суд начальником органа внутренних дел или его заместителем по месту задержания несовершеннолетних.

Учитывая, что для второй группы несовершеннолетних, помещаемых в ЦВСНП, одним из обязательных условий помещения в указанные места принудительного содержания является тот факт, что они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено противоправное деяние, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено противоправное деяние, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение срока, предусмотренного пп. 1 п. 2 ст. 21 ФЗ N 120 (пп. 4-6 п. 2 ст. 22 ФЗ N 120), подача искового заявления в суд по месту жительства в силу объективных причин невозможна и нецелесообразна. Решение об устройстве таких несовершеннолетних правонарушителей, оставшихся без

надлежащего надзора со стороны родителей или иных законных представителей, должно приниматься своевременно с учетом таких обстоятельств, как необходимость обеспечения защиты их жизни или сохранения здоровья либо предупреждение совершения ими повторного общественно опасного деяния (п. 2 ст. 31.1 ФЗ N 120).

Таким образом, в данном случае при решении вопроса о территориальной подсудности дела о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП (СУВУЗТ) следует руководствоваться нормами, предусмотренными ст. 27, 31.1 ФЗ N 120, поскольку они являются специальным по отношению к КАС РФ. Это не противоречит требованиям законности, поскольку не отменяет действия общих принципов, присущих правосудию, и процессуальных гарантий, необходимых для полноценного судебного разбирательства⁷. То есть по пп. 1, 2 п. 2 ст. 22 ФЗ N 120 административное исковое заявление направляется в суд по месту жительства несовершеннолетнего, а по пп. 3-6 п. 2 ст. 22 ФЗ N 120 – по месту задержания.

Учитывая, что дела о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП и в СУВУЗТ обладают определенными особенностями, требующими их специального правового регулирования, Верховным Судом Российской Федерации в качестве законодательной инициативы был разработан проект федерального закона N 618625-7 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"» (далее – законопроект)⁸.

Указанным законопроектом вносятся изменения в раздел I (Общие положения) КАС РФ, в соответствии с которыми дела о помещении несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ включаются в перечень административных

7 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Назармамадова Дидора Гулмамадовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 6 пункта 2 статьи 22 и пунктом 3 статьи 30 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: определение Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 N 690-О.

8 О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 51.

дел, рассматриваемых судами в порядке судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям (ч. 3 ст. 1 КАС РФ).

Кроме того, предусматривается включение в КАС РФ отдельных глав, посвященных производству по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в ЦВСНП (гл. 31.2) и СУВУЗТ (гл. 31.3).

Для наилучшего обеспечения интересов ребенка законопроектом предусмотрен ряд процессуальных гарантий судебной защиты прав несовершеннолетних.

В частности, законопроектом закрепляются:

- право несовершеннолетнего на личное участие в судебном заседании (ч. 6 ст. 285.9, ч. 8 ст. 285.16);

- право на оказание несовершеннолетнему профессиональной юридической помощи, реализуемое путем обязательного участия в деле адвоката, если у суда отсутствуют сведения о наличии у несовершеннолетнего представителя, отвечающего требованиям ст. 55 КАС РФ (ч.ч. 3, 5 ст. 285.9, ч. 5, 7 ст. 285.16). При этом определено, что участие представителя несовершеннолетнего и прокурора в рассмотрении дела является обязательным (ч. 5 ст. 285.9, ч. 7 ст. 285.16);

- право апелляционного и кассационного обжалования в порядке, предусмотренном гл. 34, 35 КАС РФ (ст. 285.12, 285.19).

В целях соблюдения конфиденциальности информации, касающейся несовершеннолетних, законопроектом предлагается закрепить возможность рассмотрения дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ, в закрытом судебном заседании (ч. 2 ст. 285.9 и ч. 4 ст. 285.16), что будет соответствовать положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6) и Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Правило 8).

Законопроект устанавливает, что о принятии заявления к производству суд информирует уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, который вправе участвовать в рассмотрении дела и дать заключение по делу (ч. 2 ст. 285.8, ч. 2 ст. 285.15). Предполагается, что это позволит уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации оперативно реагировать на возникшую ситуацию и реализовать свои права в защиту интересов несовершеннолетнего.

Законопроект предусматривает возможность утверждения судом соглашения о примирении по делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ (ч. 10 ст. 285.16). К числу вопросов, по которым судом может быть утверждено соглашение о примирении, относится вопрос о порядке (сроках, месте) проведения медицинского освидетельствования, которое необходимо для определения возможности помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ (например, в каком медицинском учреждении может быть проведено медицинское освидетельствование несовершеннолетнего). Возможность заключения соглашения о примирении по указанной категории дел направлена на сохранение семейных связей.

Предлагаются изменения в ст. 120 раздела II («Меры процессуального принуждения»), допускающие возможность применения привода к несовершеннолетним лицам старше четырнадцати лет, что улучшает положение несовершеннолетних по сравнению с действующими нормами ФЗ N 120-ФЗ, допускающими применение привода к несовершеннолетним независимо от их возраста (п. 5 ст. 26 указанного закона).

В связи с изменениями, которые предлагается внести в КАС РФ, законопроектом предусматривается также внесение корреспондирующих изменений в ФЗ N 120.

28 декабря 2018 г. рассматриваемый законопроект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, а 30 мая 2019 г. принят ею в

первом чтении⁹, после чего процесс был приостановлен.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что Россия как правовое государство обязана обеспечивать действенную защиту прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, гарантирующего их охрану от произвола властей и отвечающего требованиям справедливости, а также осуществляемого на основе законодательно закрепленных критериев, которые в нормативной форме (в виде общих правил) предопределяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, – это позволяет суду, участникам процесса, иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в данном вопросе¹⁰.

В то же время из принципа юридического равенства применительно к реализации права на судебную защиту (ст. 19, ч.ч. 1 и 2; ст. 46, ч. 1; ст. 123, ч. 3, Конституции Российской Федерации) вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом¹¹.

Так, в настоящее время правоприменительная практика отражает острую необходимость внесения в действующее законодательство изменений, направленных на совершенствование регулирования судопроизводства по делам о помещении несовершеннолетних в такие места принудительного содержания, как ЦВСНП и СУВУЗТ.

9 О проекте федерального закона N 618625-7 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 30.05.2019 N 6251-7 ГД.

10 См.: постановления Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 N 7-П, от 20.02.2006 N 1-П, от 21.01.2010 N 1-П, от 26.05.2011 N 10-П, от 19.07.2011 N 17-П, от 25.06.2013 N 14-П, от 11.11.2014 N 28-П, от 20.10.2015 N 27-П, от 02.03.2017 N 4-П, от 29.11.2019 N 38-П и др.

11 См.: постановления Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 N 19-П, от 16.07.2007 N 12-П и от 25.03.2008 N 6-П; определения Конституционного Суда РФ от 03.11.2006 N 455-О, от 07.02.2008 N 226-О-О, от 15.04.2008 N 263-О-О, от 15.07.2010 N 943-О-О и др.

Библиографический список

1. Деятельность полиции по пресечению правонарушений несовершеннолетних : отчет о НИР / науч. рук. Ж.Ю. Третьякова. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2013.
2. Ищенко, Е.В. Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних : учебное пособие / Е.В. Ищенко, О.И. Копытина, А.И. Четверикова. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2019.
3. Осадчая, Е.М. Обеспечение применения к несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия путем помещения в ЦВСНП (Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей) / Е.М. Осадчая, А.Н. Димитров, С.С. Сотников // Административное право и административный процесс. – 2020. – N 1. – С. 68-71.
4. Предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних : методические (практические) рекомендации / А.А. Бондарев [и др.]. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015.
5. Чумарова, Е.Ю. Подготовка материалов для помещения несовершеннолетних правонарушителей в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел : отчет о НИР / Е.Ю. Чумарова, Ю.А. Роженок. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.

УДК 343.98

Арби Русланович АКИЕВ,
начальник кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
melhi530@mail.ru

Дарья Юрьевна АКИЕВА,
доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
aurier@mail.ru

**ПРЕДМЕТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 327 УК РФ**

**THE SUBJECT AS AN INTEGRAL ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC
CHARACTERISTICS OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 327
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье подчеркивается актуальность проблем расследования подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, рассматривается понятие криминалистической характеристики преступлений и ее практическое значение для эффективного расследования преступлений отдельных видов. В результате проведенного исследования авторами предлагается и обосновывается структура криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, а также приводится развернутый анализ предмета данного преступления как одного из основных элементов рассматриваемого вида общественно опасных посягательств.

The article emphasizes the relevance of the problems of investigation of forgery, manufacture or trafficking of forged documents, state awards, stamps, seals or letterheads, examines the concept of criminalistic characteristics of crimes and its practical significance for the effective investigation of certain types of crimes. As a result of the conducted research, the authors propose and substantiate the structure of the criminalistic characteristics of crimes under Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also provide a detailed analysis of the subject of this crime as one of the main elements of the considered type of socially dangerous encroachments.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, подделка, официальный документ, предмет преступления.

Keywords: *criminalistic characterization of crimes, forgery, official document, subject of crime.*

Доступность современных технологий для широких слоев населения и возможности современного оборудования и различного рода программного обеспечения позволяют преступниками использовать их для фальсификации практически любого вида документа. Процессы глобализации и информатизации современного общества, в частности возможность оказания и получения различного рода государственных и иных услуг посредством использования ресурсов сети Интернет, активное распространение и использование электронных подписей и т.п., во многом способствуют совершению преступлений в данной сфере. Различные виды фальсификатов дают возможность преступникам исказить действительную информацию, создавать ложные юридические факты и события, а также нередко используются для совершения иных общественно опасных посягательств, например различных видов мошенничеств (ст. 159-159.6 УК РФ), отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности (ст. 171, 172, 174, 174.1, 176 УК РФ и др.).

В связи со спецификой предмета преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ,

следует отметить, что такие противоправные деяния обладают рядом особенностей, свойственных данному виду преступлений. Соответственно, и производство различных следственных действий по уголовным делам по подделке, изготовлению или обороту поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков обладает выраженной спецификой, требующей от следователей (дознателей) ее учета при выборе тактических приемов.

В соответствии с данными судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, на протяжении последних 7 лет подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков являются одними из самых распространенных преступлений против порядка управления. Так, каждый год почти 1/4 всех обвинительных приговоров, выносимых отечественными судами по главе 32 УК РФ, содержат обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ (табл. 1¹).

Таблица 1

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 1-е полу- годие
Количество лиц, осужденных по ст. 327 УК РФ	10456	10952	11284	8367	11057	8010	4640
Количество лиц, осужденных за преступления против порядка управления	38552	43690	47201	45566	39613	33792	15913
Удельный вес осужденных по ст. 327 УК РФ в общем числе осужденных за преступления против порядка управления (%)	27,1	25	23,9	18,4	27,9	23,7	29,2

Между тем, исходя из анализа статистических данных, на практике сотрудники нередко сталкиваются с трудностями при расследовании фактов подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков. Так, согласно официальным статистиче-

ским данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, ежегодно на протяжении последних 5 лет от 9,7% до 57,1% всех выявленных и зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, остаются нераскрытыми (табл. 2)², что, по нашему мнению, свидетельствует о наличии

1 Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения 10.01.2022).

2 Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 12.01.2022).

у дознавателей и следователей определенных трудностей при расследовании данных преступлений.

Таблица 2

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ	1075	1054	764	602	875	566	380
Количество раскрытых преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ	819	952	575	509	375	381	277
Удельный вес нераскрытых преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, в общем числе зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ (%)	23,8	9,7	24,7	15,4	57,1	33,3	27,1

Представляется, что преступной деятельности по подделке, изготовлению или обороту поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков присущи определенные особенности, знание которых необходимо для производства качественного и эффективного расследования преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ.

Стоит заметить, что эффективность противодействия отдельным видам преступлений во многом обеспечивается знанием сотрудниками правоохранительных органов криминалистической характеристики тех или иных групп преступлений. Криминалистическая характеристика конкретного вида преступления лежит в основе успешной разработки и применения методики их расследования. Закономерные связи между ее элементами помогают строить версии, целенаправленно организовывать поиск преступника, своевременно закреплять следы, оставшиеся на месте преступления, что особенно актуально на первоначальном этапе расследования.

Несмотря на то, что понятие «криминалистическая характеристика преступлений» относится к числу основных понятий криминалистической теории и практики и широко используется в научной и учебной литературе, данный термин сам по себе является объектом научных исследований на протяжении многих лет, вплоть до настоящего времени выступает предметом оживленных научных дискуссий. В частности, о понятии и содержании криминалистической характеристики преступления существует множество точек

зрения [4, с. 225; 5, с. 6; 7, с. 16-17; 11, с. 327]. В основном они разнятся по элементам и структуре криминалистической характеристики. В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению особенностей криминалистической характеристики подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, целесообразно разобраться с понятием и содержанием криминалистической характеристики преступлений в целом.

Представляется, что проблема единства мнений относительно понятия и содержания криминалистической характеристики преступлений как научной категории обусловлена двумя основными факторами.

Во-первых, подходом к пониманию криминалистической характеристики преступлений. Ряд авторов рассматривают ее в широком смысле – то есть как своеобразную «всеобщую» теоретическую типичную модель, которая свойственна либо для всех преступлений, либо для их отдельных групп. Другие ученые определяют криминалистическую характеристику преступлений в узком смысле, то есть как характеристику конкретного общественно опасного деяния.

Здесь хотелось бы отметить, что наиболее верным, по нашему мнению, является компромиссный вариант, которого придерживаются некоторые криминалисты, и предлагают в соответствии с ним разделять криминалистическую характеристику преступления на «всеобщую» и «криминалистическую характеристику конкретного деяния (преступле-

ния)» [14, с. 5; 17, с. 115]. Обозначенного подхода придерживается, к примеру, профессор Н.А. Селиванов, который предлагает различать «типовую криминалистическую характеристику, т.е. совокупность типичных данных о преступлениях определенного вида и связанных с ними обстоятельствах, и индивидуальную – определяющую конкретное преступное посягательство» [15, с. 130]. Аналогичной точки зрения на деление криминалистической характеристики на общую и конкретного вида преступления придерживается Г.А. Густов [6, с. 44].

Вторым фактором, определяющим криминалистическую характеристику преступлений, является количество и содержание элементов, которые целесообразно включать в ее содержание. Стоит заметить, что количество и виды элементов, входящих в состав криминалистической характеристики преступлений, также являются предметом самостоятельных дискуссий в криминалистической науке.

Например, Л.А. Сергеев в криминалистическую характеристику общественно опасных деяний включал следующие элементы: «1) объект посягательства; 2) данные, характеризующие участников преступления; 3) обстановку совершения преступления; 4) особенности способов и следов преступления» [16, с. 56]. Р.С. Белкин считал, что в состав криминалистической характеристики преступлений необходимо включать как можно большее количество элементов, и относил к их числу системы данных: «1) о личности вероятного преступника; 2) о вероятных мотивах преступления; 3) о личности типичной жертвы преступления; 4) о способе совершения преступления; 5) о способе сокрытия преступления, а также типичных последствиях его применения; 6) о некоторых обстоятельствах совершения преступления (время, место, обстановка)» и др. [1, с. 172].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что вывести единый комплекс элементов криминалистической характеристики преступлений в целом весьма проблематично. Соответственно, для различных видов и групп общественно опасных деяний содержание криминалистической характеристики не

должно и не может быть одинаковым. Вполне логично и закономерно, что для каждого вида преступных посягательств следует формировать свой уникальный перечень элементов криминалистической характеристики, который будет присущ данному виду преступлений и будет определять их специфику.

В связи с этим полагаем, что следует определить основной круг элементов криминалистической характеристики, свойственный преступлению, предусмотренному ст. 327 УК РФ. В указанных целях представляется целесообразным обратиться к уже существующим точкам зрения ученых-криминалистов, которые исследовали вопросы преступлений, связанных с подделкой различных предметов (денег, банковских карт, документов и т.д.).

К примеру, по мнению В.В. Омельяновича, который на монографическом уровне рассматривал особенности расследования преступлений, предусмотренных непосредственно ст. 327 УК РФ, к элементам, входящим в состав криминалистической характеристики подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, следует относить: «1) информацию о предмете преступного посягательства; 2) сведения о способах совершения преступления; 3) сведения о механизме следообразования; 4) информацию об обстановке совершения преступления; 5) данные о личности преступника» [13, с. 19].

Е.Г. Коваленко, посвятившая исследование изучению проблем расследования преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности с использованием подлога документов, в число элементов их криминалистической характеристики включает: «1) типичные модели механизма преступления; 2) типичные сведения о свойствах личности субъекта подлога и характер его связей с адресатами подлога, а также иными лицами, причастными к преступлению; 3) понятие и криминалистическую классификацию подлога документов; 4) типичные связи преступления с внешней средой» [9, с. 70].

Изучив обозначенные выше и иные позиции относительно содержания и количества

элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с подделкой каких-либо предметов, было принято решение ограничиться следующим перечнем элементов, которые, на наш взгляд, свойственны криминалистической характеристике преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ: 1) сведения о предмете подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков; 2) сведения о типичных способах совершения подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков; 3) сведения об обстановке совершения подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков.

Полагаем, четкое определение содержания обозначенных элементов криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, будет способствовать более эффективному предупреждению и пресечению данных преступлений на ранних стадиях совершения преступной деятельности со стороны сотрудников правоохранительных органов. Наличие более детальной информации даст также возможность сотрудникам органов дознания и следствия на первоначальном этапе расследования скоординировать свою деятельность и верно определить типичные следственные ситуации, возникающие при подделке, изготовлении или обороте поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, а также выдвинуть наиболее правильные и обоснованные версии по каждой из них.

В то же время представляется, что включение в криминалистическую характеристику преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, таких элементов, как сведения о личности потерпевшего, сведения о мотивации преступного поведения, сведения о механизме слеодообразования, является излишним. Проблема личности преступника, безусловно, является одной из центральных для наук, связанных с преступностью, однако наиболее фундаментально изучением социально-пси-

хологических свойств и качеств человека, являющихся причинами и условиями совершения преступлений, занимается прежде всего такая наука, как криминология. Исследованию вопросов потерпевших, обладающих индивидуальной или групповой способностью стать жертвами преступного деяния, посвящен самостоятельный раздел криминологии – виктимология. Что касается сведений о мотивации преступного поведения, то здесь следует заметить, что данный элемент носит скорее уголовно-правовую нагрузку, нежели криминалистическую. Безусловно, мотив, движущий преступником при совершении преступления, оказывает помощь в установлении истины по делу, а в некоторых случаях даже влияет на квалификацию преступления, но определять методы расследования, по нашему мнению, он не может.

Таким образом, одним из ключевых элементов криминалистической характеристики подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков прежде всего выступает предмет преступного посягательства. Криминалистическая значимость этого элемента заключается в том, что воздействие преступника на предмет преступного посягательства связано с возникновением различного рода изменений этого предмета [2, с. 230]. В рамках данной работы акцентируем внимание на детальном анализе этого элемента криминологической характеристики преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Исследование изменений отечественного уголовного законодательства в части установления ответственности за преступные действия, связанные с фальсификацией документов, позволяет обнаружить тенденцию к дифференциации уголовной ответственности в зависимости от вида фальсификата, что влечет закономерные сложности в понимании предмета рассматриваемого преступления.

Например, в декабре 2014 г. из ст. 327 УК РФ в предмет отдельного состава преступления, предусмотренного ст. 327.2 УК РФ, законодателем были выделены поддельные документы на лекарственные средства или

медицинские изделия, а равно поддельные первичная упаковка и (или) вторичная (потребительская) упаковка лекарственного препарата³. В июле 2019 г. сама ст. 327 УК РФ претерпела серьезные изменения, в том числе в части предмета данного преступления⁴. Законодатель дифференцировал уголовную ответственность за подделку и оборот фальсификатов в зависимости от вида фальсификата и действий по незаконному обороту, совершаемых с ним. Если ранее действующая редакция ст. 327 УК РФ включала в себя три части, то в настоящее время она состоит из пяти частей, где ч. 1 и ч. 2, а также ч. 3 и ч. 5 отличаются друг друга по признакам предмета преступного посягательства.

В настоящее время ст. 327 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за подделку, изготовление или оборот следующих видов предметов: 1) официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей (в том числе паспорт гражданина или удостоверение, предоставляющее права или освобождающее от обязанностей); 2) государственные награды РФ, РСФСР, СССР; 3) штампы; 4) печати; 5) бланки.

Уголовный закон не содержит определения официального документа как предмета преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Между тем в юридической литературе существует достаточно большое количество определений официального документа.

Анализ научной литературы позволил нам прийти к выводу о том, что наибольшее распространение имеют три подхода к определению официального документа. Большинство ученых и практиков «относят к официальным те документы, которые находятся в обороте государственных и муниципальных органов, учреждений, предприятий и иных организа-

ций». Другие авторы «признают официальными только те документы, которые выдаются государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, предприятиями и иными организациями». «Документы, исходящие из различных коммерческих структур, а также некоммерческих организаций, не являющихся государственными или муниципальными, они не относят к официальным». Третья позиция сводится к тому, что к «официальным документам следует относить и частные документы». При этом авторы связывают «придание официального статуса документу, составителем которого является частное лицо, с нахождением его в обороте государственных, муниципальных органов и организаций (заявления, жалобы, документы, заверенные нотариусом или лицами, чьи подписи приравниваются к нотариально заверенным)» [3, с. 147-150; 12, с. 581].

Несмотря на ценность научных понятий официального документа, полагаем, что при его определении следует ориентироваться прежде всего на действующее отечественное законодательство.

Так, в п. 8 ГОСТ Р 7.0.8-2013 официальный документ определяется как «документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке». В указанном ГОСТе также имеется определение документа в целом, который трактуется весьма лаконично как «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать»⁵.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. N 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документом признается «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме

3 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок : Федеральный закон от 31.12.2014 N 532-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

4 О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2019 N 209-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

5 ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : утв. приказом Росстандарта от 17.10.2013 N 1185-ст. // СПС КонсультантПлюс.

информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения». Согласно ст. 5 данного Федерального закона официальный документ – это «документ, принятый органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованный ими или от их имени».

Представляется, что именно последнее из обозначенных нормативно-правовых определений было взято за основу Верховным Судом РФ, который в п. 1 постановления Пленума от 17 декабря 2020 г. N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», дал практически аналогичное толкование официального документа, определив его как «документ, в том числе электронный документ, который создается, выдается либо заверяется в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления либо уполномоченными организациями или лицами (образовательными, медицинскими и иными организациями независимо от формы собственности, должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях, экзаменационными, врачебными и иными комиссиями, нотариусами и пр.) и удостоверяет юридически значимые факты».

Следует обратить внимание, что Верховный Суд РФ, в отличие от законодателя, относит к официальным документам как предмету преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, в том числе и электронные документы.

В современном мире электронные документы и электронный документооборот приобретают все более широкое распространение. В последние годы электронный доку-

ментооборот получил широкое применение в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, федеральных служб и агентств по оказанию государственных и муниципальных услуг [8, с. 10].

На законодательном уровне понятие электронного документа представлено в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где электронный документ трактуется как «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». В п. 10 ГОСТ Р 7.0.8-2013 аналогичный термин раскрывается как «документ, информация которого представлена в электронной форме».

По мнению М.А. Ефремовой, «законодательное определение электронного документа нельзя признать удачным, так как в нем делается акцент лишь на форму документа» [8, с. 11]. Дело в том, что «законодатель не указывает, какими обязательными признаками должен обладать отдельный электронный документ, ведь не каждый электронный документ имеет статус официального». Так, исходя из законодательного определения электронного документа, таковым можно признать и любой файл, созданный в любом текстовом редакторе, к примеру в программе Microsoft Word.

В связи с этим стоит признать верной позицию, согласно которой «электронный документ, равно как и документ на бумажном носителе, должен обладать реквизитами, позволяющими его идентифицировать». Только при наличии таких реквизитов электронный документ приобретет юридическую силу, т.е. «свойство документа, сообщаемое ему действующим законодательством, компетенцией издавшего его органа и установленным порядком оформления» [8, с. 11-12].

На сегодняшний день таким специальным реквизитом в соответствии с действующим законодательством выступает электронная

подпись. Под электронной подписью в ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» понимается «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». В данном Федеральном законе также отмечается, что «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе».

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что электронный документ целесообразно признавать официальным в случае, когда он создается, обрабатывается, хранится и передается с помощью электронных технических средств и содержит необходимые реквизиты, подписан с соблюдением требований, предусмотренных Федеральным законом «Об электронной подписи».

В числе предметов преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, законодатель уделил особое внимание такой разновидности официальных документов, как паспорт гражданина или удостоверение, предоставляющее права или освобождающее от обязанностей, выделив их в самостоятельную часть ст. 327 УК РФ.

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим понятие, форму, основные реквизиты паспорта граждан Российской Федерации, а также иные вопросы, является Положение о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 г. N 828,

в соответствии с которым «паспорт гражданина Российской Федерации является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации». Все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации, обязаны иметь паспорт. В паспорт вносятся следующие сведения о личности гражданина: фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения и место рождения. Часть отметок в паспорте являются обязательными, например, отметка о регистрации гражданина по месту жительства и снятии его с регистрационного учета. Другая (большая) часть отметок производится в паспорте по желанию гражданина. Речь идет, в частности, об отметках о регистрации и расторжении брака, о группе крови и резус-факторе и др. Бланки паспорта изготавливаются по единому для всей Российской Федерации образцу и оформляются на русском языке.

Относительно удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. N 43 отмечается, что таковым «может быть признан документ, предназначенный для подтверждения личности, должности (статуса) лица, прав и полномочий, предоставленных лицу в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации (например, служебное удостоверение сотрудника правоохранительного органа, предоставляющее право на хранение и ношение огнестрельного оружия и специальных средств)». Аналогичный смысл в термин «удостоверение» вкладывается и в юридической литературе, где под удостоверением обычно понимается документ, которым подтверждаются личность физического лица и (или) его статус или право. Удостоверение выдается уполномоченным на то органом, заверяется надлежащим должностным лицом, может также заверяться печатью (например, водительские права, охотничий билет, удостоверение сотрудника полиции, во-

енный билет и т.д.)⁶. Соответственно, форма и содержание каждого вида удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, будет устанавливаться отдельными нормативно-правовыми актами, исходя из сферы и специфики регулируемых общественных отношений.

К предмету преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, относятся государственные награды РФ, РСФСР, СССР. Основным нормативным правовым актом, регламентирующим в настоящее время виды отечественных государственных наград, порядок представления к награждению государственными наградами и саму процедуру награждения, а также правила их вручения, хранения и ношения, является Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. N 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации».

В соответствии с указанным нормативным правовым актом «государственные награды Российской Федерации являются высшей формой поощрения граждан Российской Федерации за заслуги в области государственного строительства, экономики, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, социально-экономическое и технологическое развитие Российской Федерации, развитие культуры, искусства, науки, просвещения, физической культуры и спорта, духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством».

Устанавливаются следующие виды государственных наград Российской Федерации: «1) высшие звания Российской Федерации; 2) ордена Российской Федерации (знак отличия ордена Святого Георгия – Георгиевский

Крест); 3) медали Российской Федерации (почетный знак Российской Федерации «За успехи в труде»; знаки отличия Российской Федерации); 4) почетные звания Российской Федерации».

К предмету анализируемого вида преступлений законодателем также отнесены штампы, печати и бланки.

На законодательном уровне нам не удалось обнаружить нормативное понятие штампа. Между тем в юридической литературе штамп обычно определяют как «ручные печатные формы (клише) для производства оттисков, в которые письменно вносится информация о дате выдачи, номере документа и т.д» [10].

В то же время термины «бланк» и «печать» получили правовую регламентацию на уровне национального стандарта Российской Федерации. Согласно п. 48 ГОСТ Р 7.0.8-2013 бланк документа – это «лист бумаги или электронный шаблон с реквизитами, идентифицирующими автора официального документа». Бланк представляет собой лист бумаги с оттиском штампа или частично напечатанным типографским текстом, подлежащий последующему заполнению лист бумаги, как правило, с нанесенным на него набором идентифицирующих реквизитов. Бланк обычно используется для изготовления документа. Бланки относятся к документам строгой отчетности и имеют на обороте номера, нанесенные в типографии⁷.

В соответствии с п. 71 ГОСТ Р 7.0.8-2013 печать – это «устройство, используемое для заверения подлинности подписи должностного лица посредством нанесения его оттиска на документ». Следует также отметить, что в отношении печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации действует самостоятельный государственный стандарт – ГОСТ Р 51511-2001⁸. В п. 2.1 обозначенного ГОСТа печатью при-

⁶ Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства : утв. ФССП России 15.04.2013 N 04-4 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Там же.

⁸ ГОСТ Р 51511-2001. Государственный стандарт Российской Федерации. Печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации. Форма, размеры и технические требования : утв. постановлением Госстандарта России от 25.12.2001 N 573-ст // СПС КонсультантПлюс.

знается «устройство, содержащее клише печати для нанесения оттисков на бумагу». При этом п. 2.2 данного же раздела определяет оттиск как «изображение клише печати на бумаге», а п. 2.3 клише печати раскрывает как «элемент печати, содержащий зеркальное отображение оттиска печати». Кроме того, ГОСТ Р 51511-2001 также устанавливает ряд технических требований к печатям с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации, к сырью, материалам, покупным изделиям, используемым для изготовления и применения печатей таких печатей, к клише печати, изготовленной из резины, а также технические требования по защите печатей с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации от подделки. К примеру, п. 6.1 закрепляет требование о наличии у печати с воспроизведением Государственного герба Российской

Федерации не менее четырех обязательных элементов защиты от подделки.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что, по нашему мнению, учет обозначенных выше особенностей криминалистической характеристики предмета подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков при осуществлении правоприменительной деятельности будет способствовать минимизации ошибок при квалификации преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, а также расследовании уголовных дел данной категории, что, в свою очередь, позволит эффективно и качественно осуществлять правоохранительным и иным органам необходимую процессуальную деятельность и борьбу с преступными посягательствами такого рода.

Библиографический список

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории – к практике / Р.С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1988. – 304 с.
2. Бессонов, А.А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений / А.А. Бессонов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – N 4. – С. 228-233.
3. Вакорина, П.И. Официальный документ как предмет преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ / П.И. Вакорина // Modern Science. – 2019. – N 7-2. – С. 147-150.
4. Возгрин, И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография / И.А. Возгрин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 475 с.
5. Герасимов, И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в структуре частных методик / И.Ф. Герасимов // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений : межвуз. сб. науч. трудов Свердловск. – 1978. – Вып. 69. – С. 5-10.
6. Густов, Г.А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений / Г.А. Густов // Криминалистическая характеристика преступлений : сборник научных трудов. – М., 1984. – 418 с.
7. Драпкин, Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений / Л.Я. Драпкин. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. – С. 11-18.
8. Ефремова, М.А. Электронный документ как предмет преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации / М.А. Ефремова. – 2015. – N 5 (49). – С. 10-15.
9. Коваленко, Е.Г. Расследование преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности с использованием подлога документов : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Коваленко. – Владивосток, 2007. – 203 с.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) (том 4) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017.
11. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 239 с.
12. Ляхова, В.В. Документы как предмет преступлений, предусмотренных ч.ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ: проблемы теории и практики / В.В. Ляхова // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VII международной научно-практической конференции. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 579-588.
13. Омелянович, В.В. Понятие и содержание криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ / В.В. Омелянович // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – N 2 (53). – С. 15-20.
14. Селиванов, Н.А. Поиск аналогов по делам об убийствах / Н.А. Селиванов. – М.: ВИИПР-МПП, 1987. – 278 с.
15. Селиванов, Н.А. Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 152 с.
16. Сергеев, Л.А. Криминалистика / Л.А. Сергеев. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
17. Яблоков, Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / Н.П. Яблоков, А.Н. Васильев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 143 с.

УДК 343.973

Евгений Владимирович ЧИНЕНОВ,

начальник кафедры криминалистики

Белгородского юридического института

МВД России,

кандидат экономических наук, доцент

Chinenovevg@yandex.ru

**ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ
И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

**THE SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT AS AN ELEMENT
OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF ECONOMIC CRIMES
COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT
INFRASTRUCTURE FACILITIES**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся предмета преступного посягательства как структурного элемента криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, приводится классификация предмета преступного посягательства, показываются особенности закономерных связей между предметом преступного посягательства и иными элементами криминалистической характеристики. Делается вывод о значении предмета для организации расследования анализируемых преступлений.

The article deals with the issues related to the subject of criminal encroachment as a structural element of the forensic characteristics of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities; the classification of the subject of criminal encroachment is given; the peculiarities of the natural connections between the subject of criminal encroachment and other elements of forensic characteristics are revealed. The conclusion is made about the significance of the subject for the organizing the investigation of the analyzed crimes.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика расследования преступлений, криминалистическая характеристика преступлений экономической направленности, железнодорожный транспорт.

Keywords: private forensic methodology of crime investigation, forensic characteristics of economic crimes, railway transport.

Одним из элементов системы криминалистической характеристики преступлений, как нельзя точно отражающих криминалистическую сущность рассматриваемых деяний, выступает предмет преступного пося-

гательства. В ее структуре он обоснованно доминирует. Имея прямую связь с обстановкой преступления, личностью преступника, предмет преступного посягательства детерминирует выбор способа приготовления, соверше-

ния и сокрытия преступления, что объясняет его важное методологическое значение, наделяя широкими возможностями в конструктивном использовании при решении задач частной криминалистической методики.

Однако, несмотря на свою весомость с точки зрения криминалистики, эта составляющая совокупности объективных сведений об обстоятельствах преступлений до настоящего времени практически не подвергалась научному исследованию. Исключение составляет разве что незначительный ряд работ.

Малая изученность открывает все возможности для деятельности. Она оправдывает формулирование собственных взглядов, тем более актуальных с практической точки зрения, когда в привязке к конкретным (выбранным) видам преступлений можно и должно ставить вопрос о рассмотрении предмета преступного посягательства с криминалистических позиций, определении его роли и места в системе криминалистической характеристики.

Реализация намеченного предполагает проведение анализа состояния научной мысли в выбранной области. Полученные в результате идеи будут использованы для обоснования собственных позиций по ключевым положениям типичных сведений о предмете преступного посягательства по преступлениям экономической направленности, совершаемым на железнодорожном транспорте. Такой подход позволит приблизиться к познанию особенностей и содержания элементов структуры изучаемых преступлений, выстроив их в определенную систему. Исследовав закономерные связи предмета преступного посягательства с взаимодействующими с ним иными элементами криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой группы, мы получим возможным показать его положение в структуре методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Подвергнув проработке и осмыслению отдельные труды ученых-криминалистов и правоведов, касающиеся предмета и объекта преступного посягательства, мы пришли к

следующим опорным для настоящей работы заключениям.

1. Предмет преступного посягательства обоснованно считается ключевым элементом криминалистической характеристики преступлений, имеющим принципиальное значение для расследования преступлений [3, с. 229]. С криминалистической точки зрения предмет преступления несет в себе изрядный объем самой разнообразной значимой информации – оперативной, ориентирующей, доказательственной. Именно этот «элемент внешнего мира, имеющий для субъекта доказывания определенный смысл и значение» [6, с. 43] проецирует на себе важные данные о расследуемом событии, касающиеся причастных лиц, способа приготовления, совершения и сокрытия преступления, окружающей обстановки. Их познание в совокупности обеспечивает информативную составляющую процесса установления неизвестного в прошедшем событии, способствует выдвижению обоснованных версий. В конечном итоге такой подход положительно влияет на целенаправленность, всесторонность, полноту, объективность и последовательность расследования.

2. Отмечается важность предмета преступного посягательства для практической деятельности следственных органов и в работах по уголовному праву [8, с. 157; 9, с. 70; 11, с. 17]. На разных этапах предварительного расследования, в ходе принятия следователем организационных и процессуальных решений, при проведении уголовно-правовой оценки (квалификации) преступлений, закреплении ее результатов в соответствующих процессуальных документах и актах в числе прочих обязательно устанавливаются признаки предмета преступления.

Указанное выше со всей очевидностью показывает, что чем полнее будут установлены и восприняты все признаки предмета преступного посягательства и их особенности, чем точнее в присущих им связях, отношениях раскроются значимые оценочные данные, тем в более полной мере будет выполнено основное предназначение криминалистической характеристики преступлений – выступать

основанием выдвижения следственных версий, источником установления фактических обстоятельств расследуемого события.

Детальное рассмотрение особенностей предмета преступного посягательства в системе элементов криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, необходимо начать с обращения к источникам, содержащим сведения относительно его понимания и научного определения. Их теоретический анализ дает все основания считать, что на сегодняшний день в криминалистике отсутствует однозначное восприятие предмета преступного посягательства. Имеются только лишь отдельные частные мнения [7; 10]. Причиной тому трактование его большинством ученых с позиций уголовно-правовой характеристики объекта и предмета преступления, на основе которых и формируются криминалистические дефиниции [1; 4].

Обобщение некоторых из них, наиболее весомых, позволило М.В. Кардашевой достаточно точно с позиций специфики проводимого нами исследования показать криминалистическую сущность предмета преступного посягательства, его определяющую роль. «Предметом преступного посягательства являются объекты гражданского права, в связи и по поводу которых совершено преступление. В зависимости от того, на какой объект гражданского права покушается преступник, он выбирает способ своих действий, сам вид преступления. Отсюда следует, что предмет преступного посягательства является для других элементов криминалистической характеристики системообразующим» [5, с. 237].

Данная формулировка в полной мере оправдывает себя, когда речь идет о целостной совокупности (системе) объектов гражданских прав, раскрывающихся в полном своем многообразии в рамках относительно самостоятельной производственно-экономической и социальной системы железнодорожного транспорта как комплекса сосредоточения разнообразных объектов, предметов, в том числе попадающих в поле зрения лиц, совершающих преступления. А потому их

систематизация в криминалистических целях, в первую очередь видовая, проводимая в рамках формируемой криминалистической характеристики, обоснованно должна строиться исходя из положений ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав», на научной основе и с учетом специфики железнодорожного транспорта.

Опираясь на концептуальное представление о криминалистическом структурировании информации о предмете преступного посягательства, предложенное А.А. Бессоновым [2, с. 69-71], классифицируем по ряду выделенных автором оснований и кратко охарактеризуем принципиальные особенности предмета преступного посягательства по преступлениям экономической направленности, совершаемым на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, покажем существующие связи с другими элементами криминалистической характеристики.

1. По принадлежности. Этот классификационный критерий имеет важное не только криминалистическое, но и уголовно-правовое значение. Его выделение и использование решают задачу определения объекта преступления как конкретной области охраняемых уголовным законом общественных отношений, которым в результате преступления был причинен вред. По принадлежности все предметы преступного посягательства в группе преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, мы подразделяем на три категории:

1) находящиеся в собственности коммерческих организаций, задействованных в отрасли (на их долю по результатам изученных материалов уголовных дел приходилось 21,3%);

2) находящиеся в личной собственности (25,3%);

3) находящиеся в собственности государственной компании ОАО «РЖД» (53,4%).

2. По видам. Видовое деление предметов преступного посягательства – наиболее важный классификационный критерий, призванный способствовать решению сугубо криминалистических задач. Выделение общих

признаков в индивидуальных понятиях не только содействует раскрытию их ключевых особенностей, но и показывает взаимосвязь предмета преступного посягательства с другими элементами криминалистической характеристики (с обстановкой преступления, с личностью преступника, со способом совершения преступления, со следами последствий преступления). Наиболее полно такая классификация раскрывается в привязке к основным направлениям деятельности в сфере железнодорожного транспорта. Выделим главные из них:

1) движимое имущество. Данный вид имущества выступал предметом преступного посягательства в 75,05% уголовных дел. К движимому имуществу на железнодорожном транспорте относятся:

– объекты подвижного состава (локомотивы, грузовые и пассажирские вагоны локомотивной тяги, моторвагонный подвижной состав и пр.), а также элементы конструкций (ходовая часть, рама, кузов, оборудование, приборы и др.). На их долю приходится до 42,2% преступных посягательств. Конкретными предметами посягательств, входящих в указанную категорию, могут быть, например, колесные пары вагонных тележек железнодорожных вагонов¹;

– объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта и их составные части, компоненты (железнодорожные пути общего пользования и другие сооружения, железнодорожные станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы, системы управления движением и иные обеспечивающие функционирование железнодорожного транспорта объекты) – 57,8%. Распространенным предметом посягательств на инфраструктурных объектах железнодорожного транспорта выступают перемишки стальные междроссельные и их обмотки, являющиеся элементом железнодорожной рельсовой сети²;

2) недвижимое имущество и право его владением либо распоряжением (земли федерального значения, отведенные под железнодорожные пути и станции, включая полосу отвода, а также под защитные и укрепительные насаждения, земляное полотно, искусственные сооружения, строения, здания, сооружения и иные объекты, необходимые для эксплуатации железных дорог; предприятия производственно-технологического комплекса) – 1,7%. Примером, свидетельствующим об использовании недвижимого имущества в качестве предмета преступного посягательства, могут послужить материалы уголовного дела, когда имущество (земельный участок), право собственности на которое принадлежало ОАО «РЖД», но по договору аренды передано коммерческой организации, было неправомерно использовано руководством последней для удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов и собственного обогащения в рамках процедуры банкротства³;

3) денежные средства (наличные и безналичные), обращающиеся в отрасли. Являлись предметом преступного посягательства в 17,8% случаев. Наряду с движимым имуществом деньги, находясь на руках у пользователей услугами железнодорожного транспорта, в кассах, в банкоматах, на счетах в банковских, кредитных и иных организациях, относятся к достаточно распространенным предметам преступного посягательства. Причем преступниками используется множество различных способов завладения ими⁴;

4) документы и цифровая фиксация их содержания. Перечень таких предметов составляют документы, удостоверяющие личность граждан, официальные документы юридических лиц, а также инструменты их фиксации в цифровых носителях, например пластиковая банковская платежная карта, электронная цифровая подпись и пр. Указанные объекты в качестве предметов преступных посягательств встречались в 4,1% уголовных дел. Наиболее

1 Уголовное дело N 1-272/2015 // Архив Свердловского районного суда г. Белгорода.

2 Уголовное дело N 1-258/2018 // Архив Чебаркульского городского суда Челябинской области.

3 Уголовное дело N 1-118/2018 // Архив Северобайкальского городского суда Республики Бурятия.

4 Уголовное дело N 1-171/2019 // Архив Верхнетуринского районного суда Свердловской области.

распространенным предметом посягательств в перечне цифровых в настоящее время является пластиковая банковская карта⁵;

5) иные, в том числе деловая репутация и имидж ОАО «РЖД» как объект охраняемых законом нематериальных благ (0,71%)⁶; автотранспортные средства и специальная техника (0,64%) и пр.

3. По взаимосвязи с преступником. Большая часть предметов преступного посягательства имеет прямую взаимосвязь с личностью вероятного преступника. Так, для посягательства на подавляющее большинство из них требуется владение хотя бы минимумом специальных знаний, обладание специальными навыками.

4. По отношению к видам преступлений. Квалифицирующий признак конкретизирует характеристику объекта посягательства во взаимосвязи с иными элементами криминалистической характеристики.

1) для совершаемых на железнодорожном транспорте преступлений против собственности характерным предметом преступного посягательства, как правило, выступают движимое и недвижимое имущество, денежные средства, находящиеся в обращении в отрасли;

2) для преступлений, квалифицируемых как деяния, относимые к категории совершаемых в сфере экономической деятельности, предметом преступного посягательства будут являться имущественные права субъектов железнодорожного транспорта; денежные средства, документы, ценные бумаги, отдельные виды продукции (алкогольная продукция, табачные изделия), в том числе поддельные; нематериальные блага (деловая репутация);

3) для отдельных видов преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях предметом преступного посягательства выступают наличные деньги.

Помимо перечисленных особенностей, изложенных в классификации, криминалистический аспект данных о предмете преступного посягательства по преступлениям экономической направленности, совершаемым на же-

лезнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, можно проследить и в ряде других сведений. В этом ряду:

– сведения, характеризующие качественные свойства предмета. Например, по перевозимым нефтепродуктам ими будут их физико-химических свойства, зависящие как от химического состава (плотность, вязкость, температура кипения, замерзания, вспышки, самовоспламенения и др.), так и от внешних условий (содержание воды, механических и прочих примесей);

– количественные характеристики предмета как определенные внутривидовые свойства, выраженные с помощью физических величин и единиц их измерения (кг, шт., пог. м, куб. м и пр.);

– сведения, раскрывающие индивидуализирующие особенности предмета, например маркировка груза при железнодорожной перевозке (наименование грузоотправителя и пункта отправления; грузополучатель и станция назначения; наименование пункта перегрузки; количество мест в партии, порядковый номер внутри партии; масса нетто и брутто в килограммах или количество изделий в штуках, габаритные размеры и пр.), манипуляционные обозначения, идентификационные знаковые обозначения, нумерация деталей, уникальность их использования, техническая защищенность, стоимость и др.

Криминалистическое содержание предмета преступного посягательства может определяться и характером его восприятия. Приведенный вывод подкрепим теоретическими выкладками и примерами.

Во-первых, объект, находящийся в обращении в сфере железнодорожного транспорта, может рассматриваться как предмет посягательства. Например, для присвоения или растраты это имущество железнодорожных транспортных организаций, пользователей ее услуг. Например, гр. Р., занимающий должность мастера дорожного линейного участка N 7 Магнитогорской дистанции пути филиала ОАО «РЖД», совершил хищение вверенного ему на основании договора о полной инди-

5 Уголовное дело N 1-12/2020 // Архив Базезинского районного суда Республики Удмуртия.

6 Уголовное дело N 1-282/2019 // Архив Арзамасский городского суда Нижегородской области.

видуальной материальной ответственности от 10 января 2018 г. имущества, принадлежащего Магнитогорской дистанции пути⁷.

Во-вторых, он может быть представлен в виде взаимосвязанной системы «предмет преступного посягательства – его собственник, потерпевший от преступления». К примеру, собственник имущества (груза), похищенного при краже из грузового железнодорожного вагона, перевозимого транспортной железнодорожной компанией, пользующейся инфраструктурой железнодорожного транспорта общего пользования для перевозки грузов. Так, гр. О. и гр. М. на 12-м железнодорожном пути западной горловины Красноярской железной дороги из полувагонов № 28, 29 совершили две кражи груза, принадлежащего ООО «Вторметресурс»⁸.

Переходя к обобщению информации относительно предмета преступных посягательств на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, заметим, что фактически они (предметы) представлены широким спектром объектов, подразделяющихся в зависимости от непосредственного отношения к определенным видам деятельности в железнодорожной транспортной отрасли и находящихся в собственности юридических и физических лиц. Причем каждую из представленных групп предметов преступного посягательства отличают типичные сведения:

– об элементах обстановки совершения преступления (место, время и пр.);

– о личностных особенностях преступника (образование, опыт, служебное положение и пр.);

– о способах приготовления, совершения и сокрытия преступлений (замаскированные, незамаскированные, с использованием специальных инструментов и средств и т.п.).

– о следах последствия преступлений (материальные и их виды, идеальные).

Отмеченное позволяет нам показать взаимосвязи предмета преступного посягательства по делам о преступлениях экономической направленности, совершаемым на железнодорожном транспорте и объектах транспортной

инфраструктуры, с элементами криминалистической характеристики: предмет преступного посягательства и обстановка преступления (находятся во взаимной связи); предмет преступного посягательства и преступник, его личностные особенности (находятся во взаимной связи); предмет преступного посягательства и способ приготовления, совершения и сокрытия преступления (находятся в прямой связи); преступник, его личностные особенности и способ приготовления, совершения и сокрытия преступления (находятся в прямой связи); преступник, его личностные особенности и обстановка преступления (находятся во взаимной связи); обстановка преступления и следы последствия преступления (находятся в прямой связи); способ приготовления, совершения и сокрытия преступления и следы последствия преступления (находятся в прямой связи).

Выделенные связи, вполне закономерные, считаем, обоснованно определяют возможность использования знаний о предмете преступного посягательства для решения задач формируемой частной криминалистической методики расследования. Они, в частности, обуславливают криминалистическую видовую систематизацию предмета преступного посягательства в рамках криминалистических характеристик и ее использование в решении задач расследования отдельных видов преступлений, входящих в выделенные нами группы преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры: против собственности, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Поэтому формировать системы этих криминалистических характеристик преступлений необходимо с учетом предмета преступного посягательства. Таким образом, именно на основе систематизированных знаний о предмете преступного посягательства будет обеспечено решение организационной задачи расследования, заключающейся в определении направлений поиска криминалистически значимой информации и ее ис-

7 Уголовное дело № 1-424/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинская область.

8 Уголовное дело № 1-249/2020 // Архив Канского городского суда Красноярского края.

пользования путем создания частнометодических криминалистических рекомендаций по схеме: «от данных о характеристике предмета преступного посягательства – к информации о системе криминалистической характеристики – к методически правильной организации расследования».

Вышеизложенное позволяет определить предмет преступного посягательства по преступлениям экономической направленности, совершаемым на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры. Это практически весь перечень объектов (материальных и нематериальных), находящихся в обращении в сфере железнодорожного транспорта, оборот которых регулируется гражданским законодательством. Причем объективно каждому из предметов свойственны определенные связи с иными элементами криминалистической характеристики преступления, которые в совокупности влияют на построение частной криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

В структуре криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, предмет преступного посягательства занимает одно из центральных мест, являясь наряду с отмеченными выше элементами системообразующей структурной единицей. Причиной тому его свойства, обусловленные рядом объективных факторов:

– свойства предмета преступного посягательства лежат в основе мотивационной сферы личности преступника, определяя особенности его побуждений;

– свойства предмета детерминируют выбор способа приготовления, совершения и сокрытия противоправного деяния как средства реализации преступного замысла;

– свойства предмета несут на себе отпечаток функциональной стороны обстановки совершения преступления (места и условий его совершения);

– свойства предмета позволяют вносить определенные изменения в обстановку преступления, оставляя в ней следы, либо являться самостоятельным их носителем.

При этом необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев предмет преступного посягательства на объектах железнодорожного транспорта и его инфраструктуры материален.

По изученным уголовным делам о преступлениях экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, выбор предмета преступного посягательства обусловлен:

– криминальной привлекательностью предмета посягательства;

– особенностями личности преступника, в перечне которых знание особенностей функционирования железнодорожного транспорта, специальные знания (технические, экономические и пр.), навыки, необходимые орудия и инструменты, в общей своей совокупности влияющие на выбор способа приготовления, совершения и сокрытия преступления;

– особенностями окружающей объективной реальности, индивидуализированной сферой железнодорожного транспорта и выражающейся в специфике места, объектов структуры, инфраструктуры, времени.

Подводя итог, сделаем ряд выводов.

1. Предмет преступного посягательства экономической направленности на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры – это элемент системы объектов гражданских прав, обращающихся в сфере железнодорожного транспорта.

2. Криминалистически значимая информация о типичных сведениях, касающихся предмета преступного посягательства, является важным элементом системы криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Более того, с ключевыми из них он находится в закономерных связях и отношениях.

3. Выделение данных связей входит компонентом в целостную систему познания за-

кономерностей преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодоро-

жном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Библиографический список

1. Бахин, В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования / В.П. Бахин // Вестник криминалистики. Вып. 1. – М.: Спарк, 2000. – С. 16-22.
 2. Бессонов, А.А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений : монография / А.А. Бессонов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 256 с.
 3. Бессонов, А.А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений / А.А. Бессонов // Вестник КИГИ РАН. – 2014. – N 4. – С. 228-233.
 4. Густов, Г.А. Избранное : статьи / Г.А. Густов. – СПб., 2002. – 67 с.
 5. Кардашевская, М.В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений / М.В. Кардашевская // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – N 7. – С. 236-238.
 6. Ким, Д.В. Криминалистическая характеристика расследования преступлений как результат разрешения следственных ситуаций / Д.В. Ким // Известия АлтГУ. – 2000. – N 2. – С.43-48.
 7. Криминалистика : учебник / под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – М.: Юрид. лит., 1993. – 592 с.
 8. Маслакова, Е.А. Определение предмета преступления как уголовно-правовой категории / Е.А. Маслакова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – N 3 (33). – С. 157-162.
 9. Хилюта, В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия / В.В. Хилюта // Журнал российского права. – 2016. – N 7 (235). – С. 70-78.
 10. Хлус, А.М. Криминалистический анализ объекта и предмета посягательства в структуре преступлений / А.М. Хлус // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – N 1. – С. 100-107.
- Шевченко, В.Ю. Объект и предмет преступления / В.Ю. Шевченко // Современная наука. – 2013. – N 1. – С. 17-22.

УДК 343.2/.7

Руслан Рейзаевич КАРДАНОВ,

начальник кафедры организации
правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиала) Краснодарского
университета МВД России (г. Нальчик),
кандидат юридических наук

ruslan-nalchik@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CRIMINAL LAW PROTECTION OF INFORMATION SECURITY

В статье рассматривается одно из основных направлений деятельности многих современных государств – обеспечение информационной безопасности, одним из основных инструментов которого выступает институт уголовной ответственности за преступления в сфере информационной безопасности, констатируется отсутствие в действующем российском законодательстве комплексного подхода к проблемам информационной безопасности при фрагментарном закреплении отдельных составов преступлений.

По мнению автора, ориентация российского законодательства в рамках уголовно-правовой охраны на компьютерную информацию существенно осложняет квалификацию деяний, распространенных в настоящее время, совершающихся достаточно часто в отношении именно электронной информации. В данном контексте выделяется ряд проблем, начиная от недостаточной теоретико-правовой разработки заявленной проблематики и заканчивая существующими пробелами в уголовно-правовом законодательстве. В качестве перспективного направления решения указанных проблем автором предлагается создание отдельной главы в УК РФ «Преступления против информационной безопасности», в рамках которой следует не просто объединить существующие уголовно-правовые нормы, но и систематизировать понятийно-категориальный аппарат с учетом реального состояния информационных правоотношений.

The article discusses one of the main activities of many modern states – ensuring information security, one of the main tools of which is the institution of criminal liability for crimes in the field of information security. It is stated that the current Russian legislation lacks an integrated approach to information security problems with fragmentary fixing of individual elements of crimes.

According to the author's opinion, the orientation of Russian legislation within the framework of criminal law protection to computer information significantly complicates the qualification of acts that are currently common, committed quite often in relation to electronic information. In this context, a number of problems are highlighted, ranging from insufficient theoretical and legal development of the stated issues and up to existing gaps in criminal law. As a promising direction for solving these problems, the author proposes the creation of a separate chapter in the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against information security», whereby it is necessary not only to combine the existing criminal law norms, but also to systematize the conceptual and categorical apparatus, taking into account the real state of information legal relations.

Ключевые слова: информационная безопасность, уголовно-правовая охрана, электронные документы, борьба с преступностью, уголовное законодательство.

Keywords: *information security, criminal law protection, electronic documents, fight against crime, criminal legislation.*

В условиях динамично развивающегося информационного общества в российском государстве информация и разнообразные юридически значимые действия с ней становятся неотъемлемой частью жизни каждого человека. Вышеназванная тенденция представляется весьма закономерной, что проявляется в том числе и в масштабах внедрения многообразных информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества. Однако в сложившихся условиях не просто приобретает актуальность совершенствование действующих законодательных требований, а имеют принципиальное значение своевременное и полное толкование и определение специфики информационных технологий, которые наиболее часто применяются в различные периоды.

Динамичность развития информационных технологий представляется весьма оправданной, поскольку подобные достижения науки и техники позволяют добиться существенных результатов различных общественных отношений в гораздо более короткие сроки. В настоящее время, в том числе в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, от эффективности информационного взаимодействия во многом зависит функционирование жизнеобеспечения современного общества. В данном контексте представляется целесообразным сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с уголовно-правовой охраной информационной безопасности, так как масштабное распространение информационных правоотношений и их динамичное развитие не только постоянно формируют новые вызовы и угрозы в отношении частных интересов, но и затрагивают национальную безопасность в целом.

Преступная деятельность в условиях повсеместной информатизации и цифровизации развивается стремительными темпами, что проявляется в существенном изменении способов совершения противоправных деяний и в трансформации объективной стороны преступлений. Информационные технологии не только расширяют возможности современных преступников, они формируют

совершенно новые правоотношения, в которых информация все чаще становится предметом преступного деяния. В данном контексте принципиальное значение имеет наличие необходимых уголовно-правовых подходов к информационным правоотношениям, которые бы позволяли в полной мере оценивать противоправные деяния, совершаемые в указанной сфере.

Современная правовая литература содержит множество исследований, посвященных проблемам обеспечения информационной безопасности, однако уголовно-правовая направленность данных работ в большинстве своем связана с анализом отдельных преступных деяний. Например, пристальное внимание правоведы уделяют проблемам охраны персональных данных в контексте обеспечения информационной безопасности [1, с. 74]. Данная тематика, безусловно, имеет важнейшее значение в рамках заявленной проблематики, однако в рамках представленного исследования видится целесообразным комплексно проанализировать существующее состояние уголовно-правовой охраны информационной безопасности в Российской Федерации.

Российская правовая система в настоящее время лишь фрагментарно воспринимает идею информации не как чего-то материального, а как иного объекта, который вне зависимости от его физической фиксации имеет существенное значение в рамках конкретных правоотношений. Подобный подход частично реализуется в информационном законодательстве, однако нормативно-правовые акты в иных отраслях права до сих пор в большинстве своем ориентированы на материальное обличие информации.

В первую очередь отметим, что в рамках заявленной проблематики принципиальное значение имеет акцентирование внимания на отдельных характеристиках информации, отличающих ее от материальных объектов:

- 1) при тайном хищении сведения не всегда исчезают, а могут сохраниться в системе;
- 2) в определенных случаях возникают сложности с оценкой стоимости нанесенного ущерба при утечке информации;

3) все чаще отсутствует привязанность информации к носителю, из-за чего возникают сложности при отстаивании прав;

4) информация является основой для деятельности с целью извлечения прибыли, соответственно, нуждается в полноценной охране.

Важно отметить, что категория «информационная безопасность» в российском уголовном законодательстве не используется, что, с одной стороны, объективно обусловлено динамикой развития информационных правоотношений и существенным изменением отраслевых подходов за последнее десятилетие, с другой – подобный пробел сужает применимость института уголовной ответственности в указанной сфере. Так, действующее уголовное законодательство содержит ряд составов в главе 28 УК РФ, посвященной преступлениям в сфере компьютерной информации. Современная следственная и судебная практика демонстрирует существенную сложность квалификации многих совершаемых деяний в рамках указанных уголовно-правовых норм непосредственно по причине их ориентации на материальное восприятие информации.

Правильное с методологической точки зрения решение проблем информационной безопасности должно начинаться с выявления субъектов общественных отношений, а также интересов данных субъектов, которые связаны с применением той или иной информации. Главной особенностью современного этапа развития российского государства является существенное расширение субъектного состава подобных отношений: в них активно вовлечены личность и общество с государством в целом, так как информация в настоящее время используется не только и не столько для достижения частных интересов, а посредством противоправного масштабного распространения способна влиять на восприятие обществом отдельных значимых процессов, что в целом негативно отражается на национальной безопасности [3, с. 22]. Вопросы неправомерного распространения информации как раз нашли отражение в действующем уголовно-правовом законо-

дательстве, однако комплексного подхода к проблемам информационной безопасности в нем по-прежнему не разработано.

Таким образом, Особенная часть УК РФ не содержит базовых норм, охраняющих отношения в области информационной безопасности, в одной главе. Наоборот, они находятся в разных главах и разделах УК РФ, хотя имеют тесную взаимосвязь. Ориентация российского законодательства в рамках уголовно-правовой охраны на компьютерную информацию существенно осложняет квалификацию деяний, распространенных в настоящее время, так как последние совершаются достаточно часто в отношении именно электронной информации.

В данном контексте представляется необходимым отметить наиболее существенную проблему действующего уголовного законодательства – отсутствие ясных и однозначных понятий в сфере информационной безопасности, которые бы отражали реальное состояние информационных правоотношений. Примечательно, что информационное законодательство весьма детально разработало к настоящему моменту указанный понятийно-категориальный аппарат, однако его потенциал не используется в иных отраслях права. Следует согласиться с мнением Р.Н. Ключко о том, что вышеназванная проблема существенно затрудняет применение уголовно-правового законодательства и вызывает сложности правовой оценки совершаемых деяний [2, с. 54].

В качестве перспективного направления решения указанных проблем, а также обеспечения уголовно-правовой охраны информационной безопасности в Российской Федерации представляется необходимым выделить создание отдельной главы в УК РФ «Преступления против информационной безопасности», в рамках которой должны быть объединены существующие уголовно-правовые нормы. Указанная глава в обязательном порядке в отдельных статьях, а точнее, в примечаниях к ним, должна конкретизировать наиболее значимые понятия.

В современной науке информационная безопасность рассматривается в нескольких

смыслах: как элемент экономической безопасности, как составляющая национальной безопасности, как важнейшее направление современной государственной политики. Вышеназванные подходы совершенно справедливо подчеркивают значимость обеспечения информационной безопасности одновременно для целого ряда сфер жизнедеятельности российского общества и государства. Изначально информация и безопасность ее оборота рассматривались в рамках коммерческих и иных публичных правоотношений, где соответствующие сведения имели существенный экономический интерес. В настоящее время данный подход по-прежнему актуален, однако современная преступная деятельность в сфере информационной безопасности демонстрирует существенные национальные и государственные угрозы. Так, в настоящее время информационные технологии позволяют представителям преступных сообществ весьма в короткие сроки распространять свои противоправные идеи в глобальных масштабах, что в целом негативно отражается на стабильности государственной деятельности.

Несмотря на то, что все вышеназванные аспекты толкования информационной безопасности тесно связаны друг с другом, для эффективной борьбы с преступным поведением в данной сфере недопустимо исключение каких-либо аспектов ее проявлений, поскольку каждый из них имеет принципиальное значение для развития российского государства и общества. В данном контексте совершенно справедливым представляется развернутое толкование информационной безопасности непосредственно в примечаниях к уголовно-правовым нормам, так как данная детальная регламентация позволит конкретизировать сферу их применения. Безусловно, со временем потребуется совершенствование понятийно-категориального аппарата, однако для современного состояния российского уголовного законодательства острой необходимостью имеет их первичное закрепление с целью унификации следственной и судебной практики.

Также представляется целесообразным в рамках предложенной отдельной главы рас-

сматривать и компьютерную информацию в случае ее связи с материальными носителями, но указанная информация должна рассматриваться наравне с иными ее разновидностями. Например, в настоящее время существенную актуальность приобретает регулирование правоотношений, связанных с различными юридически значимыми действиями, совершаемыми с электронными документами. Подобная практика активно внедряется в различных органах государственной власти, а также распространяется и в частных взаимоотношениях современных людей. Удаленное взаимодействие людей, в том числе совершение различных юридически значимых действий с использованием электронной подписи и специальных средств идентификации личности, приобрело особую актуальность в условиях пандемии, и масштабы указанной практики сохраняются и в настоящее время. Однако существующие информационные и технические уязвимости подобных взаимодействий, в том числе отсутствие необходимых уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за отдельные деяния с электронными документами, способствуют расширению масштабов преступности в данной сфере.

В данном контексте следует отметить, что одной из отличительных черт электронного документа от бумажного является способ его незаконного приобретения, а именно не только физическое воздействие, но и техническое. Существенной спецификой обладает и незаконное распространение подобных документов, поскольку сам документ не изменяет своих характеристик, но может быть доступен неограниченному кругу лиц. Способов незаконного приобретения электронных документов в настоящее время весьма много, начиная от копирования в результате незаконного доступа к месту хранения подобного документа (в том числе с использованием облачных технологий) и заканчивая перехватом подобного документа в процессе его пересылки частным или публичным лицом. С одной стороны, все указанные деяния связаны с незаконным доступом к отдельным информационным ресурсам (личные кабинеты

ты, информационные хранилища, электронные почты и др.), что само по себе является противоправным. С другой – масштаб негативных последствий вышеназванного незаконного доступа может быть гораздо больше в случае использования преступниками электронных документов, которые представляют интерес для отдельных физических или юридических лиц, а также органов государственной власти.

Весьма распространенным противоправным деянием в отношении электронных документов также является их уничтожение, т.е. удаление впоследствии незаконного доступа к соответствующей информации или ограничение доступа к документу для его владельцев. В данном контексте по-прежнему большое значение имеет незаконный доступ к соответствующим документам, однако факт их недоступности по каким-либо причинам, организованный с преступным умыслом, также нуждается в квалификации с учетом современной значимости электронных документов.

Как таковой электронный документ в буквальном смысле похитить не всегда возможно, но возможно похитить носитель, содержащий в себе документ, чтобы получить доступ к данному документу. Но если у субъекта возникает умысел на похищение носителя информации, например флеш-карты, то данное преступление будет направлено уже против собственности. При этом действующее уголовное законодательство не учитывает целый ряд деяний, которые могут быть совершены с электронными документами с преступным умыслом и соответствующими негативными последствиями для их владельцев. Следует подчеркнуть, что не все деяния в сфере информационной безопасности могут быть квалифицированы в рамках уголовно-правовых норм о компьютерной информации и мошеннических действиях с использованием информационных технологий.

Информационная безопасность в настоящее время представляет принципиальный

интерес не только в контексте частных интересов, но и в части обеспечения государственной безопасности в целом. Преступные деяния в сфере информационной безопасности не только негативно отражаются на отдельных общественных отношениях (например, экономической направленности), но и способны дестабилизировать государственное управление в целом. В данном контексте весьма справедливым представляется детальное исследование существующей преступной практики в данной сфере с целью разработки эффективного уголовно-правового регулирования, которое позволит назначать соразмерные и справедливые наказания лицам, совершившим соответствующие деяния.

Таким образом, несмотря на то, что действующее уголовное-правовое законодательство Российской Федерации регламентирует отдельные аспекты охраны информационной безопасности, в условиях распространения масштабов использования различных видов информации в современном мире представляется необходимым комплексное оформление соответствующих составов в рамках отдельной главы УК РФ. Посредством теоретико-правового осмысления современного состояния информационных правоотношений представляется необходимым систематизировать существующие подходы к понятийно-категориальному аппарату по заявленной проблематике, который необходимо использовать и в уголовно-правовых нормах. Вышеназванное предложение по созданию отдельной главы в УК РФ представляется также оправданным с учетом дальнейшего весьма динамичного совершенствования информационного общества в российском государстве, что в перспективе способно создать необходимость дополнения новыми составами преступлений в сфере информационной безопасности. Своевременное изменение действующего законодательства, в том числе и уголовной направленности, выступает залогом эффективной борьбы с преступным поведением в указанной сфере.

Библиографический список

1. Вабишевич, В.В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в контексте обеспечения информационной безопасности / В.В. Вабишевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – N 4 (217). – С. 74-77.
2. Ключко, Р.Н. Информационная безопасность и кибербезопасность как объекты уголовно-правовой охраны / Р.Н. Ключко // Интеграция и развитие научно-технического и образовательного сотрудничества – взгляд в будущее : сборник статей II международной научно-технической конференции: в 3 т. – Минск, 2020. – С. 53-56.
3. Корабельников, С.М. Преступления в сфере информационной безопасности / С.М. Корабельников. – М.: Юрайт, 2020. – 111 с.

УДК 343.13

Елена Ильинична ПОПОВА,

старший научный сотрудник, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ), доктор юридических наук, доцент
popovaelena03@yandex.ru

Вугар Эдвар оглы ГАДЖИЕВ,

заместитель заведующего кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск), кандидат юридических наук
gadjievv81@mail.ru

**ТИПОВЫЕ ВАРИАНТЫ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ
СУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**TYPICAL OPTIONS FOR THE ACTIONS OF THE INVESTIGATOR
WHEN DECIDING ON THE CONCLUSION OF
A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT**

Досудебное соглашение о сотрудничестве в настоящее время является достаточно эффективным инструментом в борьбе с преступностью. На принятие стороной обвинения решения о необходимости применения по уголовному делу норм главы 40.1 УПК РФ влияет множество факторов: сложность уголовного дела, характеристики личности обвиняемого, его защитника, интенсивность противодействия уголовному преследованию и др. Авторы обозначают типичные варианты действий следователя, считающего заключение соглашения о сотрудничестве целесообразным: 1) он прямо обозначает стороне защиты возможность заключения соглашения; 2) убеждает подозреваемого, обвиняемого в целесообразности заключения соглашения; 3) подталкивает сторону защиты к тому, чтобы инициатива в заключении досудебного соглашения исходила от нее. Уделяется внимание специфике принятия решений следователя в приведенных ситуациях.

A pre-trial cooperation agreement is currently a fairly effective tool in the fight against crime. Many factors influence the adoption by the prosecution of the decision on the need to apply the norms of Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in a criminal case: the complexity of the criminal case, the characteristics of the personality of the accused, and the personality of his defense counsel, the intensity of counteraction to criminal prosecution, etc. The authors indicate typical options for the actions of an investigator who considers it expedient to conclude a cooperation agreement: 1) an investigator directly informs the defense on the possibility of concluding an agreement; 2) an investigator persuades the suspect, the accused of the expediency of concluding an agreement; 3) an investigator "pushes" the defense to become an initiative party in concluding a pre-trial agreement. The authors pay attention to the specifics of the investigator's decision making in the above situations.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделки с правосудием, особый порядок судебного разбирательства, следователь, сотрудник оперативного подразделения, тактика, противодействие уголовному преследованию.

Keywords: *pre-trial cooperation agreement, plea deal, special procedure for trial, an investigator, an operative, tactics, counteraction to criminal prosecution.*

Досудебное соглашение о сотрудничестве за более чем десятилетнюю практику применения зарекомендовало себя достаточно эффективным инструментом в борьбе с преступностью. Обратим внимание, что некие аналоги российской главы 40.1 УПК РФ широко применяются в иностранных государствах. К примеру, *sumarissimo* в Португалии, *abbreviato* в Италии, *plea bargaining* (сделки с правосудием) в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Англии и Уэльсе, Индии, Пакистане и многих других странах. Массовость практики сокращенных (ускоренных) производств не означает, что реализация соответствующих норм уголовного процесса разных стран современного мира однозначно позитивно воспринимается сотрудниками правоохранительных органов, представителями адвокатуры, обвиняемыми и потерпевшими, а также учеными-юристами. Многие из них поднимают вопросы, связанные с недостатками юридической техники [3, с. 461; 12], прямым или косвенным обманом непрофессиональных участников уголовного процесса [8, с. 13; 10; 13;], нарушением прав и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, потерпевших [11] и т.п. В то же время вряд ли уместно говорить только лишь об отрицательном эффекте от применения сокращенных (ускоренных) форм уголовного судопроизводства. По мнению ряда представителей юридического сообщества, такие процедуры, хотя и имеют определенные недостатки, позволяют существенно экономить ресурсы, время государственных структур, задействованных в применении уголовного закона к преступникам

в условиях нарастающего дефицита бюджетных средств [5, с. 10; 7, с. 746]. Конечно, на пути становления рассматриваемого института были различного рода казусы, связанные с неверным пониманием правоприменителя сути и назначения досудебного соглашения, однако в настоящее время практика применения главы 40.1 УПК РФ в целом сложилась, случаи ее применения при отсутствии к тому оснований практически единичны. Если взять количество рассмотренных судами уголовных дел с постановлением приговора или прекращением дела и соотнести их число с теми, по которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, то можно констатировать, что последние в общей массе составляют ежегодно около 0,5%¹. Приведенный показатель значительно меньше числа ежегодно рассматриваемых судами дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, включая те, что совершены в составе организованных групп, преступных сообществ. Это указывает на избирательность стороны обвинения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В этой связи интересно рассмотреть тактические аспекты принятия сторонами обвинения и защиты решения о применении норм гл. 40.1 УПК РФ.

Анализ и обобщение эмпирического и теоретического материала позволяют заключить, что в основном решение о необходимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве стороной обвинения принимается, как правило, по уголовным делам, по которым имеются сложности:

– в формировании доказательственной базы (к примеру, когда имеются существен-

¹ Сводные статистические отчеты о деятельности судов общей юрисдикции за 2020 год / Официальный сайт Судебного департамента Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.02.2022).

ные затруднения в собирании доказательств, подтверждающих совершение преступлений прошлых лет);

– в выявлении и доказывании дополнительных эпизодов преступной деятельности и/или соучастников преступления(ний), наличие которых сторона обвинения обоснованно предполагает; в преодолении активного противодействия стороны защиты.

На принятие стороной обвинения решения о необходимости заключить соглашение о сотрудничестве могут влиять и другие факторы. К примеру, желание сократить сроки расследования и судебного разбирательства, сократить временные и трудовые затраты и др. Однако такие факторы зачастую второстепенны.

Существенное внимание уделяется и лицу, с которым предполагается заключение соглашения. Это должен быть субъект, во-первых, обладающий интересующей органы уголовной юстиции информацией, во-вторых, готовый сотрудничать со стороной обвинения, в-третьих, имеющий реальную возможность выполнения всех обозначенных в соглашении действий.

В каждом случае подход к решению вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является индивидуальным. Ведь может быть и так, что только один из всех соучастников изъявляет желание содействовать следствию или же есть несколько желающих помочь следствию, а существенную помощь из них способно оказать только одно лицо. Например, в процессе совершения серии краж скота организатор К. в целях конспирации подбирал соучастников, не знакомя их друг с другом и не позволяя видеть друг друга, ставил каждому конкретную задачу. Первая «группа» преступников угоняла с пастбища скот, доводила его до определенного места и оставляла там. Вторая «группа» преступников принимала этих животных (непосредственно не контактируя с первой «группой»), вводила в нужное место и производила забой. После этого сразу уходила,

оставляя туши в условленном месте. Далее прибывал сам К., забирал мясо и лично сбывал его². В такой ситуации более полно осведомленным является только сам организатор К., а значит, и полноценного сотрудничества можно было ожидать только от него.

При рассмотрении возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с конкретным лицом, подвергающимся уголовному преследованию, во внимание принимается и защитник, представляющий его интересы, его профессионализм, авторитет, возможность идти на компромисс и пр.

В процессе принятия решения о сделках с правосудием особая роль отведена следователю, однако сотрудник оперативного подразделения, проявляя активность, может вносить свои предложения следователю в рамках взаимодействия, чтобы инициировать подобные соглашения, создавать для них соответствующие организационные, тактические предпосылки [подр.: 2, с. 181].

В криминалистической литературе присутствует позиция, согласно которой в случае, если сторона защиты заинтересована в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следует тщательно продумать и реализовывать соответствующую тактическую операцию [1, с. 24; 6, с. 111-116; 8, с. 149-156]. По нашему мнению, ее проведение не всегда необходимо (см., например, нижеприводимые варианты действий 1, 2). Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, считаем допустимым обратить внимание на типичные варианты действий следователя, считающего заключение соглашения о сотрудничестве целесообразным.

1. Следователь прямо обозначает возможность заключения соглашения. Такой подход во многом характерен для следователей, не обладающих особенно большим опытом, а также по многоэпизодным уголовным делам, когда заключить досудебное соглашение целесообразно с одним из непосредственных исполнителей (участником преступной группы либо вращающимся в крими-

² Уголовное дело N 40612, возбужденное 11.11.2006 // Архив ОВД по г. Черемхово, Черемховскому району и г. Свирску Иркутской области.

нальной среде и обладающим информацией о преступной деятельности иных лиц), желающим максимально облегчить свое положение, порой прямо заявляющим о готовности сотрудничать с органами расследования. К примеру, это может быть молодая женщина, имеющая детей и в силу жизненных обстоятельств ставшая одним из распространителей наркотических веществ.

2. Следователь убеждает подозреваемого, обвиняемого в целесообразности заключения соглашения. Такой вариант действий в основном типичен в случае принятия решения о заключении досудебного соглашения с одним из непосредственных исполнителей преступления. Здесь характерно именно убеждение лица, подвергающегося уголовному преследованию, принять решение о сотрудничестве с правоохранительными органами. Как правило, следователь акцентирует внимание на том, что если производство по уголовному делу будет осуществляться с применением норм гл. 40.1 УПК РФ, то лицо, заключившее досудебное соглашение, может рассчитывать на целый комплекс преимуществ. В числе наиболее значимых из них называются те, что связаны:

– с назначением наказания и его отбыванием. В частности: правила назначения наказания лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве и выполнившему его условия (ч. 2, ч. 4 ст. 62, 64, 73 и 80.1 УК РФ, ч. 5 ст. 317.7 УК РФ), и другие нормы в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела;

– с применением мер безопасности: выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение, в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154, ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ); рассмотрение его отдельно от рассмотрения уголовных(ого) дел(а) в отношении других соучастников (ст. 316, 317.5 УПК РФ), в том числе в закрытом судебном разбирательстве (ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); возможность временного помещения лица в безопасное место, замена документов, изменение внешности и др.³

При необходимости могут разьясняться и другие преимущества, которыми может воспользоваться лицо, заключившее соглашение о сотрудничестве (обязательное участие защитника, освобождение от уплаты процессуальных издержек, возможность избрания более мягкой меры пресечения в случае отказа от противодействия расследованию и пр.).

Заметим, что в ряде случаев применительно к 1 и 2 из обозначенных вариантов действий следователю в убеждении подозреваемого, обвиняемого в необходимости заключения досудебного соглашения способствует защитник.

3. Следователь подталкивает сторону защиты к тому, чтобы инициатива в заключении досудебного соглашения исходила от нее. В этом случае сторона защиты приобретает тактическое преимущество и может как бы пойти на уступки защите, имея больше возможностей для того, чтобы «торговаться» с ней, в том числе обсуждая условия досудебного соглашения. Обозначенное подталкивание может быть успешно реализовано, преимущественно когда подозреваемый, обвиняемый понимает, что: а) в распоряжении следствия имеются (или в ближайшее время будут однозначно получены) бесспорные доказательства его (и соучастников) преступной деятельности; б) есть вероятность заключения досудебного соглашения с одним из других соучастников; в) преимущества, которые предоставляют нормы гл. 40.1 УПК РФ, и их реализация могут существенно улучшить его положение.

Данный вариант действий следователя наиболее сложен в подготовке и реализации. Требуется особое внимание как на этапе заключения соглашения, так и в ходе последующего расследования. Необходимо прогнозировать возможность мнимобесконфликтного поведения стороны защиты [4, с. 292-293]. Так, был задержан преступный авторитет И. Первоначально ему вменялось совершение целого ряда преступлений (грабежи, вымогательства, незаконный оборот наркотиков) в составе организованной преступной группы.

³ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20.08.2004 N119-ФЗ.

Один из фигурантов по уголовному делу, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, сообщил о причастности И. к убийству другого преступного авторитета, указал на свидетеля преступления. Однако члены преступной группировки И. оказали давление на этого свидетеля, и он не смог дать показания о причастности И. к убийству, которые были бы признаны непротиворечивыми и достоверными (путался в показаниях, сообщал противоречивые сведения, ссылаясь на забывчивость). В результате формально условия досудебного соглашения были выполнены, оснований для его расторжения не имелось, однако фактически желаемого результата от его заключения получено не было⁴.

Говоря о возможности формального исполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо отметить, что, например, подтверждение показаний лицом, которое его заключило, требуется не только в ходе судебного заседания, проводимого в отношении него, но и в суде по основному делу, в отношении его соучастников. В практической деятельности одного из соавторов настоящей публикации (В.Э. Гаджиева) был случай, когда по уголовному делу лидер организованной преступной группы, занимавшейся незаконным оборотом наркотиков, гр. Н. заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. В ходе предварительного следствия выполнил соответствующие обязательства, что было подтверждено при рассмотрении

дела судом в особом порядке (ст. 316, 317.7 УПК РФ). Приговором суда гр. Н. было назначено наказание в виде лишения свободы условно. Однако спустя некоторое время данное лицо вызвали в суд по «основному» делу, где он дал показания о преступной деятельности не в полном объеме. В результате появились основания для переквалификации содеянного с преступления, совершенного в составе организованной преступной группы, на преступное посягательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Описанный в этом пункте вариант действий следователя в основном имеет место, когда целесообразно заключить досудебное соглашение с одним из лидеров организованной преступной группы (преступного сообщества), а его интересы защищает высококвалифицированный защитник (или несколько адвокатов).

Приведенные варианты действий являются типовыми, излагаются нами безотносительно к категории преступлений. В связи с этим представляются целесообразными разработка криминалистического обеспечения заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по различным категориям уголовных дел (убийства, коррупционные преступления, посягательства, связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия и др.) и активное внедрение таких криминалистических рекомендаций в правоприменительную деятельность.

⁴ Информация, изложенная в рамках этого примера, стала известна авторам в рамках интервьюирования адвокатов.

Библиографический список

1. Баев, О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения : монография / О. Я. Баев. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. – 208 с.
2. Гаджиев, В.Э. Уголовная ответственность за кражи скота и оперативно-розыскное обеспечение борьбы с ними / В.Э. Гаджиев, Б.А. Мкртычан. – Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2010 – 225 с.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин. – 6-е изд., перерб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 735 с.
4. Криминалистика : учебник / под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 672 с.
5. Никаноров, С.А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – М., 2015. – 28 с.
6. Попова, Е.И. Основы тактической операции «заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве» по уголовным делам об убийствах / Е.И. Попова, Т.Ю. Асалханов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2019. – N 2 (47). – С. 111-116.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – 1072 с.
8. Хамидуллин, Р.С. Понятие и содержание тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве» / Р.С. Хамидуллин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – N 41 (3). – С. 149-156.
9. Янина, Я.Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Я.Ю. Янина. – Калининград, 2007. – 24 с.
10. Bawden Tom (28 November 2000). Analysis: the Natwest Three plea bargain. The Times. Retrieved 28 June 2017. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/analysis-the-natwest-three-plea-bargain-xvw5h6dfjmd> (дата обращения: 14.01.2022).
11. Directors' Guidance to accompany the Attorney General's Guidelines on Plea Discussions in cases of Serious or Complex Fraud. Crown Prosecution Service. 24 May 2012. URL: <https://www.cps.gov.uk/publication/directors-guidance-accompany-attorney-generals-guidelines-plea-discussions-cases> (дата обращения: 21.01.2022).
12. First plea bargaining case in city. Times of India. 15 October 2007. Archived from the original on 19 October 2017. Retrieved 28 June 2017. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/mumbai/First-plea-bargaining-case-in-city/articleshow/2458523.cms?referral=PM> (дата обращения: 02.02.2022).
13. Yant Martin (1991). Presumed guilty : when innocent people are wrongly convicted New York: Prometheus Books. p. 172. URL: https://archive.org/details/isbn_9780879756437/page/172/mode/2up (дата обращения: 10.02.2022).

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,

профессор кафедры оперативно-разыскной
деятельности Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
zhns21@mail.ru

**ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ КАК ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ENTRY TO A DWELLING AS A SIGNIFICANT ELEMENT
OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY**

В статье анализируются отдельные аспекты правоприменения в области оперативно-розыскной деятельности. В частности рассматривается качество предписаний нормативных правовых актов, регулирующих вопросы проникновения в жилище, их влияние на процесс противодействия преступности.

The article analyses certain aspects of law enforcement in the sphere of operational-search activity. In particular, the author considers the quality of orders of normative legal acts regulating the issues of the entry to a dwelling and their impact on the process of counteraction to crime.

Ключевые слова: закон, полиция, оперативно-розыскная деятельность, проникновение, жилище.
Keywords: law, police, operational-search activity, entry, dwelling.

Правоприменение в Российской Федерации традиционно осуществляется с учетом предписаний Конституции РФ (ч. 1 ст. 15, ч. 2 ст. 4), федеральных законов и принятых в соответствии с ними подзаконных нормативных правовых актов.

В рамках настоящего исследования так или иначе будут затронуты все три уровня нормативных правовых документов, в разной степени влияющих на совокупность действий, упомянутых в названии статьи.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) обладает целым рядом разнообразных ресурсов, позволяющих решать поставленные перед оперативным подразделением задачи по противодействию преступности. Это – ее силы, средства, методы,

оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ). В перечне последних представлено «обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств»¹, которое и будет выступать основным предметом настоящего изыскания.

Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – ОРМ, заключающееся в проникновении на указанные объекты и кратковременном визуальном, слуховом, электронном или ином изучении посредством применения органов чувств и специальных технических средств обнаруженных там носителей информации о преступной деятельности и причастных к ней лицах субъектами ОРД с целью решения ее задач [подр.: 6, с. 50]. Следова-

¹ Далее – в зависимости от смысловой нагрузки обследование, наблюдение жилища, обследование автотранспортного средства.

тельно, одним из существенных этапов такого обследования выступает проникновение в помещение.

Обследование является многогранным ОРМ, что подтверждается следующими суждениями. Во-первых, в соответствии с его названием разнообразны по форме и содержанию объекты оперативного интереса – помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства. Во-вторых (что вытекает из первого), различие в правовом статусе объектов обуславливает разный уровень санкционирования такого мероприятия². В-третьих, особенности формы и содержания объектов влияют на характер действий оперативных сотрудников (в отдельные из них приходится проникать, в отношении других – достаточен осмотр для обнаружения оперативно значимых фактов или их признаков).

Обследованию вообще и обследованию жилища, в частности, посвящены целый ряд интересных авторских работ [1; 2; 7-10; подр.: 3; 4]. Некоторые позиции исследователей выглядят схожими, другие – абсолютно противоположны.

Учитывая ограниченный по объему ресурс настоящей работы и недавнее достаточно подробное изложение автором основных аспектов обследования жилища в монографическом труде[5], сделаем попытку оценить нормативное правовое регулирование обследования жилища на уровне федерального закона и конкретизирующего его ведомственного нормативного правового акта, проект которого представлен во всеми нами любимой правовой системе КонсультантПлюс.

Как и положено, начнем с Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции» (в редакции от 21.02.2021). В его ст. 15 «Проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории» отмечены несколько существенных для нашего исследования моментов в действиях полиции, создающих возможность проникать в жилые помещения:

– в случаях и порядке, установленных федеральными законами;

– для спасения жизни граждан и их имущества;

– с целью задержания лиц, причастных к совершению преступления или для пресечения последнего.

При этом сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения, и осмотр находящихся там объектов.

Федеральный закон «О полиции» при проникновении полицейских в жилище оговаривает целый ряд обязательных условий (чч. 5-7 ст. 15), в частности, обязанность:

– перед тем как войти в жилое помещение, уведомить *находящихся там граждан* об основаниях вхождения, за исключением случаев, если промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции или может повлечь иные тяжкие последствия;

– при проникновении в жилое помещение помимо воли *находящихся там граждан* использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу;

– не разглашать ставшие известными ему в связи с проникновением в жилое помещение факты частной жизни *находящихся там граждан*;

– сообщить непосредственному начальнику и в течение 24 часов представить рапорт о факте проникновения в жилое помещение;

– в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проникновения проинформировать³ *собственника этого помещения и (или) проживающих там граждан*, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие;

– в случае проникновения сотрудника полиции в жилое помещение помимо воли *находящихся там граждан* в течение 24 часов с момента проникновения письменно

² В соответствии со ст. 25 Конституции РФ, п. 8 ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 8, ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» обследование жилища осуществляется на основании судебного решения.

³ В порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

уведомить прокурора, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок уведомления.

Может показаться, что для осуществления рассматриваемых действий законодатель сформулировал очень много условий, но необходимо понимать, что неприкосновенность жилища – одно из охраняемых Конституцией РФ и федеральным законом прав, ограничение которых возможно в исключительных случаях согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ⁴. Исходя из этого посыла, попытаемся оценить законодательные предписания с позиции правоприменителя – сотрудника оперативного подразделения.

Полицейские возможности проникновения в жилые помещения вполне встраиваются в контекст задач ОРД, определенных в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности».

Что же касается соблюдения условий такого проникновения в рамках ОРД, то они нуждаются в определенных комментариях.

Во-первых, в нормах закона (тем более одной статьи) при определении одних и тех же категорий должны использоваться одинаковые термины (слова или их сочетание). Однако в ч. 2 ст. 15 Федерального закона «О полиции» применяется словосочетание «проживающих в них граждан», в чч. 3-4 – «принадлежащие гражданам», в п.п. 5.1-5.3 – «находящиеся там граждане», в ч. 6 – «собственник этого помещения и (или) проживающие там граждане», в ч. 7 – «находящихся там граждан». Анализ положений ст. 15 Федерального закона «О полиции» приводит к двум выводам:

– во всех предписаниях (за исключением частично ч. 6) используется термин «гражданин», имеющий четко определенное содержание⁵. Означает ли это, что нормы закона ка-

саются лишь этой категории людей? Как быть с апатридами, бипатридами, гражданами иных государств или подданными какой-либо короны? Конечно же, нет. Ведь гражданство не определяет обязательное наличие у лица в собственности, в аренде и т.п. жилого помещения. Но тогда законодатель в содержании статьи должен был использовать более подходящий термин, например, личность, индивид, человек;

– в большинстве предписаний упоминаются «находящиеся там (в жилище – Н.Ж.) граждане». На наш взгляд, здесь важен не факт присутствия отмеченных лиц в жилом помещении, а законность их нахождения в нем. Для аргументации нашей позиции приведем возможную ситуацию. Сотрудники полиции на законном основании собираются проникнуть в жилище. В соответствии с п. 1.5 рассматриваемой статьи перед тем, как войти в жилое помещение, они уведомляют «находящихся там граждан об основаниях вхождения, за исключением случаев, если промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции или может повлечь иные тяжкие последствия». Однако вместо хозяина там находится преступник, собирающийся похитить имущество правообладателей, или лицо, по другим причинам осуществившее незаконное проникновение в жилище. Во-первых, насколько необходимо (если мы обладаем подобной информацией) в этом случае уведомлять его о готовящемся проникновении или испрашивать у него на это разрешение? Во-вторых, содержащееся в норме условие, согласно которому уведомление производится «за исключением случаев, если промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции или может повлечь иные тяжкие последствия» к данной ситуации также не подходит. Следовательно,

4 Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

5 Гражданин – человек, принадлежащий к постоянному населению того или иного государства, пользующийся его защитой и наделенный совокупностью прав и обязанностей в рамках действующих законов государства. См.: Большая российская энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2016. Т. 7. С. 590; Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 122.

в рассматриваемой норме объектом уведомления должен быть правообладатель помещения или лицо, находящееся в жилище на законном основании.

Согласно ч. 4 ст. 15 Федерального закона «О полиции» при проникновении в жилые помещения «сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения... и осмотр находящихся там объектов». По нашему мнению, данное предписание, предоставляющее сотрудникам полиции существенные права, тем не менее не вполне ориентировано на борьбу с преступностью. Да, взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения, могут спасти жизни граждан, принадлежащее им имущество, обеспечить их безопасность, обеспечить задержание лиц, причастных к преступной деятельности, пресечь совершающееся преступление или несчастный случай. Вместе с тем применительно к оперативно-розыскному обследованию следует понимать, что далеко не всегда проникновение в жилище и его осмотр позволят достичь желаемых результатов. В расположенных там полостях (шкафы, антресоли, диваны и т.п.) может укрыться преступник или могут быть спрятаны (металлические шкафы, сейфы) орудия преступления или предметы преступного посягательства, вещества, документы и прочее, позволяющие подтвердить (или опровергнуть) причастность лица к преступной деятельности. Поэтому, на наш взгляд, в этой части указанная норма должна быть отредактирована следующим образом: «...произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения..., осмотр, а при необходимости вскрытие находящихся там объектов...».

Пункт 5.4 ст. 15 Федерального закона «О полиции» обязывает сотрудников «сообщить непосредственному начальнику и в течение 24 часов представить рапорт о факте проникновения в жилое помещение». Что касается принятия неожиданного, но соответствующего закону решения о проникновении полицейских в жилище, соответствующий рапорт на имя непосредственного руководителя воспринимается вполне уместным, также как правомерными видятся и требования ч. 6 (информирование собственника этого помещения и (или) проживающих там граждан при проникновении в их отсутствие) или ч. 7 (письменное уведомление прокурора в случае проникновения сотрудников полиции в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан)⁶.

Вместе с тем в условиях оперативной проверки (разработки), когда полицейские одновременно являются и сотрудниками оперативного подразделения, эти нормы представляются в определенной мере избыточными, и вот почему.

Во-первых, если проникновение в жилище было осуществлено в отсутствие правообладателя помещения или проживающих в нем на законном основании лиц, это означает проведение ОРМ либо негласно, либо в неотложном порядке. В первом случае при наличии соответствующего судебного решения из тактических соображений сообщать любым лицам, не задействованным в мероприятии, о факте такого проникновения – означает нарушить требования ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «Защита сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность»⁷. Более того, при проведении такого негласного ОРМ (проникновение помимо воли правообладателя или лица, находящегося в нем на законном основании) нет необходимости письменного уведомления об этом прокурора, как это предписывается в

⁶ В скобках к ч. 6 и 7 ст. 15 ФЗ об ОРД вместо предложенных нами указаны словосочетания, используемые в предписаниях закона.

⁷ Сведения... об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

ч. 7 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Во-вторых, если проникновение в жилище в рамках ОРД было осуществлено гласно, то возможны два варианта развития событий:

1) согласие правообладателя или лица, находящегося в нем на законном основании, – на представленную ситуацию не распространяются положения ч. 6, 7 ст. 15 Федерального закона «О полиции»;

2) без согласия правообладателя или лица, находящегося в нем на законном основании, – в этом случае при наличии судебного ограничения права на неприкосновенность жилища или неотложного проведения ОРМ с последующим получением соответствующего решения информирование прокурора представляется излишним, поскольку действия полицейских оперативников регулируются Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом может возникнуть вопрос об определении в данной ситуации приоритета нормативных правовых актов – Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». На него уже достаточно давно следующим образом ответил Конституционный Суд Российской Федерации⁸: *по общему правилу последующий закон отменяет предыдущие, однако «независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений».* Таким образом, здесь будут действовать нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Оценив соответствующие предписания ст. 15 Федерального закона «О полиции», для завершенности изыскания исключительно

кратко охарактеризуем «Порядок информирования полицией собственника жилого помещения и (или) проживающих там граждан о случае проникновения сотрудника полиции в жилое помещение, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие» (далее – Порядок) проекта приказа МВД России, зарегистрированного 22 апреля 2022г. в Минюсте России за N 68308⁹.

Сначала общее впечатление, касающееся российской правовой системы. При сопоставлении законов и конкретизирующих их подзаконных правовых актов создается устойчивое впечатление о том, что ведомственные нормотворцы зачастую, не зная, о чем следует писать, либо полагая, что правоприменитель не читает (и уж тем более не знает) законы, во многом просто дублируют содержащиеся в них нормы.

Так, предписание п. 1 Порядка почти дословно повторяет содержание ч. 6 ст. 15 Федерального закона «О полиции». Правда, дальнейшие положения уже не воспроизводятся, поскольку в подзаконном акте представлен алгоритм «своевременного информирования собственника и (или) проживающих граждан», если проникновение в жилище было осуществлено в их отсутствие. Не заостряя внимания на словосочетании «проживающих граждан» (недостаток такой формулировки мы отмечали выше), представим буквально несколько суждений, характеризующих предписания, содержащиеся в исследуемом документе.

В частности, положение п. 1 предписывает «в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проникновения проинформировать собственника этого помещения и (или) проживающих там граждан». Возникает не всегда разрешимый вопрос, касающийся хотя бы некоторых их установочных дан-

⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П.

⁹ Об утверждении порядка информирования полицией собственника жилого помещения и (или) проживающих там граждан о случае проникновения сотрудника полиции в жилое помещение, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие : приказ МВД России от 03.02.2022 N 90 (проект).

ных¹⁰. Так, п. 2 к ним относит адреса места пребывания или жительства собственника и (или) проживающих граждан для направления почтовой корреспонденции. Вместе с тем к *обязательным параметрам установочных данных* относят фамилию, имя, отчество, а в настоящее время – номер телефона, адрес электронной почты, с использованием которых при отсутствии в жилище постоянно проживающих лиц можно проинформировать о состоявшемся проникновении.

Пункт 3 определяет способом информирования «вручение или направление уведомления о проникновении (за исключением вручения уведомления в ночное время)». Опять же это представляется возможным лишь при наличии в полиции соответствующих установочных данных заинтересованных лиц.

Пункты 4, 5, 7-10 характеризуют документ под названием «уведомление», его содержательные элементы и процедуру вручения, а поэтому не видятся нами проблемными в рамках данного исследования. Вместе с тем следует обратить внимание, что в нем должны содержаться необходимые установочные данные адресатов, а также сведения об адресе жилого помещения, в которое осуществлено проникновение, дате, времени, основаниях и обстоятельствах проникновения.

В завершение следует сделать несколько выводов.

1. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – ОРМ, заключающееся в проникновении на указанные объекты и кратковременном визуальном, слуховом, электронном или ином изучении посредством применения органов чувств и специальных

технических средств обнаруженных там носителей информации о преступной деятельности и причастных к ней лицах субъектами ОРД с целью решения ее задач.

2. Одним из существенных этапов такого обследования выступает проникновение в помещение.

3. Предписания ст. 15 Федерального закона «О полиции» нуждаются в определенных коррективах:

– следует из нее исключить термин «гражданин», заменив на иные варианты, например, «личность», «индивид», «человек»;

– необходимо словосочетание «находящиеся там граждане» заменить на идиому «правообладатель помещения или лицо, находящееся в жилище на законных основаниях»;

– завершающая фраза нормы, содержащейся в ч. 4, должна быть отредактирована следующим образом: «...произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения..., осмотр, а при необходимости вскрытие находящихся там объектов...».

4. Положения ст. 15 Федерального закона «О полиции» и рассматриваемого Порядка информирования не ориентированы на одно из основных направлений деятельности полиции – оперативно-розыскное противодействие преступности.

5. В случае противоречия предписаний Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» применительно к ОРД будут действовать нормы оперативно-розыскного закона.

¹⁰ Установочные данные – совокупность биографических и других сведений, которые позволяют с необходимой степенью достоверности установить личность определенного человека (фамилия, имя, отчество, дата, место рождения, гражданство, национальность, место жительства и работы, род и характер занятий, вероисповедание, семейное положение, образование и др.).

Библиографический список

1. Бакланов, Л.А. Проведение гласного обследования жилища без согласия его собственников / Л.А. Бакланов, Д.Б. Панюшин // Актуальные проблемы науки и практики : сборник научных трудов. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. – С. 20-29.
2. Гусев, В.А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-разыскной деятельности / В.А. Гусев // Оперативник (сыщик). – 2015. – N 3 (44). – С. 40.
3. Железняк, Н.С. О недостатках проекта инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» / Н.С. Железняк // Оперативник (сыщик). – 2001. – N 3 (24). – С. 24-29.
4. Железняк, Н.С. О проблеме законодательного регулирования обследования жилища / Н.С. Железняк // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2005. – N 2. – С. 134-137.
5. Железняк, Н.С. Оперативно-розыскное обследование жилища: правовые и правоприменительные проблемы и перспективы : монография / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
6. Железняк, Н.С. Термины и выражения, применяемые в оперативно-розыскной деятельности : словарь-справочник / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2015.
7. Одношев, И.А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / И.А. Одношев // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 6. – С. 1234.
8. Поляков, М.П. Некоторые аспекты нарушения законности при реализации гласного оперативно-обследования (как проявление методологической проблемы дифференциации ОРД на гласную и негласную) / М.П. Поляков, В.В. Терехин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – N 1. – С. 240-244.
9. Помазкова, С.И. О понятии жилища и его значение для законности современного сыска / С.И. Помазкова // Оперативник (сыщик). – 2005. – N 1 (2). – С. 10-13.
10. Чечетин А.Е. О толковании права на гласное проведение оперативно-розыскных мероприятий / А.Е. Чечетин // Правовые и организационно-тактические аспекты совершенствования оперативно-розыскной деятельности (памяти профессора Д.В. Ривмана) : материалы региональной научно-практической конференции. 28 ноября 2014 года. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2014. – С. 3-9.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.57

Александр Николаевич ЩЕРБИЧ,
заместитель начальника отдела аналитической
работы и выработки управленческих решений
информационно-аналитического управления
ГУНК МВД России (г. Москва)

shcherbkrim@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И ТЕНДЕНЦИЯХ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE ISSUE OF THE STATE AND TENDENCIES OF DRUG CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с негативным влиянием наркопреступлений и незаконного потребления наркотиков на общий уровень преступности в стране. Анализируется преступная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков, которая представляет собой взаимосвязанную систему по их культивированию, производству, изготовлению, транспортировке, дистрибуции, оптовому и розничному сбыту, и наравне с этим использование наркотиков в немедицинских целях рассматривается как побудительный стимул ее функционирования и воспроизводства. Отмечается, что в современных условиях противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотиков носит сложный и комплексный характер, включая в себя меры различного содержания, в первую очередь повышение эффективности правоохранительной деятельности и реализацию неотвратимости наказания, а также совершенствование законодательства. Обращается внимание на пресечение распространения и потребления наркотических средств и психотропных веществ в притонах как социально значимое направление работы правоохранительной системы.

The article considers with issues related to the negative impact of drug crimes and illicit drug use on the common crime rate in the country. Criminal activity in the field of illicit drug trafficking is analyzed, being as an interrelated system for drug cultivation, production, manufacture, transportation, distribution, wholesale and retail marketing, and, at the same time, the use of drugs for non-medical purposes is considered as an incentive for its functioning and reproduction. It is noted that in modern conditions counteraction to crime in the field of illicit drug trafficking is of a complex character, including measures of various contents and, firstly, such measure as increasing the efficiency of law enforcement activity and realization of the inevitability of punishment, as well as improving the legislation. The author draws the attention to the issue of the suppression of distribution and consumption of narcotic drugs and psychotropic substances in dens as socially significant trend of the activity of the law enforcement system

Ключевые слова: наркоситуация, незаконный оборот наркотиков, наркопреступность, организованная преступность, легализация доходов от незаконного оборота наркотиков, наркопритоны.

Keywords: drug situation, drug trafficking, drug crime, organized crime, legalization of proceeds from drug trafficking, drug dens.

Необходимость комплексного и системного подхода в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в настоящее время – одна из первостепенных задач нашего общества. Это связано не только с решением демографических остросоциальных проблем, но и с продуцированием через наркопреступность иных видов преступлений.

Анализ наркоситуации в мире свидетельствует, что, невзирая на усилия всего мирового сообщества, продолжается непрерывный рост производства и потребления наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотики). Наркобизнес в глобальных условиях мирового развития наравне с нелегальным оборотом оружия, торговлей людьми и другими формами противоправной деятельности входит с огромными доходами в индустрию производства и распространения криминальной продукции, являясь частью теневой экономики. Проблема наркобизнеса угрожает в глобальных масштабах основам международной и национальной безопасности, формирует криминальный характер экономик отдельных государств. Масштабное производство наркотиков влечет транснациональный наркотрафик, соразмерный в финансовом эквиваленте с валовым внутренним продуктом отдельных стран-транзитеров.

В последнее время ситуация с незаконным оборотом наркотиков в мире обострилась и стала более динамична в связи с активным использованием в криминальных целях современных информационно-телекоммуникационных технологий. Возможность анонимности глобального информационного взаимодействия и быстрота передачи информации, трансрегиональный и трансграничный характер телекоммуникационных сетей, отсутствие непосредственного контакта дилеров с наркопотребителями, одновременный охват значительной аудитории, простота поиска и сбора информации о наркотиках с использованием программного обеспечения The Onion Router в теневом Интернете (от англ. DarkNet – темная сеть) дают существен-

ные преимущества в совершении наркопреступлений дистанционно, так называемым бесконтактным способом, сокращают финансовые издержки (риски стоят дороже) и формируют значительный потенциал для роста наркооборота.

Активнее используются новейшие способы производства наркотических средств и психотропных веществ, применяются для их изготовления новые прекурсоры, этот процесс удешевляется и становится элементарнее, а наркопроизводство в России становится рентабельнее по сравнению со странами Евросоюза.

В Российской Федерации наркоситуация остается сложной, требующей особого внимания компетентных органов. Накапливаются установленные факты использования территории нашей страны в качестве транзитного коридора наркотрафика.

Каждый год объем изымаемых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ на момент возбуждения уголовных дел измеряется десятками тонн (например, в 2017 г. – 24,2 т, в 2018 г. – 21,5 т, в 2019 г. – 20,6 т, в 2020 г. – 22,7 т, в 2021 г. – 37,5 т) (р. 1, ф. N 3-МВ-НОН)¹.

Основным условием распространения наркотиков и прямой угрозой национальной безопасности страны является внешняя наркоагрессия.

Негативным фактором, оказывающим влияние на развитие наркоситуации в Российской Федерации, продолжает оставаться экспансия афганских опиатов, незаконный ввоз через территории стран Евросоюза кокаина и гашиша, контрабанда наркотиков синтетического происхождения.

Неэффективность мер мирового сообщества послужила благоприятным условием для дальнейшего роста наркоиндустрии в Афганистане. В частности, в 2016 г. мировое производство опия увеличилось на одну треть по сравнению с предшествующим годом, и это вызвано главным образом увеличением культивирования и урожайности опийного мака

¹ Сведения статистической отчетности, приводимые по тексту, формируются и выдаются ФКУ «ГИАЦ МВД России».

в Афганистане [7]. В 2017 г. в этом регионе площади посевов опийного мака увеличились до 328 тыс. га, производство опия по сравнению с 2016 г. возросло на 63%, составив 9 тыс. т [5]. Несмотря на частичное сокращение посевов мака в 2018 г. (до 263 тыс. га), производство опия составило 6,4 тыс. т, что стало вторым пиковым показателем за всю историю [1]. По итогам 2020 г., согласно данным УНП ООН, примерный объем мирового производства опия составил 7,4 тыс. т, из них 6,3 тыс. т изготовлены в Афганистане, порядка 76% площадей маковых посевов в мире пришлось на Афганистан (224 тыс. га из 294 тыс. га) [6].

Общие криминальные интересы, основанные на получении сверхдоходов от торговли наркотиками, объективно влекут кооперацию организованных преступных группировок, объединение их в транснациональные (трансрегиональные) преступные сообщества. Происходит сращивание криминалитета с представителями государственных и силовых структур.

Наркопреступность является одной из наиболее организованных форм криминальной деятельности. Анализ наркопреступности показывает ее многоуровневую иерархию и жесткую дифференциацию в организации поставок и сбыта наркотиков. Одним из основных показателей состояния наркоситуации в стране является количество ликвидированных организованных групп и преступных сообществ.

Почти треть преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ, раскрытых в России за последние годы, связаны с наркотиками. В 2010 г. количество наркопреступлений, совершенных в России в составе организованных групп и преступных сообществ, составило 6389 из 22251 всех совершенных в организованных формах криминальных посягательств, в 2011 г. – 5200 из 17691, в 2012 г. – 5293 из 18016, в 2013 г. – 4530 из 17266, в 2014 г. – 4165 из 13771, в 2015 г. – 4264 из 13735, в 2016 г. – 3568 из 12581, в 2017 г. – 3892 из 13232,

в 2018 г. – 5562 из 15628, в 2019 г. – 5791 из 16290, в 2020 г. – 6496 из 17727, в 2021 г. – 7643 из 22172 (данные о расследованных преступлениях в отчетных периодах из числа находившихся в производстве (р. 5, ф. «4-ЕГС»; р. 1, ф. N 1-МВ-НОН)).

Например, в 2016 г. правоохранительными органами ликвидирован преступный наркосиндикат, организованный гражданами Украины и действовавший на территории 14 субъектов Российской Федерации, так называемое дело «ХимПром». В 2015-2016 гг. «ХимПром» стал одним из основных «игроков» на российском наркорынке с годовым оборотом 2,3 млрд рублей, которые обналачивались в банках Украины. В процессе работы спецслужб ликвидированы три подпольные лаборатории по изготовлению синтетических наркотиков в Московской области, оптовые склады в 10 регионах Российской Федерации, задержаны 67 участников наркогруппировки, 47 из которых являются гражданами Украины. Из незаконного оборота изъято свыше 4 т синтетических наркотиков и 3,5 т прекурсоров [2].

Транснациональные организованные группы формируют логистику и инфраструктуру поставок наркотиков в Россию, например так называемых спайсов – из Юго-Восточной Азии, героина – из Афганистана, кокаина – из Латинской Америки и гашиша – из Африки.

Ежегодно в Российской Федерации пресекаются около двухсот тысяч наркопреступлений (2010 г. – 222564, 2011 г. – 215214, 2012 г. – 218974, 2013 г. – 231462, 2014 г. – 254730, 2015 г. – 236939, 2016 г. – 201165, 2017 г. – 208681, 2018 г. – 200306, 2019 г. – 190197, 2020 г. – 189905, 2021 г. – 179732) (р. 1, ф. N 1-МВ-НОН).

На протяжении последних десяти лет удельный вес наркопреступлений в общем массиве криминальных деяний, зарегистрированных в стране, практически остается на одном и том же уровне (2010 г. – 8,5%, 2011 г. – 8,9%, 2012 г. – 9,5%, 2013 г. – 10,5%, 2014 г. – 11,6%, 2015 г. – 9,9%, 2016 г. – 9,3%, 2017 г. – 10,1%, 2018 г.

– 10,1%, 2019 г. – 9,4%, 2020 г. – 9,3%, 2021 г. – 9%).

Особую озабоченность вызывает проблема, связанная с потреблением наркотиков в притонах, которые используются в целях формирования устойчивых сетей распространения подконтрольных веществ и вовлечения в их потребление молодежи.

В период с 2010 по 2021 гг. в стране выявлены 37377 преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ (2010 г. – 6554, 2011 г. – 7077, 2012 г. – 6104, 2013 г. – 4391, 2014 г. – 2707, 2015 г. – 2200, 2016 г. – 1520, 2017 г. – 1518, 2018 г. – 1589, 2019 г. – 1435, 2020 г. – 1179, 2021 г. – 1103) (р. 1, ф. N 1-МВ-НОН).

За этот же период в групповых формах (по ч. 2 и ч. 3 ст. 232 УК РФ в составе группы лиц по предварительному сговору и организованной группы) раскрыты 4265 преступлений от всех расследованных преступлений указанного вида (2010 г. – 123 из 6261, 2011 г. – 615 из 6627, 2012 г. – 748 из 6371, 2013 г. – 494 из 4430, 2014 г. – 615 из 2674, 2015 г. – 732 из 2247, 2016 г. – 514 из 1624, 2017 г. – 117 из 1499, 2018 г. – 92 из 1596, 2019 г. – 72 из 1389, 2020 г. – 73 из 1146, 2021 г. – 70 из 1135) (р. 1 и 3, ф. N 1-МВ-НОН).

Начиная с 2017 г. удельный вес количества раскрытых преступлений, связанных с притонотендерством и совершенных в групповых формах, резко сокращается, а в 2020-2021 гг. составляет порядка 6,3% (в 2012-2016 гг. – в среднем 22%).

Как указывают авторы криминологических исследований: «Значительное число наркопреступлений остаются не выявленными, не зарегистрированными и, соответственно, не раскрытыми. По экспертным оценкам, фактическая наркопреступность в разы превышает количество зарегистрированных преступлений. Например, за 2002-2009 гг. латентная преступность в сфере незаконного оборота наркотиков в 5-7 раз превышала данные официальной статистики» [4].

Розничный сбыт наркотиков базируется на многочисленных небольших локальных сетях мелких дилеров. В окончательную финальную уличную реализацию единичных

доз включаются и их потребители. Розничный наркооборот осуществляется на улицах, во дворах, в подъездах. При этом обычные граждане вынуждены иметь прямые контакты с наркопотребителями. В притонах же потребители наркотиков имеют возможность укрыться, здесь происходят употребление, переработка и изготовление подконтрольных веществ.

Потребление наркотиков является во многом определяющим фактором, провоцирующим криминальное поведение. Значительное количество лиц, совершающих наркопреступления, составляют люди, не имеющие постоянного источника дохода, удельный вес которых за период 2010-2021 гг. в среднем составляет порядка 70% в общем числе всех привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотиками (2010 г. – 83037 из 112109, 2011 г. – 80105 из 109144, 2012 г. – 83483 из 115214, 2013 г. – 81924 из 117912, 2014 г. – 83360 из 123300, 2015 г. – 83581 из 121557, 2016 г. – 76134 из 108258, 2017 г. – 74379 из 106292, 2018 г. – 65552 из 95683, 2019 г. – 58443 из 85425, 2020 г. – 57550 из 83137, 2021 г. – 58901 из 85147) (р. 2, ф. N 1-МВ-НОН).

Растет криминальная активность наркопотребителей, привлеченных ранее к уголовной ответственности за участие в незаконном обороте наркотиков, прошедших «тюремные университеты».

С 2010 г. по 2020 г. в 2,1 раза возросло число лиц, ранее совершавших преступления, с 20,3% до 40,9% в общем количестве задержанных за совершения наркопреступлений в стране (2010 г. – 9617 из 47448, 2011 г. – 9971 из 49485, 2012 г. – 10802 из 59275, 2013 г. – 12233 из 61314, 2014 г. – 14398 из 66258, 2015 г. – 20518 из 67492, 2016 г. – 19559 из 62203, 2017 г. – 21527 из 62440, 2018 г. – 21397 из 57089, 2019 г. – 20536 из 51174, 2020 г. – 19939 из 49254, 2021 г. – 20402 из 49910) (р. 2, ф. N 1-МВ-НОН).

Главным мотивом участия организованной преступности в незаконном обороте наркотиков является доход от наркоторговли.

Организованная наркопреступность, обладая мощными финансовыми средствами, использует все возможные ресурсы для успешного продвижения запрещенного товара и конспирации преступной деятельности. В наркобизнесе учитываются такие области и направления, где отсутствует жесткое регулирование государства.

Вызывает большую озабоченность и распространение новых психоактивных веществ, не включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. N 681, это создает условия для ухода от уголовного наказания за незаконный оборот наркотиков. В то же время следует констатировать, что практика привлечения к уголовной ответственности за участие в незаконном обороте аналогов наркотических средств и психотропных веществ весьма незначительна.

Обстановка в сфере незаконного оборота наркотиков также свидетельствует о конспирации преступной деятельности, широком распространении бесконтактного способа совершения наркопреступлений, связанных с их сбытом. При его осуществлении широкое распространение находит использование наркосбытчиками достижений технического прогресса (IP-телефонии, зарубежных интернет-ресурсов, динамических IP-адресов, Skype и др.). Наркогруппировками активно используются возможности специальных программных средств (например, мессенджеры WhatsApp, Viber, Jabber, Telegram, CoverME, Signal, VIPole, ChiGap, сервисы однократных сообщений PriveNote).

Процесс купли-продажи наркотиков стал обезличенным посредством электронных платежей («QIWI-кошелек», «Yandex-деньги», Webmoney, E-port и других, а также криптовалют) и к тому же моментальным и автоматизированным, что исключает визуальные контакты с покупателями, повышает безопасность криминальной деятельности и увеличивает стремление расширить сеть сбыта, в том числе путем вовлечения новых участников в

преступную связь с организованной наркопреступностью.

Передача подконтрольных веществ осуществляется посредством системы тайников-закладок, в результате чего происходит так называемый бесконтактный сбыт наркотиков.

За последние пять лет наркогруппировками для организации поставок наркотиков, в том числе контрабандным путем, в качестве относительно безопасного способа их перевозки используются каналы почтовой и курьерской связи, службы экспресс-доставки («Почта России», специализирующиеся на международной экспресс-доставке грузов фирмы DHL, EMS, UPS, TNT, FedEx и другие).

Кроме того, наркодилерами все чаще используются ресурсы Интернета для пропаганды наркотиков и неподконтрольных на территории Российской Федерации новых видов психоактивных веществ.

Высокие темпы развития современных информационных и финансовых технологий позволяют организованным группам разрабатывать новые способы легализации денежных средств.

Движение финансовых средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, осуществляется одновременно и в официальном финансовом секторе, и в альтернативных системах денежных переводов. Различные платежные механизмы используются как для распределения доходов от реализации наркотиков, так и для проведения взаиморасчетов между наркодилерами. Прочно вошли в практику схемы сбыта наркотиков и легализации средств от него с использованием платежных систем и банковских карт (банковские и почтовые переводы, переводы посредством электронных платежных систем, мобильные платежи, система хавала).

Специфика в финансовой сфере наркобизнеса на сегодняшний день такова, что перераспределение средств на платежные счета (электронные кошельки) наркодилеров ведется по многоуровневым схемам движения денежных средств: вначале они накапливаются на одних счетах, а затем переводятся

на другие для их обналичивания либо конвертации, например в криптовалюту.

С этого момента проследить движение криптовалюты достаточно проблематично, а иногда просто невозможно (криптовалюта перегоняется с одной криптобиржи на другую, может неоднократно конвертироваться, а серверы криптобирж и интернет-площадок находятся вне юрисдикции Российской Федерации).

В таких условиях документирование криминальной деятельности становится во многом затруднительно, размещение и движение криминальных капиталов при помощи цифровых валют способствует приданию им видимости законного происхождения.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации ежегодно в России более 100 тысяч человек осуждаются за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ (р. 1, ф. N 6-МВ-НОН)².

Таким образом, подвергнутые анализу фактические данные свидетельствуют, что незаконный оборот наркотиков является фактором, представляющим угрозу общественному порядку, общественной безопасности и здоровью людей, обуславливают высокую смертность группы населения, втянутой в наркопотребление. Кроме того,

влечет рискованное поведение, разрушая социальные связи и оказывая влияние на стремление и желание наркопотребителей получать наркотики незаконным способом, при их потреблении формирует зависимость, чем преодолеваются социальные механизмы сдерживания, – потребители наркотиков идут на совершение противоправных поступков и преступлений, порождает такое явление, как наркобизнес – преступную деятельность по распространению наркотиков, легализации (отмыванию) денежных средств от торговли подконтрольными веществами, а также иные криминальные проявления, связанные с преступной деятельностью в указанной сфере.

Наркобизнес тянет за собой рост уровня преступности и социальной напряженности в обществе, а преступления в сфере незаконного оборота наркотиков давно уже стали отдельным видом преступности в системе криминальной деятельности, постоянным детерминантом ряда общеуголовных преступлений, преступлений против общественного порядка и общественной безопасности.

Наступление переломного момента в борьбе с незаконным оборотом наркотиков зависит от наступательности в принятии правоохранительными органами мер, ориентированных на ликвидацию международных наркотрафиков, противодействие организованному наркобизнесу и подрыв его финансовых основ.

² Статистические данные приводятся на основе информации, размещенной на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с 2012 года. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 23.08.2021).

Библиографический список

1. Всемирный доклад о наркотиках 2019. Резюме: Выводы и политические последствия. – URL: https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR2019_B1_R.pdf (дата обращения: 22.08.19).
2. В России задержаны 47 украинцев из наркосиндиката «ХимПром». – URL: www.mk.ru/incident/2017/02/10/v-rossii-zaderzhany-47-ukraincev-iz-narkosindikata-khimprom.html (дата обращения: 25.05.2018).
3. Об оперативной обстановке по фактам массового отравления граждан психоактивным веществом : материалы ФСКН России: рег. N 11881 от 28.10.2014.

-
4. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
 5. Afghanistan Opium Survey 2017. – URL: www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web/pdf (дата обращения: 16.05.18).
 6. Afghanistan Opium Survey 2020; Cultivation and Production – Executive Summary. – URL: https://www.ecoi.net/en/file/local/2054613/20210503_Executive_summary_Opium_Survey_2020_SMALL.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
 7. World Drug Report 2017. – URL: <http://www.unodc.org/wdr2017> (дата обращения: 16.05.18).
 8. World Drug Report 2021. – URL: http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr-2021_booklet-4.html (дата обращения: 10.01.2022).

УДК 343.9

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент

pavlushat@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАРКОСИТУАЦИИ
В РЕГИОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА «SWOT-АНАЛИЗ»**

**CRIMINOLOGICAL STUDY OF THE DRUG SITUATION
IN THE REGION OF RESPONSIBILITY OF MEMBER STATES
OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION USING
THE «SWOT- ANALYSIS» METHOD**

В статье рассматривается значимость использования метода «SWOT-анализ» при криминологическом исследовании наркоситуации в целях формирования максимально эффективной стратегии воздействия на незаконный оборот наркотиков в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Изложена процедура реализации метода через комбинацию таких элементов, как сильные стороны правоохранительной деятельности компетентных органов государств – членов ОДКБ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, слабые стороны такой деятельности, возможности результативного противодействия незаконному обороту наркотиков, угрозы распространения и спроса на различные виды наркотиков. Сделан вывод о том, что наркоугрозы носят наступательный характер и не позволят ликвидировать все симптомы наркоситуации в рассматриваемом регионе, поэтому выстраивание комплекса защитных механизмов должно быть направлено в первую очередь на минимизацию и, возможно, нейтрализацию причин и условий, детерминирующих либо обуславливающих производство и незаконный оборот наркотиков, а также связанные с этими явлениями – преступность и наркотизм населения, а не на их искоренение и полную ликвидацию.

The article considers the significance of using the «SWOT-analysis» method in the criminological study of the drug situation in order to form the most effective strategy of impact on drug trafficking in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization. The procedure of implementation of the method under consideration through the combination of such elements as the strengths of the law enforcement activities of the competent authorities of the CSTO member states in combating drug trafficking, weaknesses of such activities, opportunities for effective counteraction to drug trafficking, threats of spread and demand for different types of drugs are presented. It is concluded that drug threats are offensive in nature and will not eliminate all the symptoms of the drug situation in the region under consideration. Therefore, the development of a set of protective mechanisms should be primarily aimed at minimizing and possibly neutralizing the causes and conditions that determine or stipulate the production and trafficking of drugs, as well as the related phenomena - crime and drug abuse of the population, rather than their eradication and complete elimination.

Ключевые слова: антинаркотические операции, внешние факторы, здоровье населения, нарколиберальные инициативы, профилактика незаконного оборота наркотиков, унификация антинаркотического законодательства, Центрально-Азиатский регион.

Keywords: *anti-drug operations, external factors, public health, drug liberal initiatives, drug trafficking prevention, unification of anti-drug legislation, Central Asian region.*

Криминологические исследования региональных явлений и процессов уже достаточно давно вышли за границы лишь статистического анализа криминальных посягательств, но еще не в полной мере задействуют методы стратегического планирования, позволяющие представить структурированное описание социально негативного феномена, относительно которого предстоит принимать управленческие решения. Одним из таких феноменов выступает незаконный оборот наркотиков, отражающий особую конъюнктуру их спроса и предложения. В связи с этим значительный криминологический интерес представляет наркоситуация в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ, Организация), поскольку ей присущи ярко выраженный трансграничный характер, существенное негативное воздействие на социальную среду, столкновения различных геополитических и социально-экономических проектов, стабильное развитие на фоне неустойчивой институциональной структуры Центрально-Азиатского региона.

В качестве основного метода исследования целесообразно использовать метод SWOT-анализа наркоситуации, поскольку это обеспечит приближение к процессу не только выявления соответствующих угроз ухудшения наркоситуации, но и обнаружения дефектов либо неадекватных форм реагирования со стороны государственных и общественных структур, выступающих субъектами противодействия или обеспечения профилактики незаконного оборота наркотиков. Следовательно, основная цель такого анализа заключается в разработке такой стратегии воздействия на наркоситуа-

цию, которая учитывала бы, с одной стороны, государственные и межгосударственные возможности и резервы для эффективного противодействия незаконному обороту наркотиков, с другой – характер и степень опасности ближайших и отдаленных наркоугроз, все аспекты их разрушительного влияния на здоровье населения, общественную безопасность и стабильность правопорядка. Именно при стратегическом планировании целесообразно применять рассматриваемый метод. Не случайно М.П. Клейменов предлагает использовать SWOT-анализ как один из методов реализации прогностического подхода к разработке уголовной политики [5, с. 132].

В соответствии с SWOT-анализом исследованию необходимо подвергнуть следующие стороны (элементы), соприкасающиеся с деятельностью по стабилизации наркоситуации:

S (strengths) – сильные стороны – положительный опыт правоохранительной деятельности компетентных органов государств – членов ОДКБ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков;

W (weaknesses) – слабые стороны – не всегда эффективная правоохранительная деятельность компетентных органов государств – членов ОДКБ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков;

O (opportunities) – возможности – организационно-правовые ресурсы и резервы, которые могут быть задействованы и(или) оптимизированы в направлении результативного противодействия незаконному обороту наркотиков;

T (threats) – угрозы – объективное распространение различных видов наркотиков, выступающее результатом спроса на них.

При этом сильные и слабые стороны условно относятся к внутренним факторам, тог-

да как возможности и угрозы – к внешним. Для формирования максимально эффективной стратегии воздействия на незаконный оборот наркотиков важно последовательно сопоставлять внешние и внутренние факторы.

Существуют три разновидности SWOT-анализа: «экспресс» (акцент ставится на существующих преимуществах и перспективах оптимизации внутренних факторов, что обеспечит результативность противодействия негативным проявлениям внешних факторов), «сводный» (внешние и внутренние факторы изучаются в основном посредством статистического анализа, осуществляется статистическое прогнозирование) и «смешанный». Для того чтобы избрать соответствующую разновидность, следует учитывать, что наркоситуация является далеко не простым социальным явлением. Так, В.Е. Шинкевич и Н.В. Маслодудова под этим явлением понимают «состояние общества, социальных групп с точки зрения количественных и качественных характеристик проявлений наркотизма в определенном месте, времени, отражающее закономерности, тенденции, динамику наркотизма и антинаркотизма» [12, с. 173]. При этом наркотизм – «многоаспектное понятие, и этим термином обозначают разные явления социальной действительности» [9, с. 7], данную категорию «следует увязывать с понятиями "наркотики" и "наркопреступность"» [9, с. 8].

Действительно, наркоситуация представляет собой достаточно сложное структурное явление социальной патологии, обладающее динамичной изменчивостью и симптоматично отражающее социально-экономические, культурологические и политические трансформации и процессы. В связи с этим целесообразно использовать «смешанную» разновидность SWOT-анализа для криминологической оценки наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ. Причем такой анализ гармонично вписывается в задачи криминологического изучения социальных процессов, поскольку общим ожидаемым результатом выступает минимизация и(или) нейтрализация причин и условий, детерминирующих либо обуславливающих производство

и незаконный оборот наркотиков, а также связанные с этими явлениями – преступность и наркотизм населения.

Процедура реализации рассматриваемого метода предполагает комбинацию соответствующих элементов SWOT-анализа.

Комбинация 1 («сильные стороны – возможности») образует стратегию силы. Здесь необходимо отметить, что за три десятилетия ОДКБ зарекомендовала себя как надежная и сильная межгосударственная региональная организация, способная конструктивно решать задачи в области противодействия незаконному обороту наркотиков. Организация обладает необходимой правовой базой, сложившейся системой межгосударственного взаимодействия, структурой координационных органов (в частности, Координационным Советом руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков), силовой составляющей (Коллективные силы ОДКБ), опытом проведения специальных антинаркотических операций и тактико-специальных учений (например, «Гром-2021», «Канал», «Канал-Восток», «Канал-Гранитный бастион», «Мак-2021», «Звезда Каспия-2021», «Канал-Второй барьер»), должным информационным бэкграундом. Как постулируется в специальных исследованиях, «опыт проведения [Организацией] международных антинаркотических операций показывает, что практическое сотрудничество компетентных органов является эффективным и плодотворным способом воздействия на международный наркотрафик и в дальнейшем будет продолжено» [10, с. 118]. Это однозначно сильные стороны функционирования ОДКБ.

Помимо этого Организация обладает существенными возможностями по использованию организационных, кадровых, военно-технических, информационных, дипломатических и иных ресурсов, необходимых для полновесной работы по противодействию незаконному обороту наркотиков. Так, согласно Антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025

годы основным содержанием системы мер по сокращению предложения наркотиков являются согласованные действия правоохранительного, организационного и международного характера, направленные на противодействие нелегальному ввозу наркотиков, их незаконному производству, транспортировке и распространению на территории государств – членов ОДКБ, а также на реализацию мер профилактического и реабилитационного характера.

Методика так называемой элементарной экспертной оценки результатов SWOT-анализа предполагает возможность присвоения каждому элементу при положительной оценке 100% вклада в формирование максимально эффективной стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ; при частично-положительной оценке элемента ему присваивается 25% вклада; при отрицательной – 0%. Процентное измерение носит условный характер и свидетельствует о наличии или отсутствии погрешностей в элементе, а не о детальности расчетов оценки. Соответственно, комбинация может быть оценена от 0 до 1 с шагом оценки в 1/4.

Положительная оценка каждого из элементов первой комбинации обеспечивает ее 100% вклад в формирование максимально эффективной стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Комбинация 2 («возможности – слабые стороны») образует стратегию оптимизации. Такой элемент, как «возможности», был кратко раскрыт в рамках первой комбинации. Лорнетирование на слабых сторонах деятельности компетентных органов государств – членов ОДКБ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков приводит к выводу о том, что такая деятельность не всегда достаточно эффективна. Так, в специальных исследованиях отмечается, что одна из проблем «заключается в наличии противоречий между государствами-членами, касательно не только вопросов борьбы с [незаконным оборотом] наркотиков, но и с деятельностью и перспективами организации в целом» [2,

с. 8], «по мнению ряда экспертов, Россия и Казахстан зачастую выступают не как партнеры, а как конкуренты» [7, с. 106], «нельзя не отметить ряд расхождений в видении этой организации ее участниками» [3, с. 199], «к сожалению, ОДКБ не предоставляет какого-либо подлинного инструмента для урегулирования споров и конфликтов между государствами-членами» [4, с. 1159]. Указывается и на наличие коррупционной составляющей в системе правоохранительных органов государств-членов ОДКБ. В частности, А.Н. Сухаренко пишет: «Из-за увеличения масштабов коррупции происходит ослабление государственных органов, включая правоохранительные» [8, с. 25].

Кроме того, до сих пор отсутствует отлаженный механизм перманентной унификации антинаркотического законодательства государств-членов Организации. Так, недостаточно четко прослеживается работа по последовательной и на постоянной основе реализации Рекомендаций по унификации и гармонизации законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, принятых 16 апреля 2004 года (далее – Рекомендации). Более того, современная трансформация наркоугроз, создание в ноябре 2006 года Парламентской Ассамблеи ОДКБ диктуют необходимость системной модернизации положений указанного выше документа. В частности, Рекомендации не содержат предложений по унификации и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ в части противодействия новым потенциально опасным психоактивными веществами. Также следует учитывать значительное обновление основополагающих антинаркотических актов государств – членов ОДКБ. По обоснованному мнению Н.Р. Абдуллозоды, в антинаркотическом законодательстве некоторых государств – членов ОДКБ имеют место коллизии с нормами международного антинаркотического права и договорным законодательством Таможенного союза ЕАЭС [1, с. 122].

Важно отметить тот факт, что оптимизация криминологического противодействия усугублению наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ отчасти осуществляется по «параллельной» схеме. Так, Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ от 26 ноября 2021 г. № 53-9 была утверждена Модельная методика оценки инициатив в сфере регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, согласно которой предполагается сравнение проектов изменений в национальном антинаркотическом законодательстве государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) с положениями модельного закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» и модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ на предмет выявления недопустимых нарколиберальных инициатив. Критериями нарколиберальных инициатив в соответствии с обозначенной методикой выступают, в частности, установление на уровне национального закона возможности немедицинского потребления отдельных видов наркотиков, исключение из национального уголовного кодекса деяния, связанного с оборотом наркотиков, уголовная ответственность за которое предусмотрена модельным Уголовным кодексом для государств – участников СНГ. Принятие данной методики является результатом закономерной и научно обоснованной работы [11] в направлении создания правового механизма недопущения либерализации антинаркотического законодательства государств – участников СНГ, большинство которых являются одновременно государствами – членами ОДКБ.

Таким образом, положительная оценка только первого элемента данной комбинации и частично положительная второго (слабые стороны) обеспечивает ее 75% вклад в формирование максимально эффективной стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Комбинация 3 («слабые стороны – угрозы») образует стратегию защиты. Такой элемент,

как «слабые стороны», был раскрыт в рамках второй комбинации. Относительно такого элемента, как «угрозы», важно заметить, что наркотизация социальной среды, являющаяся результатом спроса на наркотики, продолжает выступать существенной проблемой на пути обеспечения трансгосударственной безопасности региона. Наркобизнес продолжает активно использовать криминальные технологии, направленные на масштабное рекрутирование людей в процесс сбыта и потребления наркотиков, тем самым оказывая деструктивное влияние на демографический потенциал государств – членов ОДКБ и осуществляя негативное воздействие на социально-экономическое состояние жизнедеятельности населения региона. Не случайно в Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров обозначен как один из факторов, который имеет негативное влияние на систему коллективной безопасности.

Наблюдается распространение разнообразных видов наркотиков. На этом фоне настораживает тенденция роста популярности синтетических наркотиков. Например, компетентными органами Таджикистана в 2021 г. из незаконного оборота изъято свыше 101 кг 474 г метамфетамина, что в 2,5 раза больше показателей 2020 г. (изъято 40 кг 275 г), а также 21537 таблеток психотропных веществ, что почти в три раза больше, чем в 2020 г. (7952 таблеток). Причем данное государство имеет сопредельную границу с Республикой Афганистан, с территории которой продолжают поступать опиоидные наркотики. В Республике Кыргызстан в 2021 г. изъято 20 кг 423 г психотропных веществ, тогда как в 2020 г. – только 6 кг 988 г. В Республике Казахстан – 142 кг 782 г синтетических наркотиков (в 2020 г. – 106 кг 538 г).

Как было отмечено, наркотики афганского происхождения также составляют ощутимую угрозу для наркобезопасности государств – членов ОДКБ. Так, заместитель

Генерального секретаря ОДКБ С.И. Ордабаев на 35-м заседании Рабочей группы по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ, состоявшемся 1 апреля 2022 г., отметил, что «афганская проблематика продолжает оставаться весьма актуальной для международного сообщества»¹. По мнению И.Ж. Сарсембаева, «масштабное производство наркотиков в Афганистане и их последующее перераспределение через государства-транзитеры к конечным потребителям не только не сокращается, но и имеет тенденцию к росту» [6, с. 39]. В Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 г. указывается: «В 2021 году потенциальный объем производства опия в Афганистане составил 6800 т, эта страна, определенно, остается мировым лидером по незаконному культивированию опийного мака и производству опия. Хотя к концу июля 2021 года площадь культивирования опийного мака составила 177 тыс. га, что на 21 процент меньше, чем годом ранее, потенциальный объем производства опия в 2021 году вырос на 8 процентов относительно показателя 2020 года»².

Кроме того, в государствах – членах ОДКБ традиционно значительным является удельный вес общественно опасных деяний, сопряженных со сбытом наркотиков, что демонстрирует, с одной стороны, высокую степень вовлеченности населения в наркосбыт, с другой – продолжающуюся оптимизацию работы наркокриминала по рекрутированию людей в преступный бизнес (с широким использованием информационных и новых финансовых технологий для вовлечения в наркоторговлю новых рекрутов) и дистрибуции наркотиков по сетям их сбыта. Фактически на «криминальной наркотической карте» государств – членов ОДКБ выработался и действует механизм наркоиндустрии, состоящий из четырех групп факторов, посредством которых проявляются экономический, социаль-

ный, культурологический и технологический аспекты наркоугрозы в регионе ответственности ОДКБ: 1) наркопроизводство, 2) наркобизнес, 3) социальный наркотизм, 4) криминальная наркотехнология.

Широко распространено использование каналов международной почтовой связи, средств мобильной связи и электронных коммуникаций, технологий блокчейн и скрытых информационно-телекоммуникационных сетей (в первую очередь Даркнета), а также специализированных online торговых площадок по продаже наркотиков (включая крупнейшую из них – «Hydra») в технологическом обеспечении системы «предложение – спрос на наркотики».

В результате частично положительная оценка первого элемента (слабые стороны) и отрицательная второго обеспечивает данной комбинации лишь 25% вклад в формирование максимально эффективной стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Комбинация 4 («угрозы – сильные стороны») образует стратегию противодействия. Такой элемент, как «угрозы», был раскрыт в рамках третьей комбинации (с отрицательной оценкой), «сильные стороны» (с положительной оценкой) – в первой. Общий вклад данной комбинации в формирование максимально эффективной стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ составляет 50%.

Таким образом, наиболее проблематичным элементом выступают «угрозы», которые носят объективный, наступательный и агрессивный характер и не позволяют ликвидировать все симптомы наркоситуации в рассматриваемом регионе. Следовательно, при формировании стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ следует учитывать данное обстоятельство и выстраивать комплекс защитных механизмов относитель-

¹ Организация Договора о коллективной безопасности. В Секретариате ОДКБ состоялось 35-е заседание Рабочей группы по Афганистану при СМВД ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-sekretariate-odkb-sostoyalos-35-e-zasedanie-rabochey-gruppy-po-afganistanu-pri-smid-odkb/#loaded (дата обращения: 01.05.2022).

² Организация Объединенных Наций. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год (E/INCB/2021/1). URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2021/Annual_Report/E_INCB_2021_1_rus.pdf (дата обращения: 02.05.2022).

но обозначенных угроз. Данные защитные механизмы должны быть направлены в первую очередь не на искоренение и полную ликвидацию причин и условий, детерминирующих либо обуславливающих производство и незаконный оборот наркотиков, а также связанные с этими явлениями преступность и наркотизм населения, а на их минимизацию и, возможно, нейтрализацию. Магистральные рекомендации по оптимизации противодействия наркоугрозам в регионе ответственности государств – членов ОДКБ не охватываются предметом настоящего исследования, но могут быть кратко представлены следующим списком: выделение наиболее наркогенно-опасных зон (как в территориальном смысле, так и в структурно-организационном) и использование средств (мер) повышенной интенсивности по их нейтрализации либо денаркотизации; проведение ревизии и последующей работы по унификации и гармонизации антинаркотического законодательства государств – членов ОДКБ; гибкое использование криминологического эксперименти-

рования при апробировании новых форм и методов борьбы с незаконным оборотом наркотиков; расширение практики вознаграждения за содействие граждан в пресечении преступной деятельности, связанной в первую очередь с организованными и транснациональными формами наркоиндустрии.

Изложение научных предположений относительно структуры внутренних и внешних факторов наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ демонстрирует резервы теоретической институализации методов изучения данного социального недуга. Используемый подход к построению наиболее эффективной стратегии воздействия на наркоситуацию в регионе ответственности государств – членов ОДКБ, а также результаты проведенного анализа не являются «истиной в последней инстанции», но свидетельствуют о возможности закрепления такого подхода в доктринальном «прайс-листе» перспективных исследований в области криминологического анализа наркопреступности.

Библиографический список

1. Абдуллозода, Н.Р. Сравнительный анализ законодательства Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере контроля над оборотом наркотиков / Н.Р. Абдуллозода // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – N 3 (55). – С. 117-127.
2. Баранов, К.В. Сотрудничество государств в рамках ОДКБ по предотвращению незаконного оборота наркотиков / К.В. Баранов // Теория права и межгосударственных отношений. – 2020. – N 2 (12). – С. 8-21.
3. Голуб, К.Ю. ОДКБ: истоки многопрофильного мандата и современные инструменты его реализации / К.Ю. Голуб, Ю.Г. Голуб // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – Т. 13. – N 1. – С. 193-203.
4. Ибрагимов, А.Г. ОДКБ как инструмент региональной безопасности / А.Г. Ибрагимов // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – N 4. – С. 1157-1164.
5. Клейменов, М.П. Профанация уголовной политики / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – N 3 (52). – С. 131-134.
6. Сарсембаев, И.Ж. Создание «антинаркотической разведки» как важный элемент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / И.Ж. Сарсембаев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – N 1. – С. 36-47.
7. Селезнев, И.А. На страже коллективной безопасности Центральной Азии / И.А. Селезнев // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – N 2 (39). – С. 97-108.

-
8. Сухаренко, А.Н. Роль ОДКБ в противодействии незаконному обороту наркотиков / А.Н. Сухаренко // Диалог: политика, право, экономика. – 2018. – N 3 (10). – С. 23-28.
 9. Федоров, А.В. Наркотизм и наркопреступность / А.В. Федоров // Наркоконтроль. – 2018. – N 4. – С. 3-12.
 10. Хохлов, Е.Е. Роль международных структур в борьбе с незаконным оборотом наркотиков / Е.Е. Хохлов // Научный портал МВД России. – 2020. – N 2 (50). – С. 111-121.
 11. Цуканов, Н.Н. О проекте модельной методики оценки инициатив в сфере регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров для государств-участников Содружества Независимых Государств / Н.Н. Цуканов // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С. 15-21.
 12. Шинкевич, В.Е. Противодействие наркоугрозе: социологический аспект : учебное пособие / В.Е. Шинкевич, Н.В. Маслодудова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – 180 с.

УДК 343.132

Светлана Игоревна ЗЕМЦОВА,

профессор кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

zemsvetlana@mail.ru

**РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Р.С. БЕЛКИНА
О ЗНАЧЕНИИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ НАРКОВЫЗОВОВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ**

**DEVELOPMENT OF PROFESSOR R.S. BELKIN'S
SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE SIGNIFICANCE OF AN INVESTIGATIVE
EXPERIMENT IN THE CONTEXT OF MODERN DRUG CHALLENGES
WITH INTERNET TECHNOLOGIES USE**

В статье автором подчеркивается значимость вклада патриарха отечественной криминалистики Рафаила Самуиловича Белкина, 100-летие со дня рождения которого в мае 2022 года отмечается юридической общественностью, в становление следственного эксперимента в качестве самостоятельного следственного действия. Акцентируется внимание, что выделенные им еще в 1959 году виды следственного эксперимента, реализуются и при расследовании преступлений в современных реалиях.

Выделяются специфические задачи, присущие следственному эксперименту при расследовании наркопреступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, заключающиеся в проверке наличия у подозреваемых навыков пользоваться системой Tor для доступа к заблокированным сайтам, осуществлять покупку и продажу цифровой валюты, использовать VPN, скачивать необходимые программные продукты. На примере конкретного уголовного дела иллюстрируется значение данного следственного действия для установления механизма функционирования определенного интернет-магазина и масштаба его деятельности, возможности трудоустройства в качестве курьера или кладовщика, уяснения взаимосвязи лица, выполняющего определенную функцию, и вышестоящего звена.

The article focuses on the significance of the contribution made by the patriarch of national criminology Rafail Samuilovich Belkin, whose 100th anniversary is celebrated by the legal community in May 2022, into the development of an investigative experiment as an independent investigative action. Special attention is drawn to the fact that the types of investigative experiment determined by R.S. Belkin as far as back 1959 are also implemented in the investigation of crimes in modern realities.

The specific tasks characteristic for the investigative experiment in the investigation of drug crimes committed using information and telecommunication networks are highlighted. These tasks consist of controlling the suspect's skills to use the Tor system for accessing blocked sites, buying and selling digital currency, using VPN, downloading the necessary software products. By the example of a specific criminal case, the author illustrates the significance of investigative action under consideration for establishing the mechanism of functioning of a certain online store and the scale of its activities, the possibility of employment as a courier or drug dealer stashing drugs, clarifying the relationship between a person performing a certain function and a higher level group.

Ключевые слова: следственный эксперимент, наркотические средства, незаконный сбыт, преступное сообщество, цифровая валюта, Telegram, Tor, закладчик, оператор, интернет-магазин.

Keywords: *investigative experiment, narcotic drugs, illegal sale, criminal community, digital currency, Telegram, Tor, drug dealer, operator, online store.*

Втеории криминалистики и уголовного процесса к настоящему времени подготовлено значительное количество научных и учебно-методических трудов, посвященных организации и тактике следственного эксперимента, его видам, значению при расследовании различных видов преступлений [1, с. 79-83; 4, с. 8-11; 5, с. 255-250; 9, с. 164-167]. При оформлении запроса через отечественную научную электронную библиотеку eLibrary.ru с использованием ключевых слов «следственный эксперимент» платформа предлагает ознакомиться с 268 научными работами.

Такое внимание в последние несколько десятилетий к данному следственному действию не только в рамках научных публикаций, но и диссертационных исследований [6; 7] обусловлено тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве оно получило регламентацию в качестве самостоятельного лишь в 1960 году, в отличие от некоторых других (допроса, осмотра места происшествия).

Однако еще за год до этого, в 1959 году, Рафаил Самуилович Белкин, работая над докторской диссертацией «Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике» [3] и монографией «Теория и практика следственного эксперимента» [2] точно сформулировал сущность данного следственного действия. В частности, ученый отмечал, что «следственный эксперимент – это самостоятельное следственное действие, выполняемое следователем в условиях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, а также получения новых доказательств, производимое путем совершения опытных действий, максимально сходных с условиями, существовавшими в момент проверяемого факта, явления, события» [2, с. 5-6]. Разделяли эту точку зрения В.П. Колмаков, Г.М. Миньковский, Н.И. Гуковская и некоторые другие ученые.

Существовали и противоположные точки зрения (например, М.А. Чельцов, Р.Д. Рахунов, Л.И. Винберг), авторы которых полагали, что следственный эксперимент не является самостоятельным следственным действием, а представляет собой либо разновидность следственного осмотра, либо тактический прием проверки доказательств при производстве любого другого следственного действия.

В настоящее время ни у кого из исследователей не возникает сомнений, что сущность данного следственного действия – в производстве опытных действий в максимально сходных условиях с проверяемым событием (явлением, фактом). В частности, известный специалист в области процессуального права не только в России, но и за рубежом, заслуженный юрист Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Сергей Абрамович Шейфер указывал что «следственный эксперимент – следственное действие, направленное на проверку имеющихся доказательств и основанных на них версий и состоящее в соответствии с предусмотренной законом процедурой специальных опытов в условиях, совпадающих с условиями исследуемого события, с целью выявления возможности или невозможности восприятия лицом каких-либо фактов, совершения им определенных действий, существования тех или иных событий» [10, с. 148].

Профессор Уральского юридического института МВД России Владимир Юрьевич Стельмах, успешно защитивший в апреле 2022 года докторскую диссертацию, формулируя авторское определение, отмечает: «Следственный эксперимент — следственное действие, производимое после возбуждения уголовного дела, содержанием которого является проведение в условиях, сходных с исследуемым событием, опытных действий для проверки возможности восприятия фактов, совершения действий, наступления события,

выявления последовательности событий и механизма образования следов и в конечном итоге – с целью установления тождества или различия алгоритма следообразования и реконструкции значимого для доказывания события» [8, с. 142].

Анализ указанных и других научных трудов позволяет сделать вывод, что, несмотря на отличия в дефинициях данного следственного действия, в их содержании, как правило, отражаются виды следственного эксперимента, отмеченные еще в 1959 году Р.С. Белкиным:

– установление возможности восприятия (видимости, слышимости и т.п.) какого-либо факта при определенных условиях (вообще или конкретным лицом);

– возможность совершения определенных действий в данных условиях (вообще или конкретным лицом);

– возможность существования какого-либо факта (явления) при определенных обстоятельствах.

– установление механизма преступного события в целом или его отдельных этапов [2, с. 5-6].

Данные виды теоретически могут производиться при расследовании практически любого события преступления, но все же чаще по фактам, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Не менее значимыми результаты могут быть и при расследовании незаконного оборота наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и финансовых инструментов. До настоящего времени эти вопросы в теории криминалистики практически не освещались, однако их значение сложно переоценить, учитывая наметившуюся тенденцию по существенному увеличению количества данных видов преступлений. За последние три года, как отметил министр внутренних дел генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев 25 июня 2021 года на заседании Государственного антинарко-

тического комитета, «количество зарегистрированных наркопреступлений, совершенных с применением современных технологий, увеличилось в два с половиной раза»¹. Если в 2019 году количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляло 24,7 тыс., то в 2020 году – 47 тыс. (+90,7%), а за 9 месяцев 2021 года – 42,7 тыс. (+44,4;%).

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что по рассматриваемой категории преступлений могут иметь значение следственные эксперименты, направленные на проверку умения и навыков лиц, выполняющих различные функции в интернет-магазине – закладчика, курьера, оператора, обналщика и других: а) пользоваться системой Tor для доступа к заблокированным сайтам; б) осуществлять покупку и продажу цифровой валюты; в) использовать VPN; г) скачивания необходимых программных продуктов. То есть фактически в данном случае реализуется вид следственного эксперимента: проверка возможности совершения определенных действий, предложенный в качестве самостоятельного вида почти семьдесят лет назад Р.С. Белкиным, однако наполненный специфическим содержанием применительно к способу совершения преступления и функциям отдельных участников, реализуемых в определенном интернет-магазине.

Представляющими интерес могут быть и следственные эксперименты, направленные на проверку возможности существования какого-либо факта (явления) при определенных обстоятельствах и установления механизма преступного события в целом или его отдельных этапов. При их производстве возможно установление опытным путем:

а) возможности трудоустройства в определенный интернет-магазин, посредством внесения залоговой суммы (от 5 тысяч рублей). Это утверждение возможно проиллюстрировать на примере уникального следственного эксперимента, проведенного сотрудниками

¹ Вступительное слово Владимира Колокольцева на заседании Государственного антинаркотического комитета. URL: <https://гак.мвд.рф> (дата обращения: 03.04.2022).

СУ УМВД России по г. Абакану в 2020 году при расследовании деятельности устойчивой, сплоченной и структурированной организованной группы с созданием в ее составе структурных подразделений и звеньев с целью извлечения финансовой выгоды в результате совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств на территории Российской Федерации, в том числе на территории Республики Хакасия, Красноярского края, Кемеровской области, Ханты-Мансийского автономного округа и иных, не установленных в ходе расследования регионов, объединявшей в структуре интернет-магазина «Killer Diller», «Mama24», «Chilli»².

В ходе следственного эксперимента в готовом телефоне «SAMSUNG», подключенном к социальной сети Интернет, используемым в служебных целях для осуществления доступа к интернет сайту «Killer Diller» в приложении «Telegram» было введено имя «Дмитрий», после чего на экране осматриваемого телефона высветилось имя пользователя с именем «Дмитрий» и учетной записью в виде «@dobr...», после чего в свободном формате было введено сообщение о желании трудоустроиться, на что от указанного пользователя с именем «Дмитрий» высветилась ссылка в виде «@dr_23...», при переходе по указанной ссылке высветилась учетная запись с фотоизображением головы черной пантеры с наименованием «Федор Ток...».

Далее в поисковике приложения «Telegram» используемого телефона было набрано наименование интернет-магазина в виде иностранных букв «Твой киллер», а также фотоизображение с текстом «Приветствую... Все что нужно для хорошего отдыха. Жду всех в нашем магазине. Жми ссылку «@TKD2...» При переходе по ссылке высветилась страница с именем «Твой Киллер» и учетной записью в виде «@TKD2». При введении свободного сообщения о желании трудоустроиться высветился ответ в виде сообщения о необходимости внесения залога в сумме

5000 рублей, после чего будут произведены последующие действия по предоставлению информации ;

б) механизма функционирования конкретного интернет-магазина (виды реализуемых наркотических средств, способы оплаты за «товар», наличие БОТа автопродаж, оператора и техподдержки). В процессе производства этого же следственного эксперимента в используемом приложении «Telegram» находясь на сайте «Killer Diller» в строке для диалогового общения было введено приветствие в виде букв <...>, в ответ на который пришло приветствие в виде системы <...> с фотоизображением черепа в огне и названия «Killer Diller». Под фотоизображением имеются кнопки с наименованиями необходимой информации: «Наш сайт», «Актуальный канал отзв», «Актуальный БОТ автопродаж», «Оператор Продаж», «HIDRA», «Работа».

При нажатии кнопки «Наш сайт» высветилось приложение в виде черепа и оружия на черном фоне, под которым указаны вкладки (кнопки) с наименованиями «Оператор», «Техподдержка», «Бот», «Работа», «HIDRA», представляющее собой основное меню интернет магазина;

в) масштаба функционирования интернет-магазина (регионы, города, страны ближнего зарубежья). В процессе производства этого же следственного эксперимента было установлено, что «при нажатии на кнопку «Актуальный БОТ автопродаж» высветилась учетная запись в виде кнопки «bkn_bot» и уникального имени «@abaKD-bot», под которой указаны кнопки городов и поселков в Республики Хакасия (Абакан, Минусинск, Черногорск, Шушенское, Курагино, Абаза, Сорск, Каратузское), свидетельствующие о возможности приобретения наркотических средств по месту своего нахождения;

г) наличия в интернте-магазине обратной связи с покупателями, а также «претензионной службы», обеспечивающей разрешение конфликтов по фактам утраты заказов. В процессе следственного эксперимента было

² Уголовное дело в отношении Ж. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Направлено 30 ноября 2020 года прокурору Республики Хакасия.

установлено, что имеется ссылка на приложение «Киллер Сапор...» с изображением черепа в ковбойской шляпе с уникальным именем «@techsu...» для обсуждения в спорных ситуациях.

При нажатии на кнопку «Актуальный канал отзыв» высветились множественные фотоизображения с ладонями рук со сверками, свидетельствующие об отзывах потребителей канала о ранее приобретенных наркотических средств и рекомендациях о качестве работы интернет-магазина;

д) *установления взаимосвязи между лицом, выполняющим определенную функцию, и вышестоящим звеном (например, между закладчиком и оператором, оператором и менеджером по региону или руководителем структурного подразделения и т.д.).* Эта задача представляется наиболее значимой, поскольку позволяет установить осведомленность лица не только о реализуемой им роли и функциях, но и осознании того факта, что оно является участником преступного сообщества или группы. Так, в результате указанного следственного эксперимента в приложении с интернет-сайтом «Killer Diller» было установлено, что при обращении о поиске работы по предоставляемой ссылке «@TKD2...» неустановленным лицом предоставляется ссылка на учетную запись «@dr_23...» с именем пользователя «Федор Ток...». При обращении с аналогичным предложением к аккаунту «@dobr...» с именем пользователя «Дмитрий» предоставляется аналогичная ссылка на учетную запись «@dr_23...» с именем пользователя «Федор Ток...», что свидетельствует о том, что интернет магазин «Killer Diller» с ссылкой «@TKD2...» и неустановленное лицо, действующее от имени «@dobr...»,

действуют в составе одного и того же преступного сообщества.

С целью наглядности полученных результатов рекомендуется при производстве указанных видов следственных экспериментов осуществлять фотофиксацию, поскольку фотографии в последующем могут быть признаны вещественными доказательствами и приобщены к материалам дела. Именно так и было сделано в рассмотренном нами уникальном следственном эксперименте, в процессе которого было выполнено двадцать восемь фотоснимков.

Резюмируя изложенное, отметим, что в процессе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) с целью формирования полноценной доказательственной базы возможно производство следственных экспериментов, направленных на решение следующих задач: установление механизма функционирования определенного интернет-магазина, определение масштаба его деятельности, возможности трудоустройства посредством внесения залоговой суммы, установление взаимосвязи между лицом, выполняющим определенную функцию, и вышестоящим звеном. Кроме того, в процессе данного следственного действия возможно опытным путем установить наличие у подозреваемых навыков пользоваться системой Tor для доступа к заблокированным сайтам, осуществлять покупку и продажу цифровой валюты, использовать VPN, скачивать необходимые программные продукты.

Библиографический список

1. Авдеева, Е.В. Актуальные вопросы проведения следственного эксперимента / Е.В. Авдеева // Уголовный процесс. – 2019. – N 2. – С. 79-83.
2. Белкин, Р.С. Теория и практика следственного эксперимента / Р.С. Белкин ; под общ. ред. А.И. Винберга. – М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1959. – 171 с.
3. Белкин, Р.С. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.00 / Р.С. Белкин. – М., 1961. 580 с.
4. Драпкин, Л.Я. Тактико-криминалистические аспекты проведения следственного эксперимента / Л.Я. Драпкин, И.Г. Пяткова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – N 3. – С. 8-11.
5. Егорова, Е.В. О понятии и сущности следственного эксперимента / Е.В. Егорова // Вестник экономической безопасности. – 2017. – N 2. – С. 244-250.
6. Рубан, А.С. Следственный эксперимент: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Рубан. – М., 2009. – 291 с.
7. Сергеев, В.В. Организация и тактико-психологические основы производства следственного эксперимента на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / В.В. Сергеев. – Волгоград, 2018. – 247 с.
8. Стельмах, В.Ю. Проблемы нормативной регламентации следственного эксперимента / В.Ю. Стельмах // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – N 4. – С. 142-154.
9. Токарева, Е.В. Организационно-тактические особенности производства и фиксации следственного эксперимента / В.Е. Токарева, В.С. Хорошева // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. – 2020. – N 1. – С. 164-167.
10. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение : монография / С.А. Шейфер. – Самара: Самарский государственный университет, 2004. – 191 с.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.9

Олег Александрович ДИЗЕР,
заместитель начальника (по научной работе)
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
доктор юридических наук, доцент

dizer77@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE ADMINISTRATIVE LEGAL GUARANTEES OF THE FREEDOM OF CONSCIENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются особенности правового регулирования осуществления свободы совести в Российской Федерации. С этой целью предпринимается попытка анализа норм конституционного, административного, административно-процессуального законодательства, в которых содержатся гарантии свободы совести. Сделан вывод о том, что указанные гарантии непосредственно или касательно направлены на урегулирование процесса реализации свободы совести. Формулируется вывод, что административно-правовые гарантии – это совокупность императивных административно-правовых условий, средств, которые, действуя в режиме законности, позволяют беспрепятственно реализовать мировоззренческие (в том числе религиозные) убеждения, определяют непривлечение лица к административной ответственности либо освобождение от нее и (или) от наказания.

The features of the legal regulation of the exercise of freedom of conscience in the Russian Federation are considered in the article. For this purpose, an attempt is made to analyze the norms of constitutional, administrative and administrative procedural legislation, which contain guarantees of freedom of conscience. It is concluded that these guarantees are directly or indirectly aimed at regulating the process of exercising freedom of conscience. The conclusion is formulated as well that administrative and legal guarantees are a set of imperative administrative and legal conditions and means that acting within the rule of law allow unhindered exercise of ideological (including religious) beliefs, determine the non-bringing of a person to administrative responsibility or exemption from it and (or) from punishment.

Ключевые слова: свобода совести, административно-правовые гарантии, производство по делам об административных правонарушениях, защита, обеспечение.

Keywords: *freedom of conscience, administrative legal guarantees, proceedings on administrative offenses, defense, ensuring.*

Общественные отношения, возникающие в процессе осуществления индивидуального или коллективного исповедования религии или иных мировоззренческих убеждений (атеистических и др.) являются частью любого правового государства и общества. В условиях глобализации общества крайне важным остается вопрос их гарантированности, а также обеспечения со стороны органов публичной власти [1].

Право формировать свои убеждения является естественным правом человека, получившим международное признание (п. 1 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) и п. 1 ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г.).

В соответствии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

На основании п. 1 ст. 18 Пакта каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

Статья 9 Конвенции определяет, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

Анализ международных документов позволяют сделать вывод о том, что в международном праве свобода совести является составной частью права на свободу мысли, совести и религии.

В законодательстве Российской Федерации в полной мере реализованы международные стандарты регламентации, рассматриваемого неотъемлемого права человека и гражданина. Так, в соответствии со ст. 28 Конституции Российской Федерации и п. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Российской Федерации гарантируется свобода совести, включающая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [3]. Содержание свободы совести предполагает широкий выбор форм поведения, как позитивных (исповедовать религию, придерживаться мировоззренческих убеждений), так и негативных (право не придерживаться религии, не исповедовать никакой религии) [5]. Кроме того, считаем, что негативная форма поведения в исследуемой сфере предполагает также различные формы дезорганизации поведения индивидов в обществе, причинами которых зачастую становятся обнаружившиеся несоответствия сложившимся ожиданиям, нравственным, моральным и правовым требованиям общества.

По своим характеристикам право на свободу совести можно отнести к категории абсолютных в силу положений ст. 56 Конституции Российской Федерации, закрепляющих невозможность в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя ограничения права на свободу совести.

В связи с этим актуальным является изучение такого правового явления, как административно-правовые гарантии свободы совести, являющиеся одним из элементов правового статуса личности [8]. Под административно-правовыми гарантиями, представляется, следует понимать совокупность императив-

ных административно-правовых условий, средств, условий, которые, действуя в режиме законности, позволяют беспрепятственно реализовать мировоззренческие (в том числе религиозные) убеждения, определяют непривлечение лица к административной ответственности либо освобождение от нее и (или) от наказания. В механизме административно-правового воздействия такие гарантии выполняют, с одной стороны, общеохранительную функцию (создают условия для реализации права на свободу совести в Российской Федерации, обеспечивают его защиту от административного властного произвола), с другой – регулятивную (создают условия для реализации органами исполнительной власти правоустанавливающих, контрольных, надзорных и иных функций по обеспечению свободы совести).

Административно-правовым гарантиям в сфере свободы совести свойственны, во-первых, закрепление в соответствующей административной норме права, регулирующей отношения в исследуемой сфере; во-вторых, наличие субъективной обязанности органов публичной власти по их охране и защите, что обеспечивает возможность государственного принуждения; в-третьих, выражение ими общественной связи конкретных участников данных правоотношений.

Такие гарантии, имеющие ограничивающий и запретный характер, в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2018 г. N 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» должны отвечать требованию справедливости, быть необходимыми и соразмерными конституционно значимым целям и не должны никаким образом посягать на само существо свободы совести и приводить к утрате его основного содержания.

Защита общественных отношений, возникающих в результате реализации конституционного права на свободу совести, предусматривается рядом правовых мер. К числу таковых следует отнести ст. 5.26 КоАП РФ и ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Объективную сторону ст. 5.26 КоАП РФ образуют такие действия, как:

– воспрепятствование осуществлению права на свободу совести (такое воспрепятствование может быть выражено в принудительном обучении религиозным дисциплинам в учебном заведении лиц, исповедующих другую религию; в указании в официальных документах на принадлежность гражданина к религии; в запрете совершения по просьбе верующих религиозных обрядов в воинских учреждениях, в местах лишения свободы, в принудительном совершении таких обрядов и церемоний против воли лиц);

– умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение (формы такого осквернения могут быть различны, например словами (устно или письменно), насмешками, демонстрацией различных жестов);

– осуществление религиозной организацией деятельности без указания своего официального полного наименования, выпуск или распространение в рамках миссионерской деятельности литературы, печатных, аудио- и видеоматериалов без маркировки с указанием наименования или с неполной либо заведомой ложной маркировкой;

– осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести.

Анализ соответствующих норм позволяет сделать вывод о том, что сфера свободы совести достаточно защищена посредством законодательства об административной ответственности. Тем не менее изучение правоприменительной деятельности дает право говорить о проблемах, требующих научного осмысления применительно к указанной

сфере [4]. В частности, отсутствует четкая дифференциация ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение, и ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Например, Д.В. Шилин отмечает, что законодатель не проводит четкую грань между упомянутыми статьями [9], Л.Г. Мачковский также указывает на их коллизионность: схожая «формальная» диспозиция и отличающаяся санкция у нормы КоАП РФ [6]. Необходимым видится решение вопроса о разграничении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ.

Другим аспектом данной проблематики является соразмерность административного наказания за данные деяния. В 2020 г. судами рассмотрены материалы о 335 нарушениях законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях в соответствии со ст. 5.26 КоАП РФ. Наибольшее количество выявленных правонарушений в рассматриваемой области выразилось в нарушениях, связанных с местом осуществления миссионерской деятельности; отсутствием у лица, осуществляющего миссионерскую деятельность, полномочий на осуществление указанной деятельности; осуществлением миссионерской деятельности иностранными гражданами в отсутствие у них соответствующих полномочий на ее проведение¹. Из числа рассмотренных правонарушений, предусмотренных ст. 5.26 КоАП РФ, выявленных в 2020 г., подвергнуты наказанию 217 лиц. Анализ судебной практики позволяет говорить о том, что самым распространенным видом административного наказания является административный штраф в размере 15 тысяч рублей. Кроме того, в

настоящее время происходят значительные изменения в социальных процессах, в том числе в духовной сфере, усложняются структура и деятельность религиозных объединений, что обуславливает рассмотрение вопроса о закреплении административного ареста в качестве административного наказания за правонарушения в рассматриваемой сфере.

Следующим направлением совершенствования административно-правовых норм, направленных на обеспечение гарантий свободы совести, как справедливо указывает А.С. Бурьянов, являются отсутствие общепринятого определения свободы совести, подмена ключевых понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» [2]. В настоящее время одним из дискуссионных вопросов, в значительной степени влияющих на эффективность действия административно-правовых гарантий свободы совести, является вопрос о введении специальной нормы об административной ответственности за деяния против свободы совести в местах, где реализация указанного права затруднена по различным причинам, в том числе из-за режимности объекта. К таким местам можно отнести воинские части, места лишения свободы, следственные изоляторы, лечебные учреждения и др. [7]

Сказанное в полной мере свидетельствует о необходимости совершенствования правовых норм в сфере охраны и обеспечения свободы совести. Наиболее очевидными вариантами совершенствования правовых гарантий обеспечения свободы совести видятся изменение диспозиции ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ в части расширения перечня действий, образующих состав данного административного правонарушения против свободы совести, с учетом мест, где ее реализация затруднена (в воинских частях, в местах лишения свободы, интернатах, детских домах, лечебных учреждениях и т.п.), и закрепление административного ареста в качестве одного из видов административного наказания за деяния против свободы совести с учетом современных реалий и степени общественной опасности.

¹ Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 25.02.2021).

Представляется, указанные предложения
будут способствовать совершенствованию
обеспечения правовых гарантий реализации

прав граждан в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Боброва, Н.А. Духовно-нравственные аспекты противодействия терроризму и экстремизму / Н.А. Боброва, С.И. Ивентьев // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика : материалы всероссийской научно-практической конференции (6 июня 2019 г., г. Уфа) / сост.: З.С. Зинурова, Т.Р. Фахретдинов, В.С. Хазиев [и др.]. – Уфа: Изд-во ИП Кузнецов Н.В., 2019. – С. 45-51.
2. Бурьянов, С.А. Право на свободу совести в современном мире: основные проблемы и подходы к их решению / С.А. Бурьянов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2021. – N 3 (43). – С. 49-55.
3. Бучакова, М.А. Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации / М.А. Бучакова, Е.В. Кошелев // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2017. – Т. 9. – N 2. – С. 32-35.
4. Кучерявый, В.А. Свобода совести и вероисповедания: практика обеспечения и защиты в России / В.А. Кучерявый, В.А. Триппель, В.Н. Снетков // Актуальные проблемы науки и практики. – 2017. – N 3 (008). – С. 6-14.
5. Маркова, Е.Н. Свобода совести и религии: негативное измерение и защита убеждений личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Маркова. – М., 2019. – С. 35.
6. Мачковский, Л.Г. Уголовная ответственность за нарушение равноправия, личных, политических и социально-экономических прав / Л.Г. Мачковский. – М., 2005. – С. 235.
7. Романюк, Е.И. Административно-правовые средства обеспечения свободы совести в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.И. Романюк. – М., 2001. – С. 18.
8. Шарипова, Э.А. Свобода совести и свобода вероисповедания как элементы структуры конституционно-правового и административно-правового статуса личности / Э.А. Шарипова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – N 12 (127). – С. 131-133.
9. Шилин, Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения / Д.В. Шилин // Журнал российского права. – 2016. – N 5 (233). – С. 81-89.

УДК 342.9

Александр Анатольевич БЕЖЕНЦЕВ,
начальник кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

adovd@mail.ru

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НЕТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД

PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: AN UNCONVENTIONAL VIEW

В статье выявлены концептуальные источники юридической ответственности, показана обусловленность ее существования фундаментальными философскими законами, и на этой основе сформулированы четыре основных принципа, характеризующие административную ответственность: принцип абсолютности реализации реакции, принцип адекватности реакции, принцип объективности оценки и принцип истинности оценки, которые составляют концептуальную основу нормативной модели реагирования на отклонения от правовой нормы. Автором предложены факультативные принципы административной ответственности: достоверности источников, компетентности субъекта инициирования реакции, необходимости оснований инициирования реакции, достаточности оснований объективной оценки, формализации процедуры реакции, пропорциональности уровня нормативной детализации отклонения и точности определения границ возможной реакции, надлежащей направленности и действенности реакции.

In this article the conceptual sources of legal responsibility are revealed, the conditionality of its existence is showed by fundamental philosophical laws and, on this basis, four basic principles that characterize administrative responsibility are formulated: the principle of absoluteness of implementation of the reaction, the principle of adequacy of reaction, the principle of objectivity of the assessment and the principle of truth of the assessment, which constitute the conceptual basis of a normative model of response to deviations from the legal norm. The author proposes optional principles of administrative responsibility: reliability of sources, competence of the subject of initiating a reaction, the need for grounds for initiating the reaction, sufficiency of the grounds for an objective assessment, formalization of the reaction procedure, proportionality of the level of normative detail of deviation and accuracy of determining the boundaries of a possible reaction, proper direction and effectiveness of the reaction.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическая ответственность, цепь причинности, фундаментальные законы философии, принципы административной ответственности, принципы юридической ответственности, принцип абсолютности реализации реакции, принцип адекватности реакции, принцип объективности оценки, принцип истинности оценки.

Keywords: administrative responsibility, legal responsibility, chain of causality, fundamental laws of philosophy, principles of administrative responsibility, principles of legal responsibility, the principle of the absoluteness of implementation of the reaction, the principle of adequacy of the reaction, the principle of objectivity of the assessment, the principle of truth of the assessment.

Одним из ключевых вопросов в исследованиях любого правового явления является вопрос о его происхождении и объяснение его существования как такового. Не является исключением и юридическая ответственность. Проблемы юридической ответственности активно исследуются как в рамках общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, в том числе административного права [1, с. 26-48; 3, с. 117-123; 4, с. 105-110; 5, с. 6-13; 6, с. 35-42; 8, с. 19-31; 9, с. 324-327], однако истоки этого явления, его объективная обусловленность преимущественно остаются вне поля зрения ученых, о чем свидетельствует имеющийся недостаток работ по философским основам юридической ответственности.

Известно, что любое социальное нормирование осуществляется из расчета на будущее и представляет собой определенным образом модель общественных отношений в их постоянной эволюции. Признание этого факта требует того, чтобы в процессе социального нормирования общественных отношений, разновидностью которого выступает правовое регулирование, обязательно были учтены принципы диалектики.

Существенной особенностью правовых норм является то, что в каждом правиле поведения, которое составляет содержание соответствующей правовой нормы, заложено противоречие. Суть этого противоречия заключается в наличии двух вариантов поведения, обусловленных этой нормой: отвечающего требованиям нормы и такого, что ей противоречит. Субъект – адресат нормы всегда стоит перед выбором одного из приведенных вариантов, и возможность такого выбора обеспечивается наличием у него свободы воли. Но для того чтобы быть источником развития, противоречия должны решаться, и общая теория диалектического противоречия фиксирует в качестве основных форм разрешения противоречий действительности: а) переход противоречий друг в друга, соответственно, в более высокие формы; б) «победу» одного из противоречий; в) исчезновение («смерть») обеих противоположностей при коренном преобразовании системы.

Общественно полезно такое направление развития общественных отношений, в котором происходят следования требованиям правовой нормы, и разрешения противоречия в данном контексте заключается в том, что «побеждает» вариант соблюдения требований правовой нормы и отношения развиваются в нужном, правопослушном направлении. Но вполне возможна ситуация, когда субъектом будет избран другой вариант и необходимым становится более сложный механизм, который способен обеспечить решение противоречия в необходимом нам направлении.

Поиск принципов функционирования такого механизма неизбежно выводит к фундаментальным положениям детерминизма, философского учения об объективных закономерностях взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром детерминизма служит положение о существовании причинности, то есть такой связи явлений, в которой одно явление (причина) при определенных условиях с необходимостью порождает другое явление (следствие). Фактическое наличие предпосылок, описанных нормой права, является основанием для возникновения правового последствия, предусмотренного ей. Это взаимосвязь совсем другого вида, чем взаимосвязь между естественными причинами и их фактическими последствиями.

Итак, соблюдение и несоблюдение требований правовой нормы можно рассматривать как последствия проявления свободы воли индивида, который является адресатом правовой нормы. В соответствии с принципом причинности связь причины и следствия необходима: если есть причина и налицо соответствующие условия, то неизбежно возникает следствие, причем оно всегда порождается данной причиной при тех же условиях и во всех других случаях. Следствие, созданное определенной причиной, само становится причиной другого явления, последнее, в свою очередь, становится причиной третьего явления и тому подобное. Эту последовательность явлений назовем «цепью причинности», при этом любая из таких цепей не имеет ни начала, ни конца.

Исходя из этого, любой нормативный правовой акт можно рассматривать как модель определенной доли «цепи причинности», которые имеют место в определенной сфере общественных отношений и выступают предметом правового регулирования.

Неотвратимость переноса материи и движения от причины к следствию приводит к тому, что уже сам факт порождения следствия определенным образом меняет причину, является универсальным свойством причинности. Например, определенной нормой закреплено право лица обратиться в орган власти для получения лицензии на осуществление определенного вида деятельности. Акт реализации права на обращение за получением лицензии (причина) вызывает у государственного органа обязанность рассмотреть это обращение (следствие). В свою очередь, рассмотрение обращения (причина) влечет следствие – принятие решения о предоставлении лицензии или об отказе в предоставлении лицензии. Решение о предоставлении лицензии (причина) вызывает возникновение у субъекта обращения права на осуществление определенного вида деятельности (следствие), и «цепь причинности» продолжает развиваться. В то же время после наступления последствия причина, что ее вызвала, перестает существовать, что абсолютно соответствует содержанию принципа причинности. С другой стороны, следствием отказа в предоставлении лицензии является восстановление у субъекта права вновь обратиться за ее получением.

В данном случае имеет место так называемая однолинейная «цепь причинности». В таких цепях одно и то же явление выступает и причиной, и следствием – причиной в одних отношениях и следствием в других.

Учитывая общий закон причинности, нормативное регулирование должно также учитывать существование свободы воли индивида, обуславливающее его неоднозначное отношение к предписаниям правовых норм. Особенностью нормативного регулирования можно считать то, что каждая норма как причина может вызвать два вида последствий: ее соблюдение и несоблюдение. Но поскольку

«цепь причинности» является непрерывным явлением, нормативная модель соответствующих отношений должна охватывать оба варианта последствий, то есть две линии дальнейшего развития событий.

В случае соблюдения предписаний правовой нормы имеет место однолинейная «цепь причинности». Для случаев несоблюдения предписаний правовой нормы должен быть смоделирован другой вид «цепи причинности» – двухлинейный с обратной связью. Поскольку несоблюдение предписаний правовых норм (правонарушение) является социально нежелательным явлением, следствие несоблюдения правовых норм должно иметь характер такой реакции, которая влияла бы на причину и определенным образом устраняла ее. В данном случае связь между причиной и следствием развивается по двум направлениям: от причины к следствию и от следствия к причине. При этом реализация принципа причинности совершенно не соответствует необходимости преодоления противоречия между правомерным и противоправным поведением в пользу правомерного.

Далее следует обратить внимание на механизм действия обратной связи в «цепи причинности». Само по себе совершение правонарушения также может быть рассмотрено как «цепь причинности», часть которого выглядит следующим образом: субъект – действие – причиненный вред. Субъект в результате своего волеизъявления (причина) совершает противоправное деяние (следствие). В свою очередь, это деяние (причина) вызывает ущерб определенным интересам или ценностям (следствие). Общим следствием правонарушения должна быть реакция, которая должна иметь характер воздействия на один из указанных элементов, поскольку каждый из них может выступать опосредованной причиной следствия.

Реакция на вред, если она имеет материальный характер, может выражаться в возникновении обязанности субъекта компенсировать причиненный ущерб. Реакция на действие, если оно еще продолжается, может выражаться в действиях, направленных на его прекращение.

Но следует предусмотреть и возможность такой ситуации, когда вред не имеет материального характера, а деяние уже закончилось. Остается только один элемент, на который может быть направлена реакция, а именно субъект. При этом причина может быть устранена как способом изоляции субъекта, так и другими способами воздействия на его волю как элемент, определяющий деятельность человека. Что особенно важно, субъект всегда существует во времени, в отличие от действия или его последствий.

Если посмотреть на реальные нормативные модели двухлинейных «цепей причинности» в праве, то нетрудно заметить, что все они соответствуют основным современным моделям юридической ответственности. Фактически при таких условиях можно утверждать, что юридическая ответственность является частным случаем проявления фундаментального принципа причинности.

Но важным для нас является то, что из принципа диалектического противоречия и принципа причинности практически вытекает принцип ответственности, присущий всем системам социального нормирования.

Все виды юридической ответственности [2, с. 179-184; 7, с. 27-36; 10, с. 45-48; 11, с. 325-329] должны иметь общую концептуальную основу, то есть систему принципов, которая положена в основу их правового регулирования. Выявление такой концептуальной основы представляет собой определенные трудности, прежде всего методологического характера, и в соответствии с этим требует уточнения истинность полученных результатов научного поиска.

Для целей нашего исследования возьмем за основу когерентную теорию истины. Согласно данной теории истинными являются такие знания, которые внутри самого теоретического контекста согласованы друг с другом и могут пройти проверку на другие свойства: непротиворечивость, связанность, обоснованность [12, с. 13-23; 13; 14, с. 279-302].

Исходным для построения данной системы принципов является собственно сам принцип административной ответственности в нормативном регулировании. Его сущность

заключается в том, что в случае отклонения поведения адресата соответствующей нормы от предписания этой нормы со стороны субъекта, установившего данную норму, должна иметь место определенная реакция, которая вызвана необходимостью приведения поведения адресата нормы в соответствие с предписанием нормы.

Каждый человек, когда слышит о необходимости выполнения определенных обязанностей, соблюдения определенных ограничений или запретов, обязательно задается по крайней мере одним из двух возможных вопросов: во-первых, а зачем вообще придерживаться этих обязанностей или запретов, во-вторых, а что будет, если я не выполню обязанности или нарушу запрет? Иными словами, человек должен осознавать и понимать или абсолютную необходимость выполнения соответствующих норм, или возможность того, что в результате их невыполнения для него наступят неблагоприятные последствия как реакция на это. Первый вариант рассчитан на граждан с достаточно высоким уровнем правосознания, второй – на их противоположность. Но нормативное регулирование не может осуществляться в отношении одних и тех же вариантов поведения обособленно для разных субъектов, в зависимости от их умственных способностей или уровня образования. С учетом этого избирается вариант, способный удовлетворить всех, то есть в правовой норме и отмечается необходимое правило поведения адресатов нормы, и описывается реакция на отклонение от этого правила.

Таким образом, в императивных (обязывающих и запрещающих) нормах, обеспеченных санкцией, реализуется обобщенный принцип ответственности. При этом следует иметь в виду, что слово «ответственность» здесь используется исключительно в значении «реакция на отклонение от нормы».

В смысле принципа ответственности можно выделить две составляющие, содержание которых будет определять нормативную модель ответственности, а именно нормативную модель отклонения от нормы и нормативную модель реакции на отклонения. При этом для

этих нормативных моделей также должны существовать принципы, положенные в основу правового регулирования.

Рассмотрим вначале принципы, на которых должна базироваться нормативная модель реакции на отклонения от нормы.

В зависимости от сложности системы нормативного регулирования реакция может наступать в самых различных формах и быть достаточно длительной во времени. Мы знаем, что в праве реакция на нарушение нормы проявляется в применении соответствующими субъектами мер воздействия к нарушителю правовой нормы, и можно уверенно утверждать, что реакция прошла только тогда, когда эта мера воздействия является реализованной, то есть когда наступили неблагоприятные для нарушителя последствия, связанные с применением именно этой меры воздействия. Наступление таких последствий как раз и свидетельствует о завершении реагирования.

Поскольку реакция невозможна без реализации, одним из принципов, вытекающих из общего принципа административной ответственности, является принцип абсолютности реализации реакции. Содержание этого принципа заключается в том, что нормативная модель реакции на отклонения от нормы обязательно должна включать в себя механизм практической реализации меры воздействия, применение которого составляет содержание самой реакции.

Помимо того, что мера воздействия на административного делинквента должна быть практически реализована, она должна иметь определенные характеристики, по которым ее можно описать, уточнив тем самым сущность реакции. Исходя из того, что реакция имеет целью определенным образом компенсировать нанесенный общественно опасный вред, она должна быть адекватной самому отклонению. Иными словами, реакция должна быть необходимой и достаточной для достижения цели административной ответственности. Таким образом, следующим принципом, производным от принципа абсолютности реализации реакции, является принцип адекватности реакции.

Следует отметить, что реализация указанного принципа представляет определенные трудности, так как она зависит от того, в рамках какой концепции ответственности происходит правовое регулирование (карательной, компенсационной, воспитательной, правозащитной, управленческой). Поэтому для каждой концепции должны быть разработаны свои критерии адекватности реакции.

Для того чтобы определить, какая реакция будет адекватной отклонению, необходимо по крайней мере оценить характер самого отклонения, определить его параметры. При этом для реализации принципа адекватности реакции необходимо, чтобы оценка была максимально объективной, и здесь мы можем сформулировать следующий принцип – объективности оценки. Принцип объективности оценки заключается в том, что нормативная модель реакции на отклонения от соблюдения административно-правовой нормы должна включать в себя такой элемент, который бы обеспечивал объективность оценки характеристик отклонения от нормы с целью дальнейшего достижения адекватности реакции.

В свою очередь, объективная оценка возможна только тогда, когда у субъекта, который ее осуществляет, есть достаточно информации для этого. При этом эта информация должна быть истинной, то есть должна отражать все характеристики такими, какие они есть в объективной реальности, здесь мы говорим о принципе истинности оценки.

В контексте исследуемого вопроса принцип истины оценки должен основываться на достоверной информации, пригодной для объективной оценки в дальнейшем. Такая информация будет чрезвычайно разнообразной для различных видов деяний. Важным является не вопрос о перечне конкретных источников и содержании информации, а то, каким образом может стать возможным достижение истинности оценки? Здесь мы формулируем принцип достоверности источников. Содержание этого принципа заключается в том, что источниками информации, пригодной для объективной оценки, должны выступать только такие, относительно которых нет сомнений в их достоверности. При этом следу-

ет подчеркнуть, что речь идет не о достоверности самой информации, а о достоверности именно ее источников.

Во-первых, совершенно точно можно утверждать, что достоверной информацией о совершенном деянии прежде всего обладает лицо, совершившее это деяние. Во-вторых, достоверной информацией о совершенном деянии обладает лицо, чьи права этим деянием нарушены. В-третьих, достоверной информацией могут владеть лица, которые в силу различных причин наблюдали за совершением соответствующего противоправного деяния или за его последствиями.

Инициирование реакции на соответствующее противоправное деяние возможно по инициативе самого адресата нормы (например, явка с повинной), по инициативе потерпевшего или лица, чьи права нарушены этим деянием; по инициативе субъекта, которому стала известна информация о совершенном противозаконном деянии. Таким образом, принцип достоверности источников обуславливает наличие принципа компетентности субъекта инициирования реакции, который можно сформулировать следующим образом: нормативная модель реакции на отклонение (административная ответственность) должна содержать в себе возможность инициирования реакции тем субъектом, который выступает достоверным источником соответствующей информации.

Что же касается самой информации, то очевидно, что она должна быть необходимой и достаточной для обеспечения реализации принципов истины оценки и объективности оценки. Это положение дает возможность сформулировать еще два важных принципа: принцип необходимости оснований инициирования реакции и принцип достаточности оснований объективной оценки.

Следующим поставим вопрос о том, кто должен осуществлять объективную оценку противоправного деяния? Ответ в данном случае очевиден: это должно быть лицо, являющееся специалистом в соответствующей области, которое может объективно и адекватно оценивать предоставленную ему информацию о соответствующем действии. Другими

словами, можно говорить о принципе профессионализма субъекта оценки деяния.

Но ничего идеального в мире не существует, а значит, необходимо найти ответ на вопрос: что нужно делать, если возникают сомнения в объективности истины или объективности оценки? Здесь, по нашему мнению, можно обратить внимание на то, что сомнения можно разделить на те, которые могут быть устраненными, и такие, которые не могут быть устранены. Сомнения, которые не могут быть устранены, должны стать основанием отказа от реагирования на соответствующее деяние. В свою очередь, сомнения, которые могут быть устраненными, должны быть преодолены за счет поиска дополнительных источников информации.

Поскольку реализация всех указанных принципов осуществляется государственными органами, в силу вступает конституционный принцип законности, закрепленный в ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которому органы государственной власти, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией Российской Федерации и законами России. Из принципа законности вытекает следующий принцип регулирования административной ответственности – это принцип формализации процедуры реакции. Содержание этого принципа заключается в том, что деятельность, связанная с установлением объективности оценки, определением адекватности реакции и обеспечением реализации реакции обязательно должна быть обличена в процессуальную форму.

Каждой стадии административного процесса можно поставить в соответствие один из базовых принципов построения нормативной модели реакции на административное правонарушение. Так, принцип объективности истины соответствует стадии административного расследования, принцип объективности оценки и адекватности реакции – стадии реализации объективной административной ответственности, принцип реализации реакции – стадии реализации субъективной административной ответственности. То есть на

каждой из стадий должен быть реализован соответствующий принцип, который определяет ее содержание.

Единственное исключение составляют отношения предварительного рассмотрения материалов об административном правонарушении, но они выполняет чисто техническую функцию связи между другими стадиями в том случае, когда, к примеру, выяснение объективности истины и осуществление объективной оценки производятся различными субъектами (например, когда дело об административном правонарушении рассматривается судом).

Таким образом, мы определили четыре основных принципа, характеризующих административную ответственность: принцип абсолютности реализации реакции, принцип адекватности реакции, принцип объективности оценки и принцип истинности оценки, которые составляют концептуальную основу нормативной модели реагирования на отклонения от правовой нормы. Но если все упомянутые выше принципы образуют концептуальную основу юридической ответственности вообще, безотносительно к конкретным ее видам, то необходимо обратить внимание на те принципы, которые определяют качественное своеобразие административной ответственности. Учитывая тот факт, что причиной, которая вызывает «к жизни» отношения юридической ответственности, являются различные административные правонарушения (деликты), будет логичным предположить, что особенности именно этих причин базируются на содержании общественных отношений.

Когда мы говорим об отклонении от нормы как основании соответствующей реакции, мы имеем дело с двумя явлениями: во-первых, с идеальной моделью поведения, закрепленной в норме, и, во-вторых, с реальным поведением. Очевидно, что мало констатировать наличие отклонения поведения от идеальной модели. Этому отклонению должны соответствовать определенные качественные характеристики, наличие которых позволит реализовать все остальные принципы; фактически мы подошли к принципам нормативного описания отклонений, которые вызывают

ответную реакцию на административное правонарушение.

Чем тщательнее будут прописаны все характеристики отклонения, тем легче обеспечить реализацию базовых принципов административной ответственности, то есть можно говорить о необходимости обеспечения принципа формализации отклонения от законопослушного поведения. Принцип формализации отклонения заключается в том, что отклонение от нормы должно быть описано с таким уровнем детализации характеристик, который является необходимым и достаточным для реализации принципов, составляющих концептуальную основу модели реагирования на отклонения от нормы.

Но, учитывая огромное количество норм, а следовательно, и огромное количество возможных отклонений от их предписаний, практически невозможно описать их все с необходимым уровнем детализации. Это вызывает необходимость определенного обобщения характеристик отклонения, предоставления им, так сказать, «грубых черт». В свою очередь, в силу того, что все упомянутые принципы являются взаимосвязанными, обобщения характеристик отклонения непременно должны вызвать расширение границ возможной реакции на такое отклонение. Другими словами, можно сформулировать еще один принцип, который является связующим звеном между принципом адекватности реакции и принципом формализации отклонения, а именно принцип пропорциональности уровня нормативной детализации отклонения и точности определения границ возможной реакции со стороны компетентных органов. Содержание этого принципа заключается в том, что при определении вида и размера меры воздействия, которые должны быть применены как реакция на отклонение от нормы, должна быть соблюдена пропорциональность с уровнем нормативной детализации отклонения. При этом эта связь является обратно пропорциональной: чем меньше уровень детализации отклонения, тем больше должны быть пределы, в которых возможно изменение вида и размера меры воздействия, и наоборот.

Далее, если мы говорим о реакции на отклонения, которая выражается в применении соответствующих мер воздействия, мы не можем обойти вниманием того, кто выступает объектом такого воздействия. Совершенно очевидно, что объектом воздействия должен выступать адресат нормы, допустивший отклонение от ее требований. Это дает возможность сформулировать еще один принцип – принцип соответствия объекта реакции адресату нормы. Содержание этого принципа заключается в том, что в нормативной модели отклонения должно быть отражено то, что реагирование на отклонения от нормы должно быть направлено исключительно на субъекта, который является адресатом этой нормы и который допустил такое отклонение.

Кроме того, необходимо конкретизировать тот параметр объекта реакции, на который должно осуществляться реальное влияние. Реакция на отклонение в любом случае только тогда будет адекватной, когда она направлена на тот параметр объекта, который обусловил это отклонение. Для человека такими параметрами являются воля и сознание. Безусловно, отклонения могут происходить и помимо воли и сознания субъекта, но тогда реакция на эти отклонения должна иметь принципиально иной характер, не связанный с воздействием на них. Таким образом, мы можем сформулировать еще один принцип – принцип надлежащей направленности ре-

акции, который заключается в том, что содержание меры воздействия должно обеспечивать воздействие на тот параметр субъекта, допустившего отклонения от нормы, который обусловил это отклонение.

Отметим и принцип действенности реакции, который можно сформулировать следующим образом: мера воздействия, применяемая как реакция на отклонение от нормы, должна вызывать у лица, к которому она применена, чувство утраты определенных благ, которые для него выступают как осознаваемая ценность.

Безусловно, что все указанные принципы должны быть реализованы в соответствующих нормах, пригодных для практического использования или применения. Детализация принципов может и должна продолжаться, но дальнейшее уточнение принципов административной ответственности обуславливается рядом внешних факторов, определяющих функционирование той или иной нормативной модели в реальных условиях. Кроме того, исходя из того, что органы административной юрисдикции являются государственными органами, и учитывая конституционный принцип верховенства права, вся нормативная модель административной ответственности должна выстраиваться преимущественно с использованием этого принципа.

Библиографический список

1. Боброва, Н.А. Сущность юридической ответственности / Н.А. Боброва, Р.Л. Хачатуров // Теория государства и права. – 2020. – N 4 (20). – С. 26-48.
2. Дядькин, О.Н. Новеллы административной ответственности / О.Н. Дядькин, А.В. Каляшин // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2020. – N 1. – С. 179-184.
3. Кузьмин, И.А. О связи юридической ответственности с системой права / И.А. Кузьмин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – N 2 (62). – С. 117-123.
4. Макарейко, Н.В. Административная ответственность в системе публичной юридической ответственности / Н.В. Макарейко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – N 4. – С. 105-110.

5. Малько, А.В. Правовая система общества и юридическая ответственность / А.В. Малько, Р.С. Маркунин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – N 2 (52). – С. 6-13.
6. Маркунин, Р.С. Система юридической ответственности органов публичной власти: принципы формирования / Р.С. Маркунин // Государство и право. – 2020. – N 6. – С. 35-42.
7. Поспелова, С.И. Новеллы уголовной ответственности в условиях распространения COVID-19 / С.И. Поспелова // Медицинское право: теория и практика. – 2020. – Т. 6. – N 1 (11). – С. 27-36.
8. Тиунова, Н.В. Малозначительность деяния как основание для освобождения от административной ответственности: актуальные вопросы правоприменительной практики / Н.В. Тиунова // Ex jure. – 2019. – N 1. – С. 19-31.
9. Толстик, В.А. Принцип ответственности за вину и невиновная юридическая ответственность: проблема совместимости / В.А. Толстик // Юридическая техника. – 2020. – N 14. – С. 324-327.
10. Хужин, А.М. О проблемах теории и практики применения гражданско-правовой ответственности / А.М. Хужин // Российский правовой журнал. – 2020. – N 1. – С. 45-48.
11. Чуклова, Е.В. Институт дисциплинарной ответственности в системе права и системе юридической ответственности / Е.В. Чуклова // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – N 4 (53). – С. 325-329.
12. Candlish, S. The Coherence Theory of Truth: Russell's Worst Invention? In V. Munz, K. Puhl, and J. Wang (eds). Language and World / S. Candlish, N. Damnjanovic. – Part Two: Signs, Minds and Actions. (Frankfurt-Heusenstamm: ontos verlag) / S. Candlish, N. Damnjanovic. – 2010. – P. 13-23.
13. Walker R. C. S. The Coherence Theory of Truth. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2001 Edition). Edward N. Zalta (ed.) / R. C. S. Walker. – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2001/entries/truth-coherence/> (дата обращения: 01.02.2022).
14. Wright C. Critical Study: Ralph C.S. Walker. The Coherence Theory of Truth: Realism, anti-realism, idealism / C. Wright. – Synthese, 1995. – 103/2. – P. 279-302.

УДК 343.85

Елена Анатольевна ПИСАРЕВСКАЯ,

доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета
правосудия (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук, доцент

liorev@mail.ru

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

PUBLIC INVOLVEMENT IN CRIME PREVENTION: ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

В статье рассматриваются вопросы, связанные с правильностью, обоснованностью и полнотой законодательной регламентации участия общественности в деятельности по профилактике преступности. Отмечается, что в настоящее время имеет место настораживающая тенденция во многом безразличного отношения общества к преступным и иным антиобщественным проявлениям, при этом проблему предупреждения преступности невозможно решить без активного участия представителей общественности. В статье анализируются нормы общего профилактического закона, а также нормы законов, регламентирующих отдельные направления профилактической деятельности. Автором обосновывается необходимость изменения норм действующего профилактического законодательства, направленного на систематизацию и активизацию участия общественности в предупредительной деятельности.

The article considers the issues related to the correctness, validity and completeness of legislative regulation of public participation in crime prevention activities. It is noted that at present there is an alarming trend in the largely indifferent attitude of society towards criminal and other antisocial manifestations, while the problem of crime prevention cannot be solved without the active participation of members of the public. The article analyses the norms of the general preventive law, as well as the norms of laws regulating the certain areas of preventive activity. The author substantiates the need to change the norms of the current preventive legislation aimed at systematizing and increasing the public participation in preventive activities.

Ключевые слова: лица, участвующие в профилактике правонарушений, общественность, народные дружины, профилактика преступности.

Keywords: persons involved in the prevention of offences, the public, neighborhood watch, crime prevention.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон N 182-ФЗ) гражданам и

общественным объединениям отведена роль по оказанию помощи субъектам профилактики правонарушений, и они названы лицами, участвующими в профилактике правонарушений. Согласно ч. 1 ст. 13 закона данные

лица, естественно, могут участвовать в этой деятельности, далее в ч. 2 статьи определена компетенция «лиц, участвующих в профилактике» в целом, а в ч. 3 отдельно раскрыта компетенция общественных объединений и иных организаций в сфере профилактики. Однако представляется, что текст ст. 13 Федерального закона N 182-ФЗ «страдает» отсутствием четкости правовой регламентации. Не понятно, чем обусловлена необходимость наличия двух частей статьи фактически с аналогичным содержанием. Права общественных объединений и иных организаций определены гораздо шире, чем права лиц, участвующих в профилактике; с учетом того факта, что последнее – более широкое понятие, не понятно, чем обусловлено данное законодательное решение. Если законодатель предполагал выделить права граждан как лиц, участвующих в профилактике, и соответствующих общественных объединений и иных организаций, на наш взгляд, было бы более логичным четко обозначить это в тексте статьи, изменив в ч. 2 ст. 13 словосочетание «лица, участвующие в профилактике» на слово «граждане». Нуждается в конкретизации и сам перечень прав, реализуемых гражданами, общественными объединениями и организациями.

По сути, Федеральный закон N 182-ФЗ предоставляет лицам, участвующим в профилактике, вне зависимости от их вида, право на участие в «правовой просветительской» деятельности, а также в деятельности по оказанию различного рода социальной помощи как лицам, совершившим противоправные деяния, так и реальным (потенциальным) жертвам.

Их содержание в общем виде раскрыто в тексте анализируемого закона. Для раскрытия содержания иных прав, предоставленных гражданам, общественным объединениям и т.д., необходимо обращаться к положениям иных нормативных правовых актов. В связи с этим вновь возникает вопрос о соотношении норм ранее принятых нормативных правовых актов с нормами общего профилактического закона.

В частности, обратившись к тексту Федерального закона от 24 июня 1999 г.

N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 24 апреля 2020 г.), можно увидеть, что термины «субъекты профилактики», «лица, участвующие в профилактике» в нем не используются, а в числе тех, кто включен в систему профилактики согласно ст. 4, общественные объединения, волонтеры отсутствуют.

Согласимся с тем, что существуют такие различные формы участия граждан в предупреждении преступности, как сообщение об известных фактах совершения различных преступлений, осуществление комплекса воспитательных и учебных мероприятий, создание в обществе атмосферы спокойствия [4, с. 72].

Говоря о реально осуществляемой представителями общественности деятельности по предупреждению (профилактике) преступности, полагаем возможным выделить несколько ее направлений:

- 1) участие общественности в охране общественного порядка как традиционное направление, характерное для нашего общества и государства;
- 2) общественный контроль за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы, полиции;
- 3) участие добровольцев в процессе социальной адаптации и ресоциализации осужденных.

Представляется, что наиболее урегулированным в правовом плане в настоящее время плане является участие граждан в охране общественного порядка, однако и здесь имеются недостатки, о которых нельзя не сказать.

Граждане могут непосредственно участвовать в названном виде деятельности согласно ст. 1 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.) «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее по тексту – Федеральный закон N 44-ФЗ). Кроме того, этот же закон определяет, что они могут помочь в поиске лиц, которые пропали без вести, быть внештатными сотрудниками полиции, а также членами народных дружин, общественных объединений правоохранительной направ-

ленности (далее по тексту – общественное объединение).

Не вызывает сомнения, что в настоящее время у общественных объединений и граждан имеется возможность, основанная на нормах действующего законодательства, участия в деятельности по предупреждению (профилактике) преступности: казачьи формирования, народные дружины, оперативные отряды и отряды содействия полиции, содействие на возмездной и безвозмездной основе со стороны отдельных граждан.

Согласно ч. 3 ст. 11 Федерального закона N 44-ФЗ основными направлениями деятельности общественных объединений правоохранительной направленности являются содействие ОВД (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка, участие в предупреждении и пресечении правонарушений, распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах.

Абсолютно так же в законе определены основные направления деятельности народных дружин. Имеется только одно дополнение про участие в охране общественного порядка в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций (ч. 6 ст. 12 Федерального закона N 44-ФЗ).

Кроме того, можно назвать некоторые дополнительные отличные признаки:

1) в народной дружине есть членство, в объединении – нет;

2) объединения могут действовать без образования юридического лица;

3) объединения могут быть созданы по месту жительства, работы или учебы граждан.

Частично согласимся с тем, что эти отличия носят весьма прозрачный характер, и, по сути, необходимость в разграничении данных форм отсутствует, поскольку их функции, порядок деятельности, полномочия, порядок образования являются похожими [3]. Кроме того, в соответствии со ст. 7 Федерального закона N 44-ФЗ ведется единый реестр данных форм участия общественности в анализируемом виде деятельности в субъекте Российской Федерации. Анализ

правоприменительной практики показывает, что в количественном отношении в субъектах Российской Федерации преобладают народные дружины. При этом также очевидно, что Федеральный закон N 44-ФЗ в большей степени регламентирует деятельность народных дружин, этому посвящены ст. 12-24 закона (а всего в законе 28 статей).

В научной литературе было отмечено, что в отличие от аналогичных объединений, которые существовали в советские времена, современные их аналоги ограничены в возможности использования принудительных методов, это делает их деятельность неэффективной. Основным инструментом воздействия на преступника у данных аналогов является убеждение [1, с. 20].

Соответствует ли это утверждение действительности?

Отметим, что ч. 1 ст. 5 Федерального закона N 44-ФЗ предусматривает положение, в соответствии с которым граждане, которые участвуют в этой деятельности, не вправе делать то, что отнесено к исключительной компетенции правоохранительных органов. Однако имеется исключение из этого правила, которое относится только к народным дружинникам. Так, в соответствии со ст. 17 Федерального закона N 44-ФЗ они обладают целым рядом прав, в том числе требуют от граждан и должностных лиц прекратить противоправные деяния, принимать меры по охране места происшествия, оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей в анализируемой сфере, применять физическую силу в случаях и порядке, предусмотренных законом, осуществлять иные права, предусмотренные законодательством. Согласно ч. 1 ст. 25 рассматриваемого закона им фактически предоставлено право предъявлять законные, обязательные для исполнения требования о прекращении противоправных действий. Правда, в данной статье речь идет о предоставляемых им правовых гарантиях.

Соответственно, мы можем с уверенностью утверждать, что их права в действующем законодательстве определены достаточ-

но широко, и для этого есть все основания. Очевидно, что, несмотря на четкую регламентацию деятельности ОВД отечественным законодательством и наличие у них широких полномочий, существует объективная невозможность проследить за всеми преступными проявлениями на всей территории муниципального образования на круглосуточной основе. Например, в частном секторе, к которому можно отнести частные дома, дачные участки, гаражные кооперативы и т.п. [5, с. 253-254]. Аналогичным образом может быть затруднено проведение мероприятий по профилактике преступлений, совершаемых в подъездах домов, поскольку они не включены в маршрут патрулирования наружных нарядов полиции. Кроме того, невозможно предотвратить силами наружных нарядов полиции преступления, совершаемые в торговых центрах, магазинах, кафе и т.д., т.к. эти помещения не входят в маршрут патрулирования этих нарядов и обслуживаются частными охранными предприятиями. Таким образом, предотвращение преступлений на территории данных объектов требует активности со стороны граждан и соответствующих общественных объединений.

Однако, на наш взгляд, их возможности не всегда оцениваются надлежащим образом со стороны правоохранительных органов. Частичным подтверждением этого является проведенный нами анализ информационно-аналитических записок к отчетам начальников ГУ МВД России по субъектам Российской Федерации о проведенной на территории субъекта Российской Федерации работе.

Так, в записке начальника УМВД России по Калининградской области за 2020 год¹ вообще ничего не говорится о сотрудничестве ОВД с подобными общественными объединениями, хотя на сайте УМВД России по Калининградской области размещена подробная информация о деятельности Обще-

ственного совета и о возможностях участия граждан в охране общественного порядка². Граждане могут получить информацию о том, в каких формах они могут принять участие в охране общественного порядка, как вступить в народную дружину, и другую значимую информацию. Однако такую информацию размещают далеко не все ГУ МВД по субъектам Российской Федерации. Например, подобная информация не содержится на сайте ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, размещена лишь информация о деятельности Общественного совета. Конечно же, это не говорит о том, что такая работа не проводится. Однако, на наш взгляд, отсутствие подробной информации о состоянии взаимодействия органов внутренних дел с представителями общественности, о народных дружинах, действующих на территории региона, является одним из факторов, не способствующих повышению активности граждан в деятельности по профилактике преступности.

Конечно же, не во всех субъектах Российской Федерации ситуация одинакова. Так, на сайте ГУ МВД по Кемеровской области размещена достаточно подробная информация об участии представителей общественности в охране общественного порядка. В частности, указано, что в 2020 году из местных бюджетов казачьим обществам в ряде муниципальных образований были перечислены денежные средства в размере более 9,3 млн руб. Таким образом, муниципалитеты финансируют подобную деятельность. В реестре данного субъекта Российской Федерации зарегистрированы 128 народных дружин и 9 общественных объединений правоохранительной направленности. Общая численность дружинников составила 2564 человека. В целом с участием граждан были задержаны 344 преступника, пресечены 7473 правонарушения, в том числе народными дружин-

1 Информационно-аналитическая записка о проведенной УМВД России по Калининградской области работе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на обслуживаемой территории, защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, а также принимаемых мерах по обеспечению общественного доверия и поддержки граждан за 2020 год. URL: https://39.xn--b1aew.xn--p1ai/activities/reports/main_reports/2020- (дата обращения: 22.01.2022).

2 Участие граждан в охране общественного порядка. URL: <https://39.xn--b1aew.xn--p1ai/activities/militias> (дата обращения: 21.01.2022).

никами – 6873. В результате принимаемых мер преступность снизилась как в общественных местах (-8,4% в 2020 г. по отношению к 2019 г.), так и на улице (-14,7% в 2020 г. по отношению к 2019 г.)³.

На сайте ГУ МВД по Кемеровской области также размещена информация о народных дружинах, действующих на территории региона⁴.

На сайте ГУ МВД по Красноярскому краю отражена следующая информация о сотрудничестве ОВД с общественностью. На территории Красноярского края в 2020 г. было реализовано следующее:

1) поощрение 330 граждан за содействие ОВД на сумму 990,0 тыс. рублей;

2) проведение конкурса «Лучший народный дружинник Красноярского края», в котором победу одержали 9 дружинников по 3 номинациям. Победителям были выплачены денежные премии;

3) регулярное проведение имиджевых и профилактических мероприятий с участием членов общественных советов;

4) посещение членами общественных советов 117 различных подразделений полиции, двух изоляторов временного содержания, по итогам которых были внесены предложения по улучшению качества их работы;

5) осуществление совместно с представителями общественности мониторинга мест принудительного содержания. В 2020 г. были проведены 26 подобных проверок;

6) проведение совместно с членами Общественного совета при ГУ МВД и ОВД мероприятий по профилактике хищений денежных средств с банковских карт граждан,

совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

7) пропагандирование представителями общественности безопасности дорожного движения;

8) проведение на постоянной основе работы по патриотическому и законопослушному воспитанию подростков, повышению их интереса к деятельности полиции, в том числе по профилактике употребления психоактивных веществ в школах и средних профессиональных учебных учреждениях края.

Благодаря принимаемым мерам в 2020 г. в Красноярском крае отмечалось снижение преступности в общественных местах (-7,8% к 2019 г.). Аналогичная ситуация фиксировалась на улицах, где количество преступлений в 2020 г. сократилось на 11,2% по отношению к 2019 г.⁵

В Красноярском крае на 1 января 2021 г. были созданы и внесены в реестр данного субъекта Российской Федерации 76 народных дружин и одно общественное объединение. В 2020 г. с участием дружинников были задержаны 23 преступника, пресечены 1347 административных правонарушений. За активное содействие в охране общественного порядка 286 дружинников были поощрены на сумму 858 тыс. рублей⁶. На сайте ГУ МВД по Красноярскому краю размещена подробная информация о народных дружинах и народных дружинниках с контактными телефонами⁷. При этом отметим, что, например, в Кемеровской области – Кузбассе были внесены в реестр значительно больше данных формирований. Однако представляется, что дело здесь не в количестве, а в качестве

3 Информационно-аналитическая записка к отчету о деятельности полиции ГУ МВД России по Кемеровской области в 2020 году. URL: https://42.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Keme (дата обращения: 24.01.2022).

4 Народные дружины URL: <https://42.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%8B> (дата обращения: 24.01.2022).

5 Информационно-аналитическая записка о результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Красноярского края за 2020 год. URL: https://24.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Kras (дата обращения: 24.01.2022).

6 Там же.

7 Народные дружины. URL: <https://24.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%8B> (дата обращения: 24.01.2022).

осуществляемой работы. Перед регионами не должна ставиться задача регистрации как можно большего количества подобных объединений, граждан необходимо стимулировать к участию в деятельности работоспособных формирований.

Учитывая сказанное, полагаем, что сотрудничество ОВД с общественностью нуждается в своеобразной популяризации. На наш взгляд, в настоящее время не ведется активная работа по стимулированию участия представителей гражданского общества в рассматриваемом виде профилактической деятельности. В СМИ практически не распространяется информация о предупредительной деятельности общественных формирований, отдельных граждан, не приводятся положительные примеры такого участия, а, наоборот, широко обсуждаются примеры, когда активная гражданская позиция привела определенного гражданина к негативному результату (оскорблениям в его адрес, причинению вреда здоровью различной степени тяжести, задержанию и дальнейшему осуждению за превышение пределов необходимой обороны и т.д.).

Представляется, что, в частности, на сайтах всех ГУ МВД субъектов Российской Федерации без исключения должна быть размещена подробная и конкретная информация о том, каким образом можно вступить в ряды народных дружин (иных предусмотренных в настоящее время законодательством общественных объединений).

Возможности осуществления общественного контроля гражданами и общественными объединениями регламентированы действующим законодательством. Так, в частности, согласно ст. 50 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 21 декабря 2021 г.) этими полномочиями наделены следующие субъекты: Общественная палата РФ, общественные наблюдательные комиссии и члены этих комиссий.

Общественные советы образуются при федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел и при территориальных органах, в соответствии с положениями об этих советах осуществляют контроль за

деятельностью полиции. Статья 9 Федерального закона «О полиции» озаглавлена «Общественное доверие и поддержка граждан». Данные обстоятельства, по обоснованному мнению А.В. Безрукова, И.В. Тепляшина, достаточно ясно демонстрируют краеугольную «общественную» составляющую в правоохранительной деятельности, но при этом институт общественного контроля в целом может быть поднят на более высокую ступень своего действия [2, с. 86]. Возможности общественного контроля в настоящее время явно реализуются не в полном объеме, не во всех субъектах Российской Федерации практика одинакова. Это также следует из приведенных нами выше примеров.

Деятельность волонтеров и организаций соответствующего профиля регламентирована в настоящее время Федеральным законом от 11 августа 1995 г. N 135-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Добровольцы-волонтеры и организации волонтерского профиля могут оказывать содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимать участие в исправлении осужденных. Отметим, что территориальными органами ФСИН России на постоянной основе осуществляется взаимодействие с различными волонтерскими организациями.

Согласно сведениям С.Л. Бабаяна, Н.В. Ольховика, С.А. Фадеевой, И.А. Латкиной, Л.П. Питкевич в настоящее время заключены более 70 соглашений о взаимодействии с региональными центрами Ассоциации волонтерских центров, 76 соглашений с региональными центрами Национальной родительской ассоциации и 572 – с добровольными (волонтерскими) движениями и молодежными общественными объединениями [6, с. 506]. Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что добровольческая (волонтерская) деятельность также нуждается в настоящее время в популяризации.

Настораживающей является тенденция во многом безразличного отношения общества и отдельных граждан к преступным и иным антиобщественным проявлениям. Представляет

ся, что «лица, участвующие в профилактике», фактически не участвуют в работе по правому просвещению (правовому информированию) (Федеральный закон N 182-ФЗ), а также редко информируют ОВД и другие правоохранительные органы о ставших им известных фактах совершения правонарушений.

Несомненно, государство не может и не должно навязывать представителям общественности какие-то готовые и, возможно, удобные исключительно ему формы участия в профилактической деятельности, оно может лишь направлять и стимулировать общественную активность. Привлечение общественности к этой деятельности является одним из важнейших направлений деятельности государства по профилактике преступности.

Несмотря на то, что отдельные аспекты участия общественности в предупреждении преступности закреплены в действующем профилактическом законодательстве, системной правоприменительной практике препятствуют несовершенная нормативная правовая база, «разбросанность» профилактических норм по различным нормативным правовым актам.

Соответственно, эта «база» нуждается в корректировке. Для этого, на наш взгляд, необходимо сделать следующее.

1. Скорректировать нормы, содержащиеся в общем профилактическом законе. Так, нуждается в изменении ст. 13 Федерального закона N 182-ФЗ, которую мы предлагаем изложить в следующей редакции:

«1. Лица, участвующие в профилактике правонарушений, вправе участвовать в профилактике правонарушений в соответствии с настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

2. Лица, участвующие в профилактике правонарушений, обладают в пределах своей компетенции следующими правами:

1) осуществляют правовое просвещение (правовое информирование);

2) участвуют в деятельности по социальной адаптации, ресоциализации, социальной адаптации, оказанию помощи лицам, пострадавшим от правонарушений (подверженным риску стать таковыми);

3) участвуют в мероприятиях по охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях в соответствии с законодательством Российской Федерации;

4) оказывают содействие правоохранительным органам и иным субъектам профилактики правонарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации;

5) реализуют иные права в сфере профилактики правонарушений».

2. Изменить наименование ст. 4 Федерального закона N 120-ФЗ на следующее: «Субъекты профилактики и лица, участвующие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», определив их перечень в тексте статьи.

3. Рассмотреть возможность исключения из текста Федерального закона N 44-ФЗ понятия «общественные объединения правоохранительной направленности» как дублирующей категории.

Представляется также, что участие общественности в предупреждении преступности нуждается в элементарной популяризации, ведь при наличии самой совершенной правовой базы нельзя будет ожидать какого-либо существенного прорыва в этой области без изменения правосознания людей.

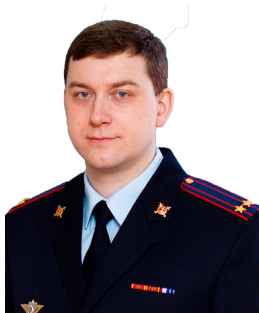

Библиографический список

1. Безруков, А.В. Обеспечение правопорядка в общественных местах: определение приоритета при выборе метода управленческого воздействия / А.В. Безруков, А.В. Жильцов // Административное право и процесс. – 2020. – N 8. – С. 18-21.
2. Безруков, А.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования // А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Журнал российского права. – 2021. – N 1. – С. 77-88.
3. Бекетов, О.И. Комментарий к Федеральному закону от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.
4. Голина, В.В. К вопросу об участии общественности в предупреждении преступности в Украине // В.В. Голина, О.С. Шрамко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2. – С. 70-76.
5. Зенин, В.Д. Привлечение общественности к предупреждению и профилактике преступлений в сфере частного сектора / В.Д. Зенин, К.А. Зенина // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается) : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Моисеева. – Тамбов, 2021. – С. 252-255.
6. Теоретические, правовые и организационные основы деятельности добровольцев в сфере социальной адаптации осужденных без изоляции от общества в России / С.Л. Бабаян, Н.В. Ольховик, С.А. Фадеева [и др.] // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – N 3 (55). – С. 502-511.

УДК 343.2/7

Сергей Геннадьевич ЕРЕМЕЕВ,

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат психологических наук, доцент
eremeev.krsk@mail.ru

ХАРАССМЕНТ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И СООТНОШЕНИЕ С УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ ЗАПРЕТАМИ

HARASSMENT: CONCEPT, ESSENCE, STRUCTURE AND CORRELATION WITH CRIMINAL LAW PROHIBITIONS

В статье определена сущность харассмента, его понимание в современном научном сообществе, обозначены отдельные формы его проявления и представлено авторское видение его структуры. В контексте рассматриваемого явления затронута проблема социального неравенства. Предпринята попытка сравнения и разграничения имеющих внешнее сходство некоторых составов преступлений и явления харассмента. Раскрыты возможные негативные последствия харассмента для служебного коллектива и необходимость его профилактики применительно как к корпоративной культуре, так и к совершению отдельных преступлений.

The article defines the essence of harassment, its interpretation in the modern scientific community, identifies individual forms of its manifestation and presents the author's vision of its structure. In the context of the phenomenon under consideration, the problem of social inequality is touched upon. An attempt is made to compare and distinguish between some elements of crimes and the phenomenon of harassment that have an external similarity. The possible negative consequences of harassment for the staff and the necessity for its prevention in relation to both corporate culture and the commission of individual crimes are revealed.

Ключевые слова: харассмент, насилие, психологическое воздействие, социальное давление, жертва, агрессор, преступления, корпоративная культура.

Keywords: *harassment, violence, psychological impact, social pressure, victim, aggressor, crimes, corporate culture.*

Современные взаимоотношения людей в обществе настолько дифференцированы, что зачастую размываются границы смежных явлений, относящихся к предмету исследования различных отраслей права. Харассмент не является исключением. Зачастую харассмент может привести к наступлению

последствий, которые могут внешне выглядеть как результат преступных действий.

Харассмент и его проявления – не новая научная категория в психологических, социальных и юридических науках. Если проследить этимологию данного термина, то она насчитывает уже несколько веков и находи-

лась первоначально за пределами психологической науки. В начале XXI века проблема харассмента актуализировалась в контексте таких явлений, как моббинг, гендерные и сексуальные притеснения, насилие [3], преступные деяния. Усилили интерес к проблеме в науке и общественности скандальные разоблачения в медиасфере, наиболее громкими из которых за последнее пятилетие стали обнародование деяний Харви Вайнштейна и последовавших за ним Джеймса Тобака, Эда Вествика, Бретта Рэтнера и др.

На сегодняшний день в науке представлено уже достаточное количество авторских позиций в понимании харассмента, что является хорошей исследовательской базой для изучения данного феномена и выделения его в отдельную обособленную научную единицу, его разграничения со смежными явлениями, в том числе преступными деяниями.

Н. Агазде со ссылкой на официальное определение ООН 2008 года дает наиболее широкое определение харассмента, понимая под ним несоответствующее и нежелательное поведение, которое способно оскорбить и унижить другого человека [1].

Применительно к проблеме харассмента в организациях, считаем необходимым несколько конкретизировать представленное выше определение. Под харассментом следует понимать проявление лицом, занимающим доминирующее положение, поведенческих признаков и (или) психологического воздействия, прямо или косвенно адресованных конкретному человеку с целью демонстрации своего сексуального интереса к нему. Следует отметить, что речь идет именно о доминирующем положении агрессора, а не о взаимодействии в системе власти-подчинения (это лишь один из возможных вариантов доминирования). Доминирующее положение может быть определено возможностью влияния на управленческие решения в коллективе, сложившимся авторитетом, «неприкасаемостью» со стороны руководства или родственными связями с ним, наличием властных покровителей и др.

Поведенческие проявления харассмента различны. Самые его безобидные формы

могут выражаться в систематической встрече взглядов, «улюлюканье», кокетливом поведении – кэтколлинге (следует отметить, что кэтколлинг не во всех странах и культурах, а также субъективно воспринимается как проявление харассмента; так может проявляться искреннее восхищение внешностью девушки или женщины и те, в свою очередь, воспринимают это именно так), легких прикосновениях и поглаживаниях (внешне напоминающие общение друзей или хороших знакомых), введении жертвы в «свою команду», т.е. включении в единую профессиональную деятельность или узкий служебный коллектив, чтобы чаще находиться рядом и иметь возможность усилить воздействие [подр.: 2], более грубыми формами являются создание условий для нахождения наедине без служебной необходимости, интимные прикосновения и т.д. Значимой авторской позицией является то, что сам факт сексуального контакта не может считаться харассментом, а является его результатом или преступным деянием.

Структура рассматриваемого явления может выглядеть следующим образом.

1. Агрессор зачастую не предпринимает усилий для достижения желаемого результата или предпринимает действия, которые со стороны могут показаться флиртом, на конечный результат работают его социальный статус, опыт, общественное мнение и т.д. Ему достаточно создать определенную обстановку или воспользоваться сложившейся. От агрессора можно услышать, что «она была не против», «я многому ее научил в плане сексуальных отношений», «ей понравилось» и т.д., при этом агрессор почти всегда игнорирует свое доминирующее положение и мотивы принятия его предложения со стороны жертвы.

2. Жертва зачастую соглашается на сексуальный контакт не из-за любви к агрессору. Наиболее частые объяснения вступления в интимную связь звучат как «растерянность», «неуверенность в себе», «опасение за дальнейшее служебное благополучие», «незнание как отказать». В некоторых случаях жертва испытывает восхищение карьерным ростом, успехами агрессора, его медийным образом, при этом как к мужчине (женщине) никакого

влечения не испытывает. В таких ситуациях жертва становится заложницей амбивалентного отношения к агрессору, к его различным социальным ролям. Еще один аспект – ожидания жертвой положительных последствий для себя после сексуальной связи: завязывание межличностных отношений, возможные привилегии или карьерный рост, возможно, личностный рост, при этом никаких объективных предпосылок для этого нет.

3. Служебный коллектив большинством авторов не рассматривается как участник харассмента, однако анализ примеров позволяет говорить о том, что именно коллектив создает дополнительные негативные условия для жертвы путем игнорирования ситуации, ее замалчивания либо осуждения поведения жертвы.

4. Атмосфера в коллективе (безопасное пространство) может либо способствовать, либо затруднять проявление харассмента в зависимости от степени проработанности и урегулированности в конкретном коллективе – это сфера ответственности высшего руководства, в том числе через становление и поддержание корпоративной культуры, которая должна исключить страх, замалчивание и молчание, боль.

Харассмент в коллективе может иметь различные формы.

1. Воздействие со стороны агрессора, когда он не получает желаемого результата, поскольку жертва игнорирует его или активно противостоит воздействию.

2. Воздействие со стороны агрессора и получение им желаемого результата:

а) при отсутствии взаимной симпатии со стороны жертвы (жертва воспринимается как сексуальный объект и не может продолжать сопротивляться давлению);

б) при взаимной симпатии со стороны жертвы (при этом жертва осознает, что влечение со стороны агрессора носит исключительно сексуальный характер).

3. Распространение информации о сексуальных связях между агрессором и жертвой среди членов коллектива и скрытое проявление недовольства членами коллектива (чаще в отношении жертвы).

4. Распространение информации о сексуальных связях между агрессором и жертвой среди иных членов коллектива и открытое проявление недовольства, моббинг (в большинстве случаев жертва в итоге вынуждена покинуть коллектив).

Привлекает внимание тот факт, что в подавляющем большинстве случаев, когда о фактах харассмента становится известно в служебном коллективе, гонениям наиболее сильно подвергается жертва. Это происходит в силу условий, определяющих положение доминирования агрессора, а также объясняется сложившимися стереотипными установками, что жертва сама виновата в случившемся.

В зарубежной литературе и общественной жизни явление харассмента тесно связывают с сексуальным неравенством. Ярко представляет данное направление движение «#MeToo», которое отстаивает феминистические идеи. Не отрицая наличия в современном обществе проблемы сексуального неравенства, хотя в развитых странах происходят серьезные положительные изменения в решении данного вопроса, следует отметить, что в основе социального неравенства лежит половой признак и укоренившийся в сознании многих поколений патриархальный строй [4]. При этом харассмент, как указывалось ранее, берет истоки в отношениях доминирования, наличии более высокого социального и ролевого статуса по отношению к жертве. И несмотря на то что статистически в качестве жертвы харассмента чаще выступают женщины, известны и проявления харассмента со стороны доминанты женщины в отношении мужчины.

Рассмотрев в общих чертах явление харассмента, проанализируем смежные общественные отношения, которые образуют состав преступления.

1. Статья 110 УК РФ – доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Именно формулировка «систематическое унижение человеческого достоинства» позволяет рассматривать во взаимосвязи данное преступле-

ние и харассмент. Анализ фактов харассмента позволяет утверждать, что жертва, находясь в зависимом от агрессора положении, может и зачастую переживает сильнейший внутренний конфликт либо фрустрацию, поскольку, с одной стороны, ей неприятны отношения с агрессором (если речь не идет об ответной симпатии со стороны жертвы, такой вариант мы рассматривали ранее), а с другой – жертва не может прервать эти отношения, опасаясь негативных последствий. Кроме того, при длительном преследовании жертвы об этом в большинстве случаев становится известно коллективу, и давление на жертву усиливается еще и со стороны общественности. Нередки случаи, когда жертва не выдерживает такого давления и совершает самоубийство. Теория уголовного права сходна в понимании терминологии: систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего представляет собой воздействие на психику потерпевшего. Используя свое доминирующее положение, физическое, материальное и иное превосходство, виновный посредством оскорблений, издевательств (в том числе и публичного характера), постоянной демонстрации своего превалирующего положения формирует у потерпевшего подавленное, депрессивное состояние, в котором он оценивает ситуацию как безысходную. При этом систематичность применительно к рассматриваемому случаю означает наличие взаимосвязи между актами унижения достоинства потерпевшего, объяснимой с позиции поставленной виновным цели, и совершением самоубийства потерпевшим [5]. Различие усматривается в целенаправленности таких действий. При харассменте агрессор желает вступить в сексуальный контакт с жертвой, возможно, на систематической основе, в уголовном деянии виновное лицо ставит цель совершения самоубийства потерпевшим.

2. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ). По сравнению с предыдущей нормой уголовного закона используются более мягкие методы воздействия на личность. При этом неизменным остается умысел добиться совершения лицом само-

убийства. Применяя те же методы (уговоры, предложения, обман и т.д.), при харассменте агрессор пытается сблизиться с жертвой, ввести ее в круг своего общения, привлечь интерес, создать условия для интимной близости.

3. Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и побои (ст. 116 УК РФ). Не преследуя цели разграничить между собой данные составы преступлений, отметим, что вследствие совершения данных преступлений лицу не причиняется сколько-нибудь значимый физический ущерб, однако, возвращаясь к проблеме харассмента, следует указать, что действия, влекущие кратковременное расстройство здоровья или ощущение боли (чаще систематическое) в результате действия определенных лиц, влекут сильное психологическое воздействие. Наиболее частыми случаями причинения легкого вреда здоровью при харассменте является выброс агрессии в ходе полового акта. Агрессор ложно считает, что причинение повреждений вносит разнообразие в процесс, обостряет чувства, позволяет почувствовать свое превосходство и т.д., жертва при этом является заложницей ситуации и вынуждена принимать позицию агрессора, терпеть причиненный вред. Нарушение телесной неприкосновенности, свойственной побоям, может причиняться не только агрессором, но и сторонними наблюдателями, которые подвергают жертву гонениям. Жертву могут толкать, шипать, шлепать, и при этом сила воздействия может быть весьма ощутимой. Разграничение с уголовно наказуемым деянием происходит также по умыслу причинителя вреда. При харассменте отсутствует умысел на причинение вреда. Причиненный вред является лишь сопутствующим результатом.

4. Истязание (ст. 117 УК РФ). Объективная сторона преступления представляет собой деяние, заключающееся в виде причинения физических или психических страданий, совершаемое двумя альтернативными способами: систематическим нанесением побоев; иными насильственными действиями, связанными с многократным или длительным причинением боли: шипанием, причинением множественных, но небольших повреждений

тупыми или колющими предметами, воздействием термических факторов, длительным лишением пищи, питья или тепла либо помещением (или оставлением) потерпевшего во вредных для здоровья условиях [6]. Как и при рассмотрении предыдущих составов, внешне схожие действия при харассменте будут отличаться от преступления направленностью умысла. При этом харассмент может включать в себя даже элемент заигрывания агрессора с жертвой (ранее мы указывали на пощипывания, шлепки и т.д., а также на то, что и жертва может относиться к этому положительно). В тех же случаях, когда жертва негативно относится к происходящему, можно рассматривать эти действия как проявления коллективного давления.

5. Изнасилование (ст. 131 УК РФ). Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ). При совершении данных преступных деяний лицо преодолевает сопротивление жертвы путем насилия или угрозы либо пользуется беспомощным состоянием жертвы. Что касается харассмента, преодоления сопротивления как такового не происходит, жертва зачастую желает наступления полового акта, хотя в ряде случаев и заблуждаясь о получении возможных выгод после него, либо не сопротивляется агрессору по вымышленному предлогу или руководствуясь лжемотивами, полагая, что в отношении нее будут предприняты какие-то меры социального давления. Известны случаи, когда жертва просто «стесняется отказать или разочаровать» агрессора и молчаливо соглашается на интимную близость. Анализ мировой практики по харассменту свидетельствует о том, что агрессоры в случае отказа жертвы зачастую теряют к ней интерес и выбирают для себя новый объект. Случаи дальнейшего преследования жертвы или инициации ее гонения единичны и чаще всего выходят за пределы рассматриваемого явления. Схожи основания отграничения таких действий и от понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), где виновное лицо совершает целенаправленные действия, указанные в фабуле статьи, для целенаправленного достижения желаемого результата, чего

нельзя сказать о харассменте, где имеют место более глубокие личностные конструкты.

6. Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ). Данный состав характеризуется прямым умыслом, реализуемым посредством инструментов, указанных в фабуле, с использованием своего служебного положения. Рассматривая в данном контексте проблему харассмента, необходимо сделать акцент, что доминирование может и зачастую происходит не за счет использования служебного положения, а за счет групповых социально-психологических процессов, позволяющих агрессору манипулировать общественным мнением, положением отдельного лица в коллективе, возможно, влиять на кадровые решения и т.д. Таким образом, представленные действия будут образовывать скорее предмет корпоративной культуры, а не состав преступления.

Известны факты, когда жертвы харассмента начинали шантажировать своих агрессоров или же умышленно занимали позицию жертвы, провоцируя агрессоров, чтобы в дальнейшем получить для себя определенные выгоды. Встречаются случаи оговора или угрозы оговора в тех же целях без фактической интимной связи. Не образуя состава преступления, такие действия требуют нормативной регламентации в ходе формирования корпоративной культуры организаций, поскольку также могут иметь негативные последствия.

Подводя итог, следует утвердительно отметить, что проявления харассмента не образуют состава преступления, однако нельзя отрицать, что внешнее сходство прослеживается. Кроме того, известны случаи, когда агрессор, чувствуя вседозволенность, переходил рамки социального взаимодействия и совершал в отношении жертвы одно или несколько рассмотренных ранее преступлений. Общей чертой рассмотренных преступлений и харассмента, безусловно, является их латентный характер.

Внедрение института противодействию харассменту в отечественную корпоративную культуру не только защитит реальных жертв этого явления и позволит правовыми

способами бороться с агрессором, но и поможет защитить руководящий состав от негативного воздействия лиц, желающих получить привилегии или продвинуться по служебной лестнице недопустимыми средствами. Кроме

того, в некоторой степени противодействие харассменту можно рассматривать как один из элементов цепочки противодействия рассмотренным преступлениям.

Библиографический список

1. Агазаде, Н. Психологическое притеснение (харассмент) на рабочем месте и проблемы психического здоровья, сопровождающиеся суицидальными тенденциями / Н. Агазаде // Медицинская психология в России : электронный научный журнал. – 2013. – N 3 (20). – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 17.03.2021).
2. Еремеев, С.Г. Психология права : учебное пособие / С.Г. Еремеев. – Омск: Омская академия МВД России, 2014. – 88 с.
3. Люсенко, Н.Е. Индивидуально-типологические механизмы агрессивно-насильственного поведения в норме и при психической патологии / Н.Е. Люсенко // Прикладная юридическая психология. – 2018. – N 3 (44). – С. 58-67.
4. Сочивко, Д.В. Гендерные типы индивидуального правосознания в структуре «Я» / Д.В. Сочивко, Т.А. Симакова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – N 4 (84). – С. 213-220.
5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. проф. М.В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 768 с.
6. Уголовное право (Общая и Особенная части) : учебное пособие / под ред. С.М. Малькова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 204 с.

УДК 343.85

Елена Юрьевна РОДИНА,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России
elena_rodina1981@mail.ru

ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC ASPECTS OF THE PREVENTION OF CRIMES AGAINST MINORS

Одной из важнейших в нашей стране остается проблема преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Тяжесть подобных преступлений заключается не только в заведомо более уязвимом положении несовершеннолетнего, но и в причинении тяжкого физического и психического ущерба пострадавшим, который затем в виде психотравмирующей ситуации закрепляется в сознании ребенка и имеет непредсказуемые последствия, начиная от личностных и коммуникативных проблем и заканчивая попытками или фактами суицида.

Основная цель нашей работы – исследование психотравмирующего воздействия со стороны взрослых на несовершеннолетних как основного фактора формирования психофизиологических проблем, что позволит разработать эффективные механизмы правового регулирования профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних, а также совершенствовать технологии работы с детьми и подростками, пережившими психологическую травму в результате насилия.

One of the most important problems in our country is the problem of crimes committed against minors. The severity of such crimes consists not only of the obviously more vulnerable position of the minor, but also of causing severe physical and mental damage to the victims, which is then fixed in the mind of the child in the form of a psychotraumatic situation and has unpredictable consequences, ranging from personal and communication problems ending with suicide attempts or facts.

The main goal of our work is to study the psycho-traumatic impact of adults on minors as the main factor in the development of psycho-physiological problems, which will allow us to develop effective mechanisms for the legal regulation of the prevention of crimes against minors, as well as improve the technology of rehabilitation of children and adolescents who have experienced psychological trauma as a result of violence.

Ключевые слова: психологическая травма, стадии насилия, отрицание, сексуальное насилие, психотравмирующая ситуация, неврозы, профилактика преступлений, последствия насилия, суицид.

Keywords: *psychological trauma, stages of violence, denial, sexual abuse, psychotraumatic situation, neuroses, crime prevention, consequences of violence, suicide.*

Проблема насилия в отношении малолетних в настоящее время актуализируется не только увеличением количества данного вида преступлений, но и содержательным его наполнением, появлением новых форм насилия по отношению к детям и подросткам, а также латентными последствиями, которые могут проявляться спустя длительное время после воздействия психотравмирующей ситуации. Содержание психотравмирующей ситуации отражается практически на всех сторонах жизни малолетнего в настоящем и проецируется на будущее. «Я»-концепция, личностные качества, ближайшее окружение, сеть социальных контактов и взаимоотношений – все это деформируется в контексте негативных тенденций. В случае, когда у ребенка включаются механизмы внешней защиты, поведение меняется на агрессивное либо замкнутое. И если вовремя не скорректировать асоциальную направленность, не будут сформированы модели социально адекватной деятельности и изменения в личности закрепятся в сознании.

Объект исследования – малолетние, пережившие различные виды насилия.

Предмет исследования – психотравмирующее воздействие на малолетних со стороны взрослых.

Задачи исследования:

1) в контексте различных видов насилия определить содержание влияния психотравмирующей ситуации на психофизиологическое состояние малолетних;

2) исследовать скрытые и явные признаки психотравмы у малолетнего;

3) определить содержание работы с малолетними, перенесшими воздействие психотравмирующей ситуации насилия.

Методология исследования отражена во многих трудах отечественных и зарубежных исследователей, как классиков, так и современных ученых и практиков. Среди исследователей преступлений против малолетних можно отметить М. Страус, Л. Лерман, Б. Крэйхи, Г.Г. Силласте, Н.Ю. Синягина, Н.К. Асанова, И.Ф. Дементьеву и др. Стрессы и психотравмирующие ситуации изучали представители психоанализа, такие как З. Фрейд,

О. Фенихель и современные криминальные психологи И.П. Ермаков, В.Ф. Шмидт, С.Н. Шпильрейн, М.В. Вульф. Сравнительные исследования точек зрения на данную проблему помогут нам определить не только содержание и признаки психотравмы у малолетних, но и основные направления работы для лечения и реабилитации пострадавших детей и подростков.

Методы нашего исследования включают две группы:

– теоретические (сравнительный анализ классической и современной зарубежной и отечественной литературы по проблематике исследования);

– эмпирические (анализ нормативно-правовой базы исследования с рассмотрением судебных прецедентов).

Исследованию причин возникновения неврозов, психологических проблем и пограничных состояний посвящены множество работ. Определение «психической травмы» в научно-исследовательских источниках получило признание в конце XIX века. Всемирной Организацией Здравоохранения в 1980 г. впервые была создана Международная классификация нарушений, ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности (МКН), где было официально опубликовано понятие психической травмы как глубинных и негативных переживаний человека, которые связаны с наиболее травмирующими событиями его жизни. С этими чувствами и эмоциями человек, тем более подросток или ребенок, не в состоянии самостоятельно справиться. Они могут частично преодолеваются посредством подсознательных механизмов защиты, которые ведут к образованию невротических симптомов [6, с. 80]. Подобные симптомы имеют как внешнее проявление, так и внутреннюю направленность, разрушая личностные структуры и деформируя сознание.

В обыденном понимании понятие «травма» чаще всего соотносится с телесными повреждениями, то есть с нарушениями целостности тела человека, которые бывают легкими, тяжелыми и не совместимыми с жизнедеятельностью организма. Психотравмирующие последствия зависят от силы травмы,

длительности воздействия, степени значимости для ребенка личности преступника, и сознание стремится максимально вытеснить все «чужеродные» события, воздействия и лица. Согласно теории З. Фрейда, психика человека, как и внутренняя среда организма, нуждается в балансе стабильности и все, что нарушает это состояние, вытесняется [12, с. 176]. При этом если сил на вытеснение не остается, то защитные силы переключаются на внутреннюю агрессию, включается «система самоуничтожения» организма и возникают мысли и попытки суицида. Причем, в отличие от демонстративных попыток суицида, иногда проявляющихся в подростковом возрасте как желание привлечь внимание, доказать свою значимость, данные попытки направлены на достижение цели [5, с. 64].

Особенности подобных травм отражены в том, что их последствия не всегда проявляются сразу же, потому что несовершеннолетние часто умалчивают о факте травмы, боятся, стесняются сказать, а потом по истечении многих лет травмы, отраженные в паттернах асоциального поведения, комплексах, складываются в деформированную, психически неуравновешенную личность. И все эти психотравмирующие воздействия имеют латентные последствия, которые могут проявиться в деструктивных тенденциях по отношению к себе (самоповреждения, суицид) либо к другим (насилия, убийства).

Существует большое различие между угрожающими факторами и индивидуальными возможностями человека справиться с данным воздействием. Когда речь идет о малолетних, которые попадают в психотравмирующую ситуацию, то чаще всего они с ней никогда раньше не встречались. Данное обстоятельство приводит их к чувству беспомощности, незащитности. Малолетний оказывается во власти данной ситуации, и в результате может нарушиться его представление о себе, об окружающем мире. Это зачастую обусловлено еще и тем, что психотравмирующие воздействия подкрепляются отсутствием поддержки со стороны взрослых [5, с. 160].

В психологии существуют различные подходы к классификации психотравм. Мы

остановимся на классификации Ф. Руппера, которая дифференцирует травмы по типам неразрешенных эмоциональных конфликтов. В основе последствий травматического воздействия всегда лежит психологический конфликт как противоречие между тем, как должна развиваться ситуация, отношениями и самочувствием в норме, и тем, что есть на самом деле, с учетом того, что ни внутренний, ни внешний конфликт не является нормой в жизни человека, тем более ребенка, и посттравматические последствия выходят далеко за рамки нормы. В рамках данной дифференциации травмы делятся на:

- экзистенциальные (насилие, несчастные случаи, угрожающие здоровью и жизни);
- потери (потеря важного дорогого человека или значимого условия жизни);
- отношений (деформации эмоциональных связей: предательство, социальная изоляция, исключение, измена);
- системных отношений (поступки, которые не имеют этического и морального оправдания).

В труде О. Фенихеля «Психоаналитическая теория невротозов» отражено, что психотравмирующее действие, которое оказывают взрослые в случае насилия, запечатлевается на всю жизнь у малолетнего, так как ломает представления о нормах взаимоотношений между взрослым и ребенком и в дальнейшем формирует либо агрессию, либо привыкание к таким взаимоотношениям и проекцию их на семейную жизнь и построение коммуникаций в обществе. И особенно этому подвержены люди со слабой, неокрепшей психикой, в том числе дети и подростки. В кризисные периоды данных возрастов психотравмирующее влияние насилия усугубляется и отпечатывается в сознании особенно прочно. В целях своевременного выявления у малолетнего наличия психотравмы и ее источника необходимо вовремя диагностировать определенные симптомы, которые появляются в результате негативного воздействия на психику малолетнего. По мнению О. Фенихеля, чем более неожиданно воздействие травмы, тем более эффективно и долговременно закрепляется в сознании ребенка модель ситуации, которая

сопровождается блокировкой сознания «эго» и утерей чувства реальности; периодически приступами неконтролируемой тревоги и гнева; «проигрыванием» на себе и других ситуации, которая причинила травму в различных формах: мыслей, переживаний, представлений [11, с. 240].

Одним из эффективных направлений в сфере преступлений против малолетних является профилактика, которая значительно снижает уровень противоправных деяний. На эффективность профилактических мер, направленных на предупреждение преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей, влияет ряд дифференцированных факторов. Прежде всего к ним относятся:

1) психофизиологические особенности (их физиология и психика). Зачастую малолетние дети скрывают факты совершенных в отношении них противоправных действий со стороны взрослых. Это может быть вызвано и страхом перед родителями, и просто быть обусловлено непониманием тех действий, которые в отношении них были совершены;

2) всецелая зависимость от взрослых: родителей, опекунов, педагогов, близких знакомых, которые могут являться блокирующим фактором, то есть, другими словами, предпринимать все возможные меры по сокрытию противоправных действий в отношении малолетнего.

Вместе с тем роль родителей очень важна как в процессе диагностики психической травмы, так и в процессе реабилитации малолетнего. Сами родители должны принять изменения, появившиеся в поведении малолетнего (истерики, ночное недержание мочи), так как это может быть защитной реакцией организма ребенка на случившееся. В любой жизненной ситуации необходимо всегда помнить, что все в материальном мире сугубо индивидуально, все люди и дети разные, никто не чувствует все одинаково. Люди, независимо от их возраста, обладают отличными эмоциональными реакциями. Многочисленные примеры из практики указывают на то, что многие родители не наблюдают за своими детьми и не могут выявить наличие психической травмы у собственного ребенка. Разберем это на кон-

кретном примере: в Москве задержали учителя физкультуры, который проработал в школе 20 лет и в течение всего этого времени совершал насильственные действия в отношении мальчиков 9-10 лет. Даже после определения меры пресечения учитель скрывался полтора года, и задержали его в Воронеже. За все время он совершил более 12 преступных действий в отношении несовершеннолетних. Суд приговорил гр. Ю. к 12 годам лишения свободы...». [10, с. 24] Преступник совершал преступные действия неоднократно, но не был замечен, никто не жаловался и не говорил о сексуальном и физическом насилии. Количество эпизодов свидетельствует о том, что дети молчали или их попросту не слышали взрослые. В связи с этим основной целью данной статьи мы видим сформулировать рекомендации для родителей, педагогических работников и сотрудников правоохранительных органов для своевременного диагностирования преступных действий, совершаемых в отношении малолетних.

При общении с ребенком, получившим психическую травму, можно заметить следующие изменения в его поведении:

– утрата интереса в любимой деятельности, потеря доверия к старшим или сверстникам, нежелание разговаривать на определенные темы, возможен регресс к более инфантильному поведению, то есть так называемый «уход в себя»;

– потребность вновь и вновь переживать стрессовые события (через игры или творчество), чрезмерное беспокойство будущими событиями, появление ночных кошмаров, то есть заикленность;

– тревожное состояние и возникновение на его фоне нарушения концентрации внимания или отсутствие сосредоточенности, навязчивое поведение, неожиданный страх разлуки с кем-то близким, постоянная раздражительность или несдержанность, то есть тревожность;

– появление несвойственных физических симптомов: сильных головных болей, тошноты, недержания, вздутия живота и др.

Некоторые малолетние способны справляться со стрессовыми ситуациями, но по-

следствия могут проявиться через некоторое время либо месяцы, годы, а могут проявиться через несколько часов после произошедшего события.

З. Фрейд и О. Фенихель едины во мнении, что возможно самостоятельно преодолеть последствия психической травмы следующими способами. Первый способ позволяет мысленно и территориально отдалиться от травмирующей ситуации, людей и событий и включает в себя переключение, релаксацию, поездки. Ребенок, который пережил подобную травму, постепенно восстанавливается и включается в нормальную полноценную жизнь. В соответствии со вторым способом необходимо разряжать «отложенные эмоции» через репереживания, эмоциональные всплески, вспоминание отдельных эпизодов, активизацию защиты. А.М. Лисенная определяет первый путь как «метод успокоения», а второй – «метод отреагирования» [3, с. 49]. Оба метода достаточно эффективны либо в поэтапной реализации, либо в зависимости от длительности и комплексности воздействия. Их можно использовать поочередно, меняя активность и расслабление и переключая деятельность психики на различные направления. Ребенка необходимо успокоить, предоставить чувство безопасности в случае, когда он испуган, находится в состоянии шока, а проработкой травмирующих ситуаций можно усугубить положение и затем в дальнейшем работать только в сфере бессознательного при помощи психоаналитических методов. Оптимальное сочетание элементов данных методов, их чередование, использование различными специалистами в комплексной посттравматической терапии, по мнению О. Фенихеля, являются главной задачей работы, а конкретные техники, как считает он, не столь важны [11, с. 46]. Это необходимый компонент терапии, т.к. насильник забирает много энергии и эмоциональных сил [5, с. 358].

На данный момент в нашей стране работают множество служб, оказывающих плановую и экстренную помощь населению, в том числе и жертвам насилия и преступлений физического и сексуального характера. Особой категорией обслуживаемых являются несо-

вершеннолетние, с которыми проводятся ряд реабилитационных мероприятий, зачастую в тесном взаимодействии с медицинскими учреждениями. Деятельность подобных служб организуется в тесной взаимосвязи с подразделениями по делам несовершеннолетних при РОВД, инспекторами ПДН и органами ювенальной юстиции, которые призваны обеспечивать защиту несовершеннолетних в правовой сфере.

Наиболее эффективно необходимо развивать систему комплексной работы с несовершеннолетними, включающую работу психологов, психиатров, терапевтов, криминалистов и иных специалистов, работающих на стыке преступления, психотравмы и физиологических последствий (травм, ран). Данная работа призвана нивелировать воздействие текущей негативной ситуации и минимизировать ее последствия в дальнейшем.

В процессе взросления малолетние проходят определенные периоды, обусловленные наличием определенных особенностей у ребенка. Малолетние, взаимодействуя с широким кругом людей, оказываются в различных неблагоприятных ситуациях, которые могут травмировать их психику. Различные виды насилия (физическое, моральное, сексуальное) по отношению к несовершеннолетним влекут различные по содержанию, но идентичные по глубине последствия, которые отражаются на личном развитии, построении социальных связей, организации процесса коммуникации. При этом ребенок самостоятельно или только с родителями не в силах справиться с мощным воздействием стресса. Именно поэтому решать проблему латентности преступлений, совершаемых в отношении малолетних, необходимо в двух направлениях:

- проведение профилактических мероприятий, направленных на предотвращение совершения преступлений в отношении малолетних. Особое внимание необходимо уделять работе с малолетними в плане victimности для того, чтобы снизить риск стать жертвами потенциальных преступников;
- работа с малолетними, получившими психотравму, проводимая в тесном взаимо-

действию всех субъектов социальной политики, связанных с охраной прав детства – педагогов-психологов, ювенальных юристов, медицинских работников, уполномоченных по правам ребенка.

В целях раскрытия, расследования и пресечения преступлений межведомственное взаимодействие может стать адекватным и рациональным организационным механизмом работы с малолетними. Данное решение проблемы поможет выявлять жестокое обращение с детьми и оказывать профессиональную помощь малолетним, которые подверглись

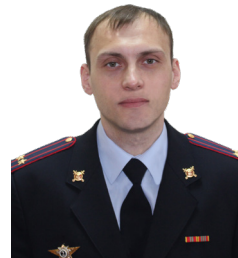
насилию и находятся в социально опасном положении, в связи с чем просто необходимо объединить совместные усилия и междисциплинарный подход к данной ситуации. При этом большое внимание необходимо уделять сочетанию традиционных и инновационных методов психологии и психиатрии, сочетая их терапевтическое и реабилитационное функциональное назначение, а также учитывая пролонгированное содержание психотравмирующей ситуации, воздействующей на несовершеннолетнего.

Библиографический список

1. Валькова, Н.В. Домашнее насилие над детьми. Формы жестокого обращения с детьми / Н.В. Валькова // Проблемы науки. – 2020. – N 8 (56). – С. 52-55.
2. Клейменов, М.П. Специальная профилактика преступлений / М.П. Клейменов, А.В. Кондратьев // Вестник ОмГУ. – Серия: Право. – 2018. – N 1 (54). – С. 163-165.
3. Кочарян, А.С. Психология переживаний : учебное пособие / А.С. Кочарян, А.М. Лисенная. – Харьков, 2011. – 215 с.
4. Куемжиева, С.А. Понятие групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних / С.А. Куемжиева // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – N 115. – С. 1047-1058.
5. Левченко, Е.В. Профилактика домашнего насилия / Е.В. Левченко, И.Е. Патрушев // Вопросы российской юстиции. – 2019. – N 4. – С. 355-361.
6. Лисенная, А.М. Психическая травма и пути ее преодоления / А.М. Лисенная / Психология переживаний. – Харьков, 2020. – 206 с.
7. Леоненко, Е. В зоне риска – от 14 и младше / Е. Леоненко // Российская газета. – 2021. – N 118 (8469).
8. Логинова, Л.В. Деятельность полиции в сфере профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Л.В. Логинова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – N 2 (58). – С. 118-122.
9. Любов, Е.Б. Диагностика суицидального поведения и оценка степени суицидального риска. Сообщение II / Е.Б. Любов, П.Б. Зотов // Суицидология. – 2018. – N 2 (31). – С. 16-30.
10. Уласень, Т.В. Детская депривация и формирование аномалий психического развития: состояние проблемы / Т.В. Уласень, А.Е. Бобров // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2016. – N 4. – С. 150-164.
11. Фенихель, О. Психоаналитическая теория невротозов : пер. с англ. – М.: Академический Проект, 2005 – 848 с.
12. Фрейд, З. Исследование истерии / З. Фрейд // Фрейд, З. Собр. соч.: в 26 т. / З. Фрейд. – СПб., 2005. – Т. 1. – 464 с.
13. Ханова, З.Р. Общий анализ преступлений против несовершеннолетних / З.Р. Ханова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – N 2. – С. 69-70.

Олег Александрович КОЖЕВНИКОВ,
профессор кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева;
профессор кафедры конституционного и междуна-
родного права Уральского государственного
экономического университета (г. Екатеринбург),
доктор юридических наук, профессор
jktu1976@yandex.ru

Антон Вячеславович КРЫСАНОВ,
доцент кафедры конституционного права
Уральского юридического института МВД России
имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук

AmK1984@e1.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СТАТУСА «САМОЗАНЯТЫХ» ЛИЦ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF «SELF-EMPLOYED» PERSONS IN RUSSIA: THEORETICAL ASPECT AND SOME RESULTS OF IMPLEMENTATION PRACTICE

Статья посвящена малоизученной в конституционно-правовой науке форме реализации гражданами права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности путем использования специального правового налогового режима индивидуальной экономической деятельности или так называемой самозанятости граждан. На основании анализа юридического и теоретико-доктринального материала проведено обобщение имеющихся подходов к пониманию термина «самозанятый», в результате чего делается вывод об отсутствии единообразного подхода в правовом регулировании исходных нормативных параметров статуса «самозанятого» лица, а также отмечается наличие, предпринимаемых в исследованиях экономико-правового профиля попыток выработать общепринятые содержательные характеристики изучаемой категории. В качестве рекомендации высказывается мысль о целесообразности нормативного универсального закрепления понятия и содержания статуса «самозанятых» граждан, базирующегося на принципах свободной рыночной экономики, надлежащего правового обеспечения предпринимательства и экономической инициативы в целях построения единства правоприменительной практики, обеспечения гарантированности конституционных прав и свобод «самозанятых» граждан.

The article is devoted to a form of realization by citizens of the right to free use of their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities, not prohibited by law, through the use of a special legal tax regime of individual economic activity or the so-called self-employment of citizens, which is little studied in constitutional and legal science. Based on the analysis of legal, theoretical and doctrinal material, a generalization of the existing approaches to understanding the term «self-employed» was carried out, as a result of which it was concluded that there is no unified approach in the legal regulation of the initial regulatory parameters of the status of a «self-employed» person; also the authors noted the presence of economic-legal profile of attempts to develop generally accepted substantive characteristics of the category under study. As a recommendation,

the idea is expressed of the expediency of normative universal consolidation for the concept and content of the status of «self-employed» citizens, based on the principles of free market economy, proper legal support for entrepreneurship and economic initiative in order to build unity in law enforcement practice, ensure the guarantee of constitutional rights and freedoms of «self-employed» citizens noted.. As a recommendation, the idea is expressed about the expediency of normative universal consolidation of the concept and content of the status of «self-employed» citizens, based on the principles of a free market economy, proper legal support for entrepreneurship and economic initiative in order to build unity of law enforcement practice, ensuring the guarantee of constitutional rights and freedoms of «self-employed» citizens.

Ключевые слова: конституционные социально-экономические права, решения Конституционного Суда РФ в сфере экономических отношений, индивидуальная экономическая деятельность, самозанятый гражданин, самозанятость.

Keywords: *constitutional social and economic rights, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the sphere of economic relations, individual economic activity, self-employed citizen, self-employment.*

Современные реалии развития экономических отношений, осложненные существенными ограничениями со стороны «недружественных» государств, диктуют необходимость для России и ее уполномоченных органов осуществлять поиск и внедрение оптимальных правовых механизмов, способствующих поддержанию инициативного поведения хозяйствующих субъектов, а также гарантий свободы экономической деятельности не только в коллективных, но и индивидуальных формах ее осуществления.

В известной мере Конституция Российской Федерации, обладая свойством высшей юридической силы, фиксирует в своем тексте базовые основы национальной экономической системы, среди которых особо следует выделить единство экономического пространства, поддержку конкуренции, защиту всех форм собственности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств; создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан; формирование отношений социального партнерства (статьи 8, 34, 35, 75.1).

При этом подчеркнем, что обозначенные конституционные начала экономического устройства государства и общества находятся

в исключительном ведении Российской Федерации, где они выражены в более конкретных сферах деятельности федеральных органов государственной власти (п.п. «е», «ж» статьи 71 Конституции РФ). Несомненно, ключевую роль в развитии положений Основного закона играет федеральный законодатель, который на основе ранее названных конституционных принципов, критериев и гарантий путем реализации своей законотворческой функции стремится создать комплексную, стройную систему законодательных актов, регулиующую порядок осуществления и условия экономической, в том числе предпринимательской, деятельности как индивидов, так и их объединений.

Немаловажную роль в деле конституционализации экономических отношений играют решения федерального органа конституционного контроля. Так, Конституционный Суд РФ отметил, что конституционным принципом экономической свободы предопределены правомочия, составляющие содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), реализуя которые граждане могут выбирать сферу экономической деятельности и осуществлять ее индивидуально либо совместно с другими лицами, пользуясь конституционными гаран-

тиями права собственности и поддержки государством добросовестной конкуренции¹.

Несколько ранее Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что существует вариативность способов реализации гражданами конституционных прав на свободу труда, свободу распоряжаться своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии, на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Возможность выбора у граждан при этом состоит в осуществлении наемного труда посредством свободного выбора рода деятельности и профессии на основании трудового договора, заключаемого с работодателем, либо же в реализации экономической деятельности самостоятельно в свободно избранной сфере индивидуально или совместно с другими лицами путем создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства.

В данном решении Конституционный Суд РФ также отмечает взаимообусловленность юридических последствий действий субъектов экономической деятельности и установленного для них федеральным законодателем правового статуса, который охватывает права, обязанности в совокупности с государственными гарантиями их реализации и меры ответственности².

Таким образом, в Российской Федерации все ветви государственной власти в рамках своих полномочий тем или иным образом формируют и реализуют конституционные гарантии свободы экономической деятельности, совершенствуя их как по форме, так и по содержанию.

В рамках настоящего исследования хотелось бы обратиться к одной из малоисследованных в настоящий период форм ре-

ализации гражданами права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности – использование специального правового налогового режима индивидуальной экономической деятельности (так называемые самозанятые граждане).

Указанная форма осуществления индивидуальной экономической деятельности гражданами путем выбора статуса «самозанятого» стремительно набирает популярность, что можно проиллюстрировать и фактически данными официально зарегистрированных «самозанятых» граждан по состоянию на 1 января 2022 г. В целом по России более 3 млн 800 тыс. человек избрали для себя приемлемым осуществлять экономическую деятельность в формате «самозанятости»³, что составляет порядка 3% всего работоспособного населения России и, по прогнозам специалистов, в ближайшие годы может достигнуть отметки в 5 млн человек [3].

Наибольшее количество «самозанятых» зарегистрировано в г. Москве (более 860 тыс. человек), далее с большим отставанием следует Московская область (свыше 320 тыс. человек), чуть менее «самозанятых» в Санкт-Петербурге (почти 272 тыс. человек). В Чукотском автономном округе всего 383 «самозанятых». В Свердловской области количество таких лиц превысило 112 тыс. человек, в Красноярском крае насчитывается почти 65 тыс. «самозанятых»⁴.

Несмотря на то обстоятельство, что термины «самозанятый гражданин», «самозанятость» как отдельная правовая категория в системе российского законодательства появились относительно недавно, в правовой науке данные категории употребляются достаточно часто. Так, А.В. Бурлак рассматри-

1 По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Солина : постановление Конституционного суда РФ от 09.04.2020 N 16-П. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.02.2022).

2 По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Н. Эрлих : постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2012 N 10-П. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.02.2022).

3 Статистика самозанятых на начало 2022 года по регионам. URL: <https://sznpd.ru/statistika-samozanyatosti-nachalo-2022/> (дата обращения: 12.03.2022).

4 Там же.

вает самозанятых граждан как самостоятельно обеспечивающую себя работой наравне с работающими по трудовому договору категорию граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию [2]. Е.А. Абрамова под самозанятыми понимает «владельцев малых, микропредприятий, предпринимателей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица, занятых в домашних хозяйствах» [1]. Е.Г. Крылова, подчеркивая особый характер деятельности самозанятых, определяет их как «физических лиц, занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью для получения прибыли в качестве средств к существованию», в связи с этим «устраиваться на работу им нет никакой необходимости» [4]. В учебном пособии под редакцией Н.А. Волгина категория «самозанятость» определяется как «форма экономической деятельности, когда сам человек находит для себя ее определенный вид, организует процесс труда, результаты которого обеспечивают его достойное существование» [5, с. 131]. М.Ю. Федорова, рассматривая формы самозанятости, полагает возможным разделить их на две группы и включить в первую предполагающие формализацию правового статуса гражданина (т.е. государственную регистрацию и (или) лицензирование осуществляемых им видов деятельности), а во вторую – не предполагающие таковой. К первой группе ею предлагается отнести деятельность индивидуальных предпринимателей, адвокатов, нотариусов, крестьянских (фермерских) хозяйств, а также иных субъектов, которые занимаются частной практикой в определенной профессиональной сфере и не обязаны регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей (например, арбитражных управляющих (ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), патентных поверенных (ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 316-ФЗ «О патентных поверенных»)). Ко второй группе форм самозанятости могут быть отнесены все иные виды самостоятельной экономической деятельности, указанные в статье 2 Закона РФ

«О занятости населения в Российской Федерации» [6].

Обращаясь к законодательному регулированию индивидуальной экономической деятельности, отметим Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который в совокупности с Налоговым кодексом РФ дифференцированно по времени ввели экспериментальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в субъектах Российской Федерации, прямо указанных в законе или же отнесенных к регионам, в которых такой специальный налоговый режим может быть установлен на основании закона субъекта Российской Федерации.

При этом очевидно, что и до принятия этого закона существовали отдельные нормативные правовые акты, которыми регулировалась деятельность адвокатов, индивидуальных предпринимателей, арбитражных управляющих, оценщиков и других лиц, работавших по гражданско-правовым договорам [3]. Однако в это время законодательная повестка о «самозанятых» получила импульс для развития в связи с необходимостью реализации поставленных перед Правительством Российской Федерации задач, обозначенных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в пункте 13 которого речь идет об обеспечении благоприятных условий осуществления деятельности самозанятыми гражданами посредством создания нового режима налогообложения. Однако Федеральный закон N 422-ФЗ, принятый для реализации этого положения, к сожалению, не конкретизирует правовую категорию «самозанятый», а лишь раскрывает содержание термина «профессиональный доход» (доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества).

На наш взгляд, ситуация терминологической запутанности усугубляется при об-

рашении к письму ФНС России 2 февраля 2017 г. N ГД-4-14/1786@ «О постановке на учет (снятии с учета) физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем и оказывающего без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд», которое содержит методические разъяснения положений Налогового кодекса РФ и ставит знак равенства между «самозанятыми» и лицами, которые отвечают критериям, перечисленным п. 7.3. ст. 83 этого кодекса:

- исключительно физическое лицо;
- не являющиеся индивидуальными предпринимателями;
- осуществляющие деятельность без привлечения наемных работников;
- цель использования результатов их деятельности – для личных, домашних и (или) иных подобных нужд физических лиц.

В Гражданском кодексе РФ также отсутствует понятие самозанятого. Законодатель как бы «аккуратно» упоминает о них, не называя, по существу, своим именем. Так, статья 23 ГК РФ определяет, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым пункта 1 названной статьи. При этом и к самозанятым указанное понятие можно привязать лишь условно, поскольку далеко не все граждане, обладающие юридически статусом самозанятых, фактически осуществляют предпринимательскую деятельность в том смысле, которую в нее закладывает законодатель в пункте 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, в настоящее время можно смело констатировать тот факт, что в законодательстве Российской Федерации и правоприменительной практике не сложилось единого нормативного закрепления и содержательного понимания категории «самозанятый гражданин», что привело к формированию двух подходов в понимании субъектов, относящихся к «самозанятым». Широкого – когда самозанятыми считаются лица, которые

самостоятельно обеспечивают себя работой в рамках гражданско-правовых договоров. Исходя из такого широкого понимания к самозанятым гражданам можно отнести индивидуальных предпринимателей; нотариусов, адвокатов и иных граждан, которые, как правило, выполняют работы или оказывают услуги по гражданско-правовым договорам и получают за это вознаграждение. И узкого, при котором к «самозанятым» причисляются лишь граждане, обеспечивающие свои потребности к труду в индивидуальной форме на основании гражданско-правовых договоров (как правило, к ним относятся лица, занимающиеся репетиторством, оказывающие услуги по присмотру и уходу за детьми, больными, по ведению домашнего хозяйства, иные услуги физическим лицам для личных, домашних и других подобных нужд). Но даже и такую классификацию самозанятых нельзя назвать завершенной. Так, в рамках названного узкого подхода очевидно сохраняется отсутствие в единстве терминологического понимания и содержания категории «самозанятый гражданин». В качестве примера можно привести введенный с 1 марта 2017 г. в России ГОСТ 12.0.004-2015 «Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения (вместе с «Программами обучения безопасности труда)», в котором «самозанятым» лицом признается «человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства».

Приведенные примеры отсутствия единства как в рамках научной доктрины, так и в рамках крайне противоречивой нормативной регламентации самозанятого как нового субъекта реализации индивидуальных конституционных экономических прав граждан в Российской Федерации в условиях нарастания «экономического давления» в лице недружественных государств очевидно ставят вопрос о необходимости разработки и внедрения единого подхода в закреплении и содержательном толковании понятия и статуса «самозанятых». В связи с этим представляется

не случайным, что в Минтруде РФ всерьез заговорили о потребности разработки нового закона о рынке труда в России, который, ко всему прочему, должен решить проблематику статуса «самозанятых».

В заключение отметим, что поскольку всякое конституционное право гражданина есть в первую очередь требование, обращенное к публичной власти, именно на публичную власть возлагается первичная обязанность по выработке нормативной основы экономической политики, созданию наиболее благоприятных условий для реализации конституционного статуса участников предпринимательской деятельности как непосредственно регулирующим воздействием, так и стимулированием самоорганизуемой экономической деятельности⁵. Указанное конституционно-правовое толкование обязанности

публичной власти в защите конституционных экономических прав должно быть несомненным ориентиром и двигателем в выработке единого подхода к пониманию и содержанию статуса «самозанятых» граждан, основанного на принципах свободной рыночной экономики, надлежащего правового обеспечения предпринимательства и экономической инициативы, в противном случае в отсутствие однозначности, ясности и непротиворечивости правового регулирования подобные «разночтения» в понимании «самозанятости», «самозанятого гражданина» очень вероятен рост ситуаций реализации правоприменителями возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод и приводящего к нарушению принципов равенства и верховенства закона.

⁵ По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева : постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 N 12-П.

Библиографический список

1. Абрамова, Е.А. Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития / Е.А. Абрамова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2012. – N 4 (32). – С. 6-15.
2. Бурлак, А.В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» / А.В. Бурлак // Вестник Омского государственного университета. Серия. Право. – 2016. – N 4(49). – С. 173-177.
3. Дацко, Ю.М. Проблемы правового регулирования самозанятых граждан / Ю.М. Дацко // Молодой ученый. – 2020. – N 45 (335). – С. 81-82.
4. Крылова, Е.Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом / Е.Г. Крылова // Юрист. – 2017. – N 6. – С. 11-15.
5. Рынок труда и доходы населения : учебное пособие / под ред. Н.А. Волгина. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1999. – 280 с.
6. Федорова, М.Ю. Особенности правового положения самозанятых граждан как субъектов обязательного социального страхования в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / М.Ю. Федорова // Бизнес, менеджмент и право. Научно-практический экономико-правовой журнал [Электронный ресурс]. – URL: http://bmpravo.usla.ru/show_stat.php?stat=871 (дата обращения: 07.04.2022).

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 34

Владислав Евгеньевич САНИН,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Сибирского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Новосибирск),
кандидат юридических наук
sanin.vlad1983@yandex.ru

Сергей Владимирович МЕРКУЛОВ,
адъюнкт Новосибирского военного института
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
(г. Новосибирск)
shatilova_oa@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

FEATURES OF INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIGHT AGAINST EXTREMISM AND WAYS TO IMPROVE IT

В статье показана роль взаимодействия между правоохранительными органами при организации мероприятий борьбы с экстремизмом. Акцентировано внимание на порядке взаимодействия подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с другими силовыми структурами, возникающие при этом проблемные вопросы. Определены пути совершенствования проводимых мероприятий взаимодействия между правоохранительными органами в борьбе с экстремизмом.

In the article the role of interaction between law enforcement agencies in organizing measures to combat extremism is showed. Attention is focused on the order of interaction of the units of the Federal Service of the Russian Guard Troops of the Russian Federation with other law enforcement agencies, the problematic issues arising in this case. The ways of improving the ongoing measures of interaction between law enforcement agencies in the fight against extremism are identified. The scientific novelty of the article lies in the disclosure of the features of interaction between law enforcement agencies in the organization of the fight against extremism.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремизма, правоохранительные органы, особенности взаимодействия, Росгвардия.

Keywords: *extremism, ideology of extremism, law enforcement agencies, peculiarities of interaction, the Russian Guard Troops.*

На современном этапе развития Российской Федерации ситуацию по борьбе с экстремизмом можно признать относительно стабильной. За 2020 г., в сравнении с 2019 г., сократилось на 10,1% количество преступлений, связанных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств¹. Такое положение дел достигается сосредоточением и централизацией необходимых усилий правоохранительных и иных государственных органов, которые образуют целостную систему противодействия экстремизму. Специалисты в области противодействия экстремизму утверждают, что такая система с каждым годом только повышает уровень взаимодействия и координации деятельности правоохранительных органов в вопросах профилактики экстремистских проявлений, минимизации распространения экстремистской идеологии, а также пресечения и предупреждения деятельности экстремистских организаций, подрыв их пособнической и ресурсной базы. Продолжает осуществляться совершенствование нормативного правового регулирования деятельности правоохранительных органов, координация их взаимодействия между собой [8].

Вместе с тем отмечается рост преступлений экстремистской направленности с использованием сети Интернет – в 2020 г. почти на 60%, их общий массив увеличился более чем на 40%. Каждое второе такое преступление связано с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (+49,7%, 223). Большинство указанных деяний зарегистрированы в субъектах Российской Федерации, входящих в Центральный (+34,3%, 47) и Приволжский (+64%, 41) федеральные округа².

Очевидной становится необходимость выработки определенных путей совершенствования организации взаимодействия пра-

воохранительных органов в деятельности по борьбе с экстремизмом.

Рассматривая проблему экстремизма, следует отметить, что подходов к его толкованию – огромное количество, большинство работ имеют как раз юридическое направление. В современном российском законодательстве понятие «экстремизм» сопоставляется с термином «экстремистская деятельность». В основополагающем Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» содержится перечень действий, которые признаны в государстве экстремистскими. Вместе с тем в научном сообществе отдельные исследователи считают, что экстремизм – более емкое понятие [4; 8]. Например, профессор А.Г. Залужный понимает под феноменом экстремизма «действия, а также в публичной форме выраженные взгляды и намерения, преследующие своей целью нарушение или проявление неуважения к установленным законом правам и свободам граждан, нарушающие в этой связи общепринятые и справедливые нормы морали, общественный порядок и общее благосостояние в демократическом обществе» [7, с. 186].

Юридическая категория экстремизма складывается из преступлений, за которые предусматривается уголовная ответственность, и административных правонарушений. Соответственно, гарантом сохранения национальной безопасности и конституционного строя страны является деятельность субъектов по противодействию таким деяниям. К ним относятся федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления³. В статье рассматривается организация взаимодействия между федеральными министерствами и службами органов государственной власти, а именно: Министерство внутренних

1 Сборник «Состояние преступности в России»: Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1776722/> (дата обращения: 16.02.2021).

2 Там же.

3 Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 29.05.2020 N 344.

дел Российской Федерации (МВД России), Министерство обороны Российской Федерации (МО России), Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст России), Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России), Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплено, что одним из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности является «развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности»⁴. Специалисты в области права отмечают, что потребность во взаимодействии между правоохранительными органами объективно необходима не только на уровне «вертикали» разработанной организационной структуры, но и между всеми подразделениями, принимающими участие в борьбе с экстремизмом [2, с. 65]. Ведь борьба с экстремизмом обусловлена комплексным характером выполнения задач, агрессивным и стремительным распространением идеологии экстремизма, важностью согласованности в применении эффективных форм и методов борьбы, территориальными границами размещения подразделений правоохранительных органов.

Так, среди проблем правового характера, влияющих на организацию взаимодействия правоохранительных органов с целью достижения нужного результата при выполнении задач по борьбе с экстремизмом, но с применением наименьших затрат, имеется возможность выделить следующие:

- регулирование вопросов взаимодействия, в том числе и информационного, между правоохранительными органами либо отсутствует вообще, либо осуществляется ведомственными нормативными актами, которые имеют узконаправленный характер;
- координация работы с информационными ресурсами правоохранительных органов неэффективна, в частности, в вопросах

доступа к локальным информационным системам.

Общее управление взаимодействием правоохранительных и других органов государственной власти и органов местного самоуправления осуществляется Межведомственной комиссией по противодействию экстремизму в Российской Федерации. Возглавляет эту комиссию министр внутренних дел России, руководители вышеперечисленных федеральных министерств и ведомств входят в ее состав⁵.

Организация взаимодействия между правоохранительными органами при организации борьбы с экстремизмом строится на определенных принципах. К основным можно отнести гласность, законность, систематичность, научность, принятие совместных решений, разграничение компетентности. Взаимодействие само по себе не является какой-то определенной формой или методом. Оно постоянно видоизменяется в зависимости от характера выполняемой задачи конкретным субъектом противодействия экстремизму.

Следует выделить особенности организации взаимодействия и его виды. Наиболее часто выделяемый специалистами вид взаимодействия между правоохранительными органами – информационное [1, с. 211]. Обмен информацией об оперативной обстановке происходит постоянно по итогам прошедших суток. Потоки этой информации идут вверх и вниз по вертикали, а также и по горизонтали. Вместе с тем в таком взаимодействии информацией возникает проблемный вопрос, так как конфиденциальную информацию можно получить от ведомства только по запросу, что, в свою очередь, замедляет отдельные виды деятельности, например оперативно-розыскную [6].

Взаимные консультации и согласование методов решения совместных задач по своей сути представляют методическое взаимодействие. Оно широко применяется в ходе

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 N 400.

⁵ О межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 26.07.2011 N 988.

организации и проведения специальных мероприятий (операций). При организации управленческой деятельности внутри ведомства и между правоохранительными органами характерно функциональное взаимодействие, т.е. совместное выполнение различных по характеру, содержанию функций управления. Такое взаимодействие осуществляется в процессе совместного планирования действий, организации совместной деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению деятельности экстремистских организаций.

Еще принято выделять прямое и косвенное взаимодействие; эпизодическое, систематическое и постоянное; одностороннее и двустороннее (к этому необходимо добавить многостороннее взаимодействие); кратковременное и долговременное; непосредственное и опосредованное [5, с. 49].

К особенностям взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом относят выработку единого консолидационного подхода к проблеме противодействия экстремизму и распространению его идеологии, что становится результатом совместных совещаний специалистов в данном направлении, проведение целевых совместных мероприятий для устранения причин и условий, способствующих росту образования экстремистских организаций и их деятельности соответственно, обмен опытом в результате организации совместных семинаров и конференций, издание совместных ведомственных нормативных актов, выпуск совместных методических и информационных документов, разработку и утверждение согласованных планов и мероприятий. Например, в распоряжении Генеральной прокуратуры РФ, МВД России и ФСБ России от 16 декабря 2008 г. N 270-27р/1-9789/38 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» подчеркива-

ется важность активизации деятельности по предупреждению и пресечению экстремизма, акцентировано внимание на необходимость организации надлежащего взаимодействия между правоохранительными органами. Основы взаимодействия ведомств рассмотрены в приказе Минюста России, МВД России и ФСБ России от 25 ноября 2010 г. N 362/810/584 «О взаимодействии Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации в целях повышения эффективности деятельности учреждений (подразделений), осуществляющих проведение исследований и экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма». Следует заметить, соблюдая принцип научности, указанные особенности взаимодействия должны рассматриваться в их постоянном развитии, так как любые изменения оперативной обстановки привносят коррективы, способствуют совершенствованию существующих и появлению новых форм.

Согласно законодательству Российской Федерации прерогатива выполнения задач по борьбе с экстремизмом возлагается на ФСБ России⁶ и МВД России⁷. Исходя из вышеизложенного становится ясно, что проблема противодействия экстремизму обладает комплексностью и не может быть полностью решена без взаимодействия или поддержки войсковой составляющей.

Вооруженные силы МО России участвуют в выполнении задач по борьбе с экстремизмом в пределах своей компетенции на территории суши и акватории Российской Федерации в профилактических специальных операциях (мероприятиях), а также в пресечении международной экстремистской деятельности за ее пределами. Все-таки основной задачей вооруженных сил является участие в боевых действиях по защите государства от внешних посягательств и угроз⁸. Поэтому для обеспечения внутренней безо-

6 О Федеральной службе безопасности Российской Федерации : Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ.

7 О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 06.09.2008 N 1316.

8 Вопросы Министерства обороны Российской Федерации : Указ Президента РФ от 16.08.2004 N 1082.

пасности государства в 2016 г. была создана Росгвардия⁹. На новую федеральную службу законодательно возложена задача участия в борьбе с экстремизмом и терроризмом¹⁰. Такая интерпретация в законе подразумевает, что самостоятельно подразделения Росгвардии мероприятия по борьбе с экстремизмом не выполняют, тем самым соблюдается принцип комплексности. В связи с этим директор Росгвардии включен в состав Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации. Специалисты ведомства взаимодействуют в вопросах противодействия экстремизму с другими правоохранительными органами. Для этого руководители территориальных органов и командиры воинских частей участвуют в межведомственных координационных совещаниях, на которых акцентируется внимание на выделении сил и средств войскового резерва от Росгвардии для обеспечения профилактических мероприятий либо специальных мероприятий (операций). Следует отметить тот факт, что на этапе становления Росгвардии при организации планирования, подготовки и применения подразделений к участию в борьбе с экстремизмом возникали проблемные вопросы. В.В. Мельников затрагивает основные из них. Например: в чье подчинение выделяются силы и средства подразделений, сколько резервов необходимо содержать одновременно и другие [3, с. 247]. Возникновение проблемных вопросов связано в первую очередь с тем, что изначально отсутствовали теоретические основы и методологический аппарат в области применения подразделений войск, слабо был изучен опыт применения аналогичных силовых структур в зарубежных странах. Обсуждение проблемных вопросов и выработка рекомендаций по эффективному применению подразделений и межведомственному взаимодействию в ходе становления Росгвардии осуществлялась в период проведения мероприятий боевой подготовки, учений, научной и научно-технической деятельности.

Традиционным становится участие специалистов в области противодействия экстремизму от МВД России и ФСБ России в учениях, организуемых в подразделениях Росгвардии. Благодаря этому между ведомствами осуществляется обмен положительным опытом в борьбе с экстремизмом. В частности, осуществляются выработка новых подходов по выявлению сторонников экстремистских организаций, определения их лидеров; согласование порядка применения средств вооружения и техники при проведении специальных операций по ликвидации экстремистских организаций; интеграция современных информационных технологий и робототехнических комплексов.

Следует констатировать, что взаимодействие между правоохранительными органами играет важную, а порой и решающую роль в борьбе с экстремизмом. Благодаря ему устраняется дублирование задач и мероприятий федеральных министерств и ведомств, снижается необходимость дополнительного привлечения сил и средств, осуществляется наиболее эффективное использование ресурсов по своевременному обнаружению, предупреждению и минимизации последствий деятельности экстремистской организаций.

Вместе с тем проблемные вопросы в организации взаимодействия все же имеются. С целью решения проблем, указанных в статье, предлагается:

- осуществлять разработку нормативных актов по организации взаимодействия между правоохранительными органами на федеральном или региональном уровнях;
- дополнять разработанные нормативные акты методическими рекомендациями по управленческим вопросам их реализации;
- осуществлять межведомственное объединение информационной базы данных или создание единого реестра с равным доступом всех правоохранительных органов, на которые законодательно возложена задача борьбы с экстремизмом.

⁹ Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.04.2016 N 157.

¹⁰ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ.

Таким образом, подводя итог, выделим пути совершенствования организации взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом:

– оформление на региональном уровне на конечный промежуток времени (от года до трех лет) целевых программ по профилактике экстремистских проявлений и противодействию экстремизму;

– своевременная корректировка нормативной базы координационной деятельности посредством внесения обоснованных практикой и опытом борьбы с экстремизмом изменений и дополнений в вопросах взаимодействия между правоохранительными органами;

– составление аналитических данных на основе анализа деятельности правоохранительных органов по борьбе с экстремизмом

с результативной оценкой каждого силового ведомства.

Результатом реализации перечисленных мероприятий станет эффективное использование региональных возможностей и условий деятельности правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом, что, в свою очередь, поспособствует преодолению политики ведомственной изоляции, актуализирует использование информационного обеспечения правоохранительных органов.

Направлением дальнейшего исследования может послужит проведение анализа организации взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации с аналогичными силовыми структурами зарубежных государств.

Библиографический список

1. Вострокнутов, А.Л. Организация межведомственного взаимодействия правоохранительных органов в противодействии преступлениям террористического характера / А.Л. Вострокнутов, В.В. Зыков // Вестник экономической безопасности. – 2019. – N 4.
2. Захватов, И.Ю. Вопросы межведомственного взаимодействия по вопросам противодействия терроризму и экстремизму / И.Ю. Захватов, В.Ю. Карулин // Криминологические проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – N 2 (34).
3. Мельников, В.В. Особенности планирования применения войск национальной гвардии к участию в выполнении задач по борьбе с экстремизмом и терроризмом / В.В. Мельников, С.А. Собищанский // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : сборник научных статей. – Новосибирск, 2017.
4. Можегова, А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.
5. Попов, С.Е. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера на территории федерального округа (правовые, организационные аспекты) : монография / С.Е. Попов. – М., 2004.
6. Румянцев, Н.В. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности / Н.В. Румянцев, В.Н. Омелин // Юридическая наука и практика. – 2018. – N 1 (41). – С. 197-201.
7. Экстремизм в России: проблемы профилактики и противодействия : материалы круглого стола / под общ. ред. А.Г. Залужного. – М., 2012.
8. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор : монография / П.В. Агапов, С.В. Борисов, А.С. Васнецова [и др.] ; Академия Генеральной прокуратуры РФ. – М.: Проспект, 2016.

УДК 343.14

Ольга Геннадьевна ИВАНОВА,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института Сибирского
федерального университета (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
kuchkina_olya@mail.ru

Павел Андреевич НЕДБАЙЛОВ,
магистрант Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)
kuchkina_olya@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ЕЕ МЕСТО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

DIGITAL INFORMATION AND ITS PLACE IN CRIMINAL PROCEDURE PROOF

В статье исследуется проблема использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам. Ставится вопрос о том, чем является цифровая информация в процессе доказывания, может ли она восприниматься в качестве объекта доказывания и должна ли трансформироваться в один из уже существующих видов доказательств, или же необходимо выделение ее в качестве отдельного самостоятельного вида – цифрового доказательства.

В рамках рассмотрения данных вопросов определяется правовая природа следов, формирующихся в цифровой среде, подчеркиваются существенные особенности, позволяющие выделить данные следы в особую группу цифровых следов. Проводится анализ свойств цифровой информации, делается вывод о наличии признаков, существенно отличающих цифровую информацию от информации, фиксируемой в рамках других видов доказательств, и в целом о том, что выделение «цифрового доказательства» хоть и обосновано теоретически, но на сегодняшний день преждевременно, и цифровая информация вполне может быть воспринята в рамках вещественного доказательства или иного документа.

The issue of using digital information in proving on criminal cases is in the process of proof and whether it can be perceived as an object of proof and whether it should be transformed into one of the already existing types of evidence or whether it is necessary to single it out as a separate independent type of «digital considered in the article. The question is raised about the nature of digital information evidence».

Within the frame of the consideration of these issues, the legal nature of traces formed in a digital environment is determined, the essential features allowing to single out these traces in a special group of digital traces are emphasized. The analysis of the properties of digital information is carried out. The conclusion is made that there are signs that significantly distinguish digital information from information recorded within other types of evidence, and in general that the allocation of «digital evidence», although theoretically justified, is premature today, and digital information may well be perceived as part of physical evidence or other documents.

Ключевые слова: цифровая информация, следы преступлений, доказательство, цифровое доказательство, процессуальная форма..

Keywords: digital information, traces of crimes, evidence, digital evidence, procedural form.

В современном обществе стремительно развиваются цифровые технологии, с каждым днем увеличивается поток воспринимаемой людьми информации. Она приобретает общедоступный характер, а ее использование играет важнейшую роль практически во всех сферах деятельности человека. Юриспруденция не исключение, растет правовое значение информации, а ее правовое регулирование становится приоритетным направлением законодательной деятельности. На сегодняшний день особо остро стоит вопрос использования цифровой информации в уголовном процессе, в том числе в качестве доказательств по уголовным делам. Однако нам еще предстоит определиться с правовой природой цифровой (электронной, компьютерной) информации, а также выработать единообразные подходы к ее закреплению и использованию в уголовном процессе. Чем же является такая информация – доказательством, объектом доказывания, следом преступления?

Наиболее распространенный современный подход к пониманию доказательства строится на теории единства содержания и формы доказательства, которая, в свою очередь, базируется на информационной концепции доказательств. Как отмечает С.А. Шейфер, доказательство представляет собой неразрывное единство сведения и источника его получения относительно доказываемых фактов, обстоятельств. Это сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму [18, с. 56].

В связи с этим вопрос о выделении цифровой информации в качестве самостоятельного вида «цифрового» доказательства, а также определении его места среди других видов доказательств неразрывно связан с вопросом содержания и формы такого доказательства, а также процесса его «формирования».

Формирование доказательства представляет собой преобразование первичной доказательственной информации, извлекаемой субъектом доказывания из следов, оставленных событием преступления, в надлежащую процессуальную форму [18, с. 33].

Информационная концепция понятия доказательства имеет под собой методологическую основу в виде диалектического материализма, теории отражения и основных постулатов кибернетики [7, с. 102]. Любое событие прошлого, включая преступление, отображается на окружающих объектах. Отражение является свойством материи, которое заключается в том, что объекты действительности способны запечатлевать результаты их взаимодействия с другими объектами. Такие результаты их взаимодействия в криминалистике принято называть следами. Этими следами могут быть предметы, документы, брызги крови, отпечатки пальцев, а могут быть переписка в телефоне или видеозапись, выложенная в Интернет. Работая со следами, снимая с них информацию, мы постепенно узнаем о произошедшем событии.

Традиционно выделяются две группы следов: реальные (материальные) и идеальные [13, с. 261]. Реальные следы – это материальные объекты или изменения на объектах материального мира. Они доступны для восприятия и познания человеком непосредственно, как правило, через органы чувств. Такие следы всегда обладают определенными физическими свойствами: объем, масса, размер и т.д. В рамках данной группы выделяют следы-предметы (объекты, имеющие устойчивую внешнюю форму), следы-вещества (объекты, находящиеся в различных агрегатных состояниях) и следы-отображения (следы в узком смысле, как отображения одного предмета на другом) [11, с. 133-134]. Такие следы и информация, содержащаяся в них, чаще всего фиксируется и закрепляются в рамках вещественных доказательств.

Идеальные следы недоступны для непосредственного восприятия субъектом доказывания, поскольку они представляют собой мысленные образы и воспоминаний людей, запечатлевшиеся в памяти человека. Воспринимаются они, как правило, посредством речи и не могут быть изучены без согласия и участия человека – носителя данных следов. Такие следы фиксируются в рамках получения показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и т.д.

В последнее время в научной среде все чаще ведутся разговоры о появлении нового вида следов – возникающих в цифровом пространстве. В общем понимании такие следы представляют собой определенные изменения (модификацию, копирование, удаление и т.д.), произошедшие в электронно-цифровой среде. Окончательного определения данным следам еще не дано, в научных работах используются такие понятия, как «виртуальный» [12, с. 104], «информационный» [17, с. 34], «электронный» [10, с. 34], «цифровой» [16, с. 7] след и другие.

Кроме того, до конца не разрешен вопрос о самостоятельности таких следов и их месте в криминалистической классификации. Ряд исследователей предлагают не выделять такие следы в качестве самостоятельных, поскольку они обладают основными признаками материальных и являются своего рода «невидимыми» материальными следами [2, с. 17; 10, с. 35]. Распространено мнение и о том, что такие следы не относятся ни к материальным, ни к идеальным следам, и их следует выделять в отдельную категорию [4, с. 254-255; 5, с. 64].

С одной стороны, важнейшим признаком материального следа является его относимость к объектам материального мира, которые осязаемы, состоят из вещества. И возникают они именно в результате прямого взаимодействия реальных объектов, в связи с чем материальный след всегда обладает определенными физическими характеристиками. Кроме того, между следом и объектом – носителем материального следа имеется жесткая неразрывная связь, поскольку при уничтожении объекта, как правило, будет утерян и сам след, который он хранил на себе.

Цифровой след не относится к объектам материального мира. Он формируется в совершенно иной среде и имеет совершенно иную природу и механизм следообразования. Такой след появляется не в результате физических изменений объектов, а в результате изменений цифрового кода в файловой системе, сохраняющихся в памяти цифрового устройства. По сути, он создан усилием воли, умственным усилием человека. При уничто-

жении некоего объекта, на котором он был найден, «цифровой» след может быть сохранен. Это связано с тем, что такой след и «копия» такого следа идентичны и могут отражаться на множестве различных устройствах. Например, аудиосообщение, отправленное с одного телефона и удаленное оттуда, может остаться на втором устройстве, в «облаке» и т.д.

Да, такие следы обладают определенными качественными и количественными характеристиками, но данные характеристики не отображают его физических свойств. Так, например, размер информации не отражает ее физическую массу и никак с ней не связан. Это лишь количество кодируемых, передаваемых или хранимых символов.

С другой стороны, поскольку любые взаимодействия, протекающие в электронно-цифровой среде (в компьютерах, телефонах, видеорегистраторах, иных технических устройствах, сети интернет и т.д.), являются в первую очередь физическими, а в основе их лежат электромагнитные, а иногда и механические процессы, то в механизме следообразования такого рода следов всегда будет существовать физический уровень, так как изменения цифрового кода происходят посредством различных сигналов электромагнитной природы, которые имеют определенные физические свойства. Однако достаточно ли этого для того, чтобы признавать, что такие следы имеют материальную природу? Вряд ли. В любом случае, несмотря на то, являются ли такие следы «невидимыми материальными» или самостоятельным видом следов, практически всеми исследователями констатируется, что такие следы имеют специфику и особый порядок следообразования. Совершенно очевидно, что между «электронным» следом и следом реальным или идеальным имеются существенные различия.

Помимо появления «нового» вида цифровых следов, сама специфика и особенности цифровой информации также подталкивают к исследованию этих объектов как самостоятельного вида доказательств.

Цифровая информация – информация, представленная в двоичной форме, переда-

ваемая любыми физическими сигналами и воспринимаемая человеком посредством использования компьютерных или иных технических устройств. Важнейшими признаками цифровой информации являются: нахождение (хранение и передача) такой информации в форме двоичного кода, невозможность непосредственного ее восприятия человеком, а также пригодность для считывания и воспроизведения компьютерными или иными техническими устройствами.

Данные признаки существенно отличают цифровую информацию от информации, фиксируемой в рамках других видов доказательств. Так, например, при получении показаний, как вида доказательств, источником передаваемых сведений (информации) всегда будет являться только человек. Как отмечал А.Р. Ратинов, показания – это исходящая от лица информация, которая не существует вне своего речевого носителя [15, с. 211]. Кроме того, сама информация передается посредством устной речи, а не в форме цифровых сигналов.

В рамках вещественных доказательств средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела, служит сам объект (носитель информации) посредством своих объективных свойств, внешнего вида, расположения в пространстве, а также иных физических свойств. Ключевую роль играют именно определенные качества объекта, связанные с доказательственной информацией. Информация, заключенная в вещественном доказательстве неразрывно связана с материальным объектом, являющимся ее носителем, и указывает на события посредством физических признаков данного объекта.

Информация в рамках существующих видов доказательств обычно содержится в естественной (некодированной) форме, что в большинстве случаев позволяет непосредственно воспринимать ее человеком.

Носитель цифровой информации не является средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Необходимая доказательственная информация не определяется его внешними физическими свойствами.

В данном случае имеет значение сама цифровая информация, сведения, хранящиеся на нем. Хоть информация и находится на материальном носителе, физические характеристики и свойства этого носителя никак не отражают ту информацию, которая на нем записана, она не имеет жесткой привязки к своему носителю, поскольку может быть без изменений перенесена на иной носитель. Сама же информация передается или извлекается субъектом познания в подавляющем большинстве случаев из какого-либо цифрового устройства. Находясь на материальном носителе, она всегда представлена в виде двоичного кода, и для восприятия ее человеком необходимо специальное техническое устройство.

Таким образом, мы видим, что в структуре цифрового и других видов доказательств есть существенные различия. Событием преступления формируются разные по природе следы. Сама цифровая информация обладает рядом особенных специфических черт, не свойственных информации, закрепляемой в рамках других видов доказательств. Исходя из этого, ряд процессуалистов говорят о том, что при работе с такими следами и такой информацией должен появляться и самостоятельный вид «цифрового доказательства» [3, с. 81; 9, с. 30].

Однако есть основания полагать, что выделение отдельного вида «цифрового доказательства» является преждевременным. Это объясняется тем, что выделение самостоятельного вида доказательства должно быть обусловлено и тем, что каждый вид доказательств, помимо своих особых признаков, должен иметь еще свой особый порядок собирания и закрепления, свою особую процессуальную форму. Однако предусмотреть существенно иной порядок собирания и закрепления цифровой информации в условиях традиционного (письменного) уголовного судопроизводства, когда закрепление доказательственной информации осуществляется в «бумажном» виде, в письменных протоколах следственных действий не представляется возможным.

Любое доказательство может быть получено только путем проведения следственных и иных процессуальных действий и должно быть облечено в надлежащую процессуальную форму. Такой формой в современном уголовном процессе является письменный протокол следственного или иного процессуального действия либо же постановление о приобщении к материалам дела.

Поскольку цифровая информация, по крайней мере при рассмотрении вопроса о признании ее доказательством по уголовному делу, не может существовать отдельно от материального носителя, а он является способом выражения ее в материальном мире, то и порядок собирания и закрепления такой информации всегда будет опосредован через порядок собирания и закрепления ее носителей – объектов материального мира, а значит, через порядок собирания и закрепления вещественных доказательств или доказательств-документов.

Таким образом, для выделения цифровой информации в самостоятельный вид доказательств необходимо предусмотреть для нее особый порядок сбора и закрепления. Полагаем, что это станет возможно только в рамках появления цифрового (электронного) документооборота при расследовании уголовных дел, формирования электронных уголовных дел. Установление же порядка, тождественного порядку собирания и закрепления вещественных доказательств либо документов-доказательств, фактически не придаст никакого процессуального значения выделению отдельного вида цифрового доказательства.

На это обращает внимание и П.С. Пастухов. Он отмечает, что главная проблема

внедрения электронной информации в российское уголовное судопроизводство заключается в том, что существующая следственная (письменная) форма, в которой происходит формирование уголовно-процессуальных доказательств и на которой основан правовой стандарт допустимости доказательств, создает концептуальное препятствие для реализации потенциала информационных технологий в уголовном судопроизводстве, прежде всего – перевода письменного документооборота в электронный [14, с. 700].

В связи с этим следует согласиться с утверждением, что на сегодняшний день цифровая информация и цифровые носители информации могут быть восприняты в рамках уже существующих видов доказательств: вещественного доказательства или иного документа [1, с. 87; 6, с. 132-133; 14, с. 703].

Таким образом, можно отметить, что в теории сложились предпосылки к выделению нового вида «цифрового доказательства». Наличие у цифровой информации определенных специфических свойств, отличающих ее от других видов информации, закрепляемой в рамках иных видов доказательств, а также существование особого вида «цифровых» следов (пусть даже и в рамках подвида материальных следов) бесспорно. Однако на сегодняшний день такое выделение преждевременно, поскольку будет лишено особого процессуального значения.

Научная мысль должна продолжать работу по развитию положений о работе с цифровыми следами и цифровой информацией. Глобально должна развиваться мысль о внедрении информационных технологий в процесс расследования уголовных дел.

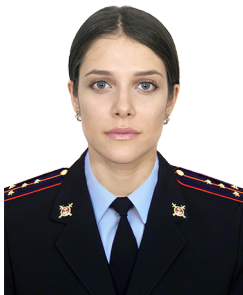

Библиографический список

1. Балашева, А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Балашева. – М., 2020. – 216 с.
2. Вехов, В.Б. Электронные следы в системе криминалистики / В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский, С.А. Ковалев // Судебная экспертиза. – 2016. – N 2. – С. 10-19.
3. Воронин, М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М.И. Воронин // Lex Russica. – 2019. – N 7 (152). – С. 74-84.
4. Давыдов, В.О. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера / В.О. Давыдов, А.Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – N 3. – С. 254-259.
5. Дерюгин, Р.А. Криминалистика в условиях информатизации общества / Р.А. Дерюгин // Академическая мысль. – 2019. – N 3. – С. 62-66.
6. Зазулин, А.И. Компьютерная информация в уголовном процессе: сущность и способы закрепления в качестве доказательства по уголовному делу / А.И. Зазулин // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – N 6. – С. 130-133.
7. Зазулин, А.И. О форме и содержании понятия «доказательство по уголовному делу» / А.И. Зазулин // Сибирское юридическое обозрение. – 2017. – Т. 14. – N 1. – С. 101-104.
8. Зазулин, А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Зазулин. – Екатеринбург, 2018. – 251 с.
9. Зигура, Н.А. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России : монография / Н.А. Зигура, А.В. Кудрявцева. – М., 2011. – 176 с.
10. Кольчева, А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Кольчева. – М., 2019. – 199 с.
11. Комиссарова, Я.В. Понятие и классификация следов в криминалистике / Я.В. Комиссарова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – N 3. – С. 131-141.
12. Мешеряков, В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В.А. Мешеряков – Воронеж: ВГУ, 2002. – 407 с.
13. Мороз, А.В. Понятие «материальные следы преступления» / А.В. Мороз // Общество и право. – 2010. – N 5. – С. 261-264.
14. Пастухов, П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств / П.С. Пастухов // Пермский юридический альманах. – 2019. – С. 695-706.
15. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 352 с.
16. Цифровые следы преступлений : монография / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин [и др.]. – М.: Проспект, 2021. – 168 с.
17. Шаповалова, Г.М. Возможность использования информационных следов в криминалистике (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Г.М. Шаповалова. – Владивосток, 2005. – 210 с.
18. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 238 с.

УДК 343.98

Алена Николаевна ЕРЕМЕЕВА,
преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

alena.eremeeva91@mail.ru.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВОЛЮЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

THE HISTORICAL ASPECT OF THE EVOLUTION OF FORENSIC METHODS OF CRIME INVESTIGATION IN RUSSIA

В статье рассматривается исторический аспект эволюции криминалистической методики расследования преступлений в России. Выделены исторические этапы становления криминалистической методики расследования от зарождения протокриминалистических знаний в Древней Руси до появления современных направлений в методике расследования преступлений. Особое внимание уделяется ситуационному подходу в расследовании преступлений, констатируется его практическая значимость в настоящее время.

The article deals with the historical aspect of the evolution of forensic methods of crime investigation in Russia. The historical stages of the formation of the forensic investigation methodology from the origin of proto-forensic knowledge in ancient Russia to the emergence of modern trends in the methodology of crime investigation are highlighted. Special attention is paid to the situational approach in criminal investigation, its practical significance at present is stated.

Ключевые слова: эволюция, криминалистическая методика, расследование преступлений, протокриминалистические знания, ситуационный подход, криминалистическая ситуалогия.

Keywords: *evolution, forensic methodology, crime investigation, proto-forensic knowledge, situational approach, forensic situology.*

Вне зависимости от исторического периода и уровня развития государства особое место в его функционировании занимают борьба с преступностью и устранение условий ее роста.

Согласно статистическим данным практически половина зарегистрированных в Российской Федерации в 2021 г. преступлений (46,5%) остались нераскрытыми¹.

Одним из элементов, позволяющих осуществлять борьбу с преступностью на систематической основе, является эффективное расследование при его надлежащем криминалистическом обеспечении [11, с. 6]. Этой задаче служат теоретическая разработка и внедрение в практику криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений.

¹ Портал правовой статистики : официальный сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 25.01.2022).

Несмотря на существование большого количества авторских методик расследования преступлений, изменение общественных отношений, нестабильная социально-экономическая ситуация в стране, влекущие появление новых форм противоправной деятельности, требуют совершенствования имеющихся криминалистических методик расследования преступлений и разработки новых.

В историческом генезисе отечественной методики расследования преступлений можно выделить следующие этапы:

- зарождение протокриминалистических знаний о методике расследования преступлений в Древней Руси и средневековом обществе;
- появление криминалистических методик в царской России;
- развитие советской методики расследования преступлений (выделение криминалистических знаний в самостоятельную научную область);
- появление современных направлений в методике расследования преступлений.

Первые письменные упоминания о правилах отыскания истины можно обнаружить в мирном договоре князя Олега Вещего с Византией (911 г.), который был отмечен монахом Нестором в повести «Временных лет». В договоре говорится: «А в главах, если случится злодейство, постановим таким образом: те коварства, которые будут доступны, будут доказаны фактами, считать их с достоверностью установленными»². Древнерусское законодательство, появившееся позднее, также содержало нормы об организации розыска и изобличении преступника – Русская правда (1016 г.)³, Псковская судная грамота (1397 г.).

В 1440 году появилась Новгородская Судная грамота. Анализируя текст данного документа, можно прийти к выводу о том, что именно в этом документе зарождаются предпосылки к появлению совокупности опреде-

ленных действий, совершающихся в определенной последовательности (обозревание следов преступления, допрос обвиняемого, получение показаний от свидетелей и людей посторонних)⁴.

Данные исторические акты не просто закрепляли нормы о преступных деяниях, но и отчасти отражали систему процессуальных и розыскных действий того времени, необходимых для установления обстоятельств по делу.

Непосредственное влияние на развитие и установление протокриминалистической методики расследования преступлений оказал период правления Ивана IV, прозванного Грозным. При нем появляются губные избы – учреждения, возглавляемые выборными губными старостами, созданные для розыскания и наказания лихих людей. Люди, которые входили в губные избы, назывались губными старостами. Деятельность губных изб главным образом регулировалась Разбойным приказом. Компетенция губных изб закреплялась в губных грамотах, подписываемых царем. По губным грамотам старостам предписывалось обыскивать и наказывать лихих людей и разбойников. В этих документах можно проследить предпосылки становления теоретических основ методики расследования преступлений.

Например, совокупность и последовательность действий по разбойным делам в случае поимки преступника с поличным согласно Разбойному приказу была такой: «преступника пытать, и затем указ чинить, до чего доведется», т.е. в зависимости от его показаний (признательных или нет) казнить или сажать в тюрьму. Если поличное изымалось истцами без пристава и понятых, а обвиняемый отрицал свою вину, то необходимо было делать обыск и уже «по обыску чинить указ»⁵. Такой же комплекс действий осуществлялся в случае отказа обвиняемого представить поличное истцу в присутствии пристава.

2 *Fontes historiae Magni Ducatus Lithuaniae*. Starbel.by : официальный сайт. URL: <http://starbel.by/dok/d119.htm> (дата обращения 26.10.2021).

3 Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина : официальный сайт. URL: <http://музейреформ.рф/node/13624> (дата обращения 04.11.2021).

4 Право России : официальный сайт. URL: <https://allpravo.ru/library/doc313p/instrum3943/item3948.html> (дата обращения 04.11.2021).

5 Там же.

Так постепенно зарождались протокриминалистические знания о методике расследования преступлений в древнем обществе. Эти знания, подкрепленные практикой расследования, как правило, находили отражение в нормах законодательства того времени.

Следующий исторический этап развития криминалистической методики расследования можно связать с первым государем из династии Романовых, при котором совершенствуется порядок действий при расследовании неочевидных преступлений.

Также данный период характеризуется появлением прообраза частных методик расследования отдельных преступлений, а именно «государевых» преступлений⁶. Воевода был обязан допросить изветчика и обвиняемых, избрать в отношении обвиняемых меру пресечения (если в воеводской «отписке» не было указано на меру пресечения, это рассматривалось как пробел и упущение), провести очные ставки с изветчиком (непроведение очных ставок также влекло для воеводы «выговор» из Москвы), допросить свидетелей [16].

Соборное уложение 1649 года также продолжает совершенствовать криминалистические методики расследования преступлений. Уложение содержало отдельные статьи, посвященные методике расследования наиболее значимых преступлений того периода, а именно разбоя, татьбы, убийства, поджога, подделки документов и иных «лихих дел», помещенных в XXI главу («О разбойных и о татыных делах»)⁷.

Соборное уложение несколько раз видоизменялось и дополнялось различными статьями, позже огромный массив противоречивых нормативных актов стал предпосылкой теоретического исследования методики расследования преступлений учеными-современниками.

6 Государевы преступления – это преступления против верховной власти (государственная измена, покушение на жизнь и здоровье царя, оскорбление царя, самовольный отъезд за границу, устройство бунта и т. п.), по которым следствие проводилось с особой тщательностью.

7 Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова : официальный сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения 27.10.2021)..

8 Учебные материалы для студентов : официальный сайт. URL: https://studme.org/249735/sotsiologiya/dinamika_struktu_prestupnosti (дата обращения: 04.11.2021).

9 Там же.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России отмечалось значительное увеличение числа уголовных преступлений. Это один из тех периодов исторического развития, который «особенно ярко показывает обусловленность структуры и содержания правоохранительной деятельности проблемами общественного развития» [15]. Так, по сравнению с 1850 г. уровень преступности в 1911-1913 гг. вырос в 3,4 раза⁸. В 1913 г. при численности населения страны 19 млн человек были зарегистрированы 3,5 млн преступлений⁹. В результате темпы роста преступности стали превышать прирост населения в несколько раз. Именно этот временной отрезок можно назвать периодом становления криминалистических методик. Возник своего рода социальный заказ на разработку средств и методов раскрытия и расследования преступлений, основывающихся на передовых достижениях естественных и технических наук.

При этом особую актуальность составляло появление криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений.

Основой научных исследований российских криминалистов того времени явились идеи зарубежных ученых-практиков: Г. Гросса, А. Вейнградта, Р. Рейса, Х. Вучетича, Ч. Ломброзо, С. Оттоленги, Э. Локара и других.

Заметное место в формировании методик расследования отдельных видов преступлений заняли работы С.Н. Трегубова (расследование пожаров, поджогов и железнодорожных крушений) и Б.Л. Бразоля (рекомендации по действиям следователя на месте железнодорожного крушения). Несмотря на то, что в работах указанных и других авторов имелись главы, посвященные методике расследования отдельных видов преступлений, говорить о том, что на теоретическом уровне

они являлись системой научных положений и рекомендаций по осуществлению расследования преступлений, было преждевременно. Кроме того, сама криминалистика еще некоторое время считалась технической дисциплиной прикладного характера¹⁰.

Становление отечественной криминалистики как отдельной отрасли научного познания совпало с социально-политическими преобразованиями, происходившими в России во втором десятилетии XX в. Уголовное производство практически создавалось заново. Для упорядочения системы расследования были изданы ряд документов, среди которых было Положение о народном суде. В соответствии с данным Положением проведение предварительного расследования возлагалось на народных следователей. Для того чтобы отрегулировать работу народных следователей издавались инструкции – своего рода методические рекомендации (комплексы конкретных советов, предлагаемых к применению в расследовании отдельных видов преступлений) о расследовании отдельных преступлений (убийства, кражи, спекуляции и иные)¹¹. Все чаще в процесс доказывания привлекались специалисты из других областей научных знаний – судебные медики, химики, фотографы.

Деятельность правоохранительных органов создавала предпосылки объединения криминалистических знаний в единую научную систему. Становление советской криминалистики связано с именами таких ученых, как Н.А. Бобров, Н.С. Бокариус, М.Н. Гернет, С.А. Голунский, В.М. Громов, А.А. Захарьин, Е.У. Зицер, А. Ивенин, С. Корнев, Н. Лаговиер, Э.Э. Левентон, П.И. Люблинский, Г.Ю. Маннс, П.П. Михеев, А.А. Поповицкий, С.М. Потапов, Г.К. Рогинский, В.Л. Русецкий, А.А. Сальков, В. Санчов, Н.Н. Семенов, П.С. Семеновский, М.С. Стро-

гович, Н.В. Терзиев, А.Н. Трайнин, В.Ф. Черваков, И.Н. Якимов и др.

Впервые выделил методику расследования преступлений в системе криминалистики в самостоятельный раздел науки В.И. Громов. Термин «методика расследования преступлений» был введен в оборот в 1935 г. в учебнике по криминалистике, получил дальнейшее развитие в учебниках 1936 г. и 1939 г. В последних методика расследования преступлений была выделена в самостоятельный раздел. Однако данный вопрос был долгое время дискуссионным и вызывал много споров в научных кругах. Часть исследователей приходили к мнению о том, что тактика и методика расследования преступлений должны включаться в специальный курс уголовного процесса.

До середины 60-х гг. XX в. пополнению криминалистических методик не уделялось достаточного внимания. Однако все кардинально изменилось с введением Р.С. Белкиным двухчленной структуры предмета криминалистики – закономерности преступной деятельности и деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств и основанные на их познании средства, приемы и методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [12, с. 20]. Такой подход послужил поводом для диссертационного исследования А.Н. Колесниченко¹² и исследования И.М. Лузгина¹³.

Таким образом, общие положения методики расследования преступлений сложились в 60-80-х гг. прошлого века в развитую систему научных знаний. Научные изыскания О.Я. Баева, Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, И.А. Возгрин, В.К. Гавло, А.К. Гаврилова, И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина, А.В. Дулова, Г.Г. Зуйкова, А.Н. Колесниченко, И.М. Лузгина, В.А. Образцова, И.Ф. Пан-

10 Доклад М.С. Строговича «Предмет криминалистики и ее соотношение с уголовным процессом» 1942 года. Научный портал криминалисты : официальный сайт. URL: <https://kriminalisty.ru/stati-istorija-kriminalistiki-metodika> (дата обращения 29.10.2021).

11 Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : официальный сайт. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_408.htm (дата обращения 27.10.2021).

12 В 1967 г. А.Н. Колесниченко защитил докторскую диссертацию на тему «Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений».

13 В 1969 г. была опубликована монография И.М. Лузгина «Расследование как процесс познания».

телеева, А.Р. Ратинова, Н.А. Селиванова, В.Г. Танасевича, А.А. Эйсмана, Н.П. Яблокова и других ученых-криминалистов сыграли в этом процессе заметную роль.

На сегодняшний день вопрос о понятии криминалистической методики расследования и ее сущности остается открытым. Существуют несколько научных школ, предлагающих авторские определения данного понятия, среди них можно выделить научную школу, основывающуюся на трудах Р.С.Белкина, научную школу под руководством Н.П. Яблокова, В.К. Гавло и других ученых.

Вынося дискуссию по данному вопросу за рамки указанной работы и имплементируя различные подходы, вычлняя существенные характеристики отдельных взглядов, можно сделать вывод о том, что методика расследования преступлений – это комплекс эффективных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также иных мер, направленных на формирование системы доказательств, для достижения промежуточных и конечной цели расследования.

Следует отметить, что система криминалистики, созданная в XX в., не является статичной. Развитие научной мысли и запросы практики стимулируют появление новых подходов, таких как версионный, комплексный, психолингвистический, ситуационный и другие. Особое внимание стоит уделить ситуационному подходу.

Ситуационный подход представляет собой совокупность криминалистических приемов, в ходе которых анализируемое событие рассматривается как взаимосвязанные последовательные элементы (ситуации).

Понятие «следственной ситуации» было введено еще А.Н. Колесниченко, который понимал ее как положение расследования, характеризующее наличием доказательств и иного информационного материала [10, с. 10]. Однако идейным вдохновителем ситуационного подхода по праву стоит считать Н.П. Яблокова. Он одним из первых обратил внимание на исследование проблем криминалистических ситуаций и ситуационного моделирования [5, с. 14]. Научным преемни-

ком Н.П. Яблокова и родоначальником научной школы ситуационного подхода стала Т.С. Волчецкая. За последние годы фундаментальные исследования методологических аспектов ситуационного подхода в криминалистической науке проведены С.Э. Ворониным [2], В.К. Гавло [3], Л.Я. Драпкиным [4], Д.В. Кимом [8], А.С. Князьковым [9] и другими.

Ситуационный подход призван быстро и качественно решать возникающие в ходе правоприменительной деятельности задачи. Его применение должно позволить практическим сотрудникам (следователям, дознавателям, прокурорам, судьям), имеющим дело с большим объемом уголовных дел и возникающих различных криминалистических ситуаций, принимать эффективное решение в короткий срок.

В процессе исследования криминалистических ситуаций Т.С. Волчецкой было предложено распространить действие ситуационного подхода не только на элементы, возникающие в процессе расследования преступления, но и на то, что предшествовало совершению преступления, – криминальные ситуации. Такое расширительное толкование ситуационного подхода в ходе практической деятельности позволяет мысленно восстановить этапы преступной деятельности в процессе расследования, что способствует наиболее качественному обнаружению материальных следов преступления на месте происшествия, которые в дальнейшем будут включены в систему доказательств, и необходимо как для производства отдельных следственных действий, так и для планирования расследования в целом.

Анализируя научную разработанность и зрелость учения рассматриваемого подхода, следует согласиться с мнением Т.С. Волчецкой, которая говорит о ситуационном подходе не как об отдельном категориальном аппарате, а как о теоретическом построении более общего уровня – криминалистической ситуалогии. В криминалистике объективно должна существовать система научных положений, объединенных в теорию и представ-

ляющих собой «выход» из системы научного знания и «вход» в практическую деятельность [1, с. 5].

Криминалистическая ситуалогия – это общая криминалистическая теория, представляющая собой совокупность упорядоченных и систематизированных знаний, описывающих и объясняющих суть криминальных и криминалистических ситуаций, исследующая их формирование, возникновение, генезис и вооружающая методикой диагностики ситуаций и управления ими [1, с. 17].

С точки зрения криминалистической ситуалогии могут быть найдены эффективные подходы к решению таких современных проблем общества, как экстремизм, терроризм, экономические преступления, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и иные проявления организованной преступности.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что криминалистическая методика расследо-

вания преступлений в том виде, в котором мы знаем ее сейчас, прошла большой путь от первых протокриминалистических знаний до появлений отдельных криминалистических теорий. На складывающуюся обстановку в конкретном историческом периоде она отвечала совершенствованием и адаптацией своих положений. В настоящее время общественная потребность в дальнейших научных исследованиях и разработках методик расследования преступлений все также высока.

В складывающейся непростой социально-экономической ситуации в стране, при не спадающем росте преступности появление новых криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений позволит не только быстро, эффективно и качественно расследовать уголовные дела, но и предотвратить совершение преступлений в дальнейшем.

Библиографический список

1. Волчеккая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М.; Калинингр. ун-т.-Калининград, 1997.
2. Воронин, С.Э. Проблемные поисково-познавательные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : дис. ... докт. юрид. наук / С.Э. Воронин. – Барнаул, 2001.
3. Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений : дис. ... докт. юрид. наук / В.К. Гавло. – М., 1988.
4. Драпкин, Л.Я. Основы криминалистических теорий следственных ситуаций : дис. ... докт. юрид. наук / Л.Я. Драпкин. – М., 1988.
5. Жбанков, В.А. О профессоре Н.П. Яблокове и его роли в развитии криминалистики / В.А. Жбанков // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Н.П. Яблокова (Москва, 22 декабря 2015 г.) / ред.-сост. М.А. Лушечкина. – М.: МАКС Пресс, 2015.
6. Земцова, С.И. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий : учебное пособие / С.И. Земцова, О.А. Суров, П.В. Галушин. – М.: Юрлитинформ, 2019.
7. Иванов, П.И. К вопросу о частной методике расследования преступлений (структура и содержание) / П.И. Иванов, С.А. Пироженов // Труды Академии управления МВД России. 2021. – N 4 (60).

8. Ким, Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : дис. ... докт. юрид. наук / Д.В. Ким. – Барнаул, 2009.
9. Князьков, А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.С. Князьков. – Ростов-на-Дону, 2014.
10. Колесниченко, А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Н. Колесниченко. – Харьков, 1977.
11. Корноухов, В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы : монография / В.Е. Корноухов. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2021.
12. Косарев, С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений : монография / С.Ю. Косарев. – М.: Юридический центр Пресс, 2006.
13. Орлова, В.Ф. Труды Р.С. Белкина всегда актуальны: памяти Рафаила Самуиловича Белкина / В.Ф. Орлова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – № 3.
14. Петров, А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской империи в начале XX века / А.В. Петров // Вестник ОГУ. – 2004. – № 3.
15. Посошков, И.Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения / И.Т. Посошков // – М.: Издательство академии наук СССР, 1951.
16. Сыромятников, Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России / Б.И. Сыромятников // Судебная реформа. – М.: Книгоизд-во «Объединение», 1915.

УДК 343.988

Олег Александрович СТАРОСТЕНКО,

адъюнкт

Краснодарского университета МВД России

olegstaros94@gmail.com

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

VICTIMOLOGICAL PROBLEMS OF ENSURING PERSONAL SECURITY ON THE INTERNET

В статье рассмотрено понятие виктимологической безопасности личности, произведен анализ жертв, пострадавших от хищений в сети Интернет. В ходе анализа установлено, что поведение жертвы складывается из психологической и технической составляющих. Кроме того, выделены основные насущные проблемы обеспечения безопасности личности в сети Интернет: несовершенство действующего законодательства, отсутствие механизмов выявления правонарушителей по электронно-цифровому следу, анонимность цифрового пространства, экстерриториальность, отсутствие цифровой культуры; приводятся рекомендации для пользователей сети, как не стать жертвой хищений в сети Интернет.

The article considers the concept of victimological security of a person, analyzes the victims who suffered from theft on the Internet. The analysis found that the behavior of the victim consists of psychological and technical components. In addition, the main pressing problems of ensuring the security of the person on the Internet are revealed: imperfection of the current legislation; lack of mechanisms for identifying offenders on an electronic digital trace; anonymity of digital space; extraterritoriality; lack of digital culture; the instructions for network users how not to become a victim of theft on the Internet are given.

Ключевые слова: виктимологическая безопасность, жертва, Интернет, хищения, профилактика.

Keywords: *victimological safety, victim, Internet, theft, prevention.*

Исследователи в области психологии, социологии и криминологии на протяжении длительного времени пытаются понять радикальное развитие новой парадигмы отношений, возникшей в результате распространения информационно-телекоммуникационных технологий. Использование сети Интернет и осуществление профессиональной деятельности в режиме «онлайн» становятся повседневным явлением. Однако стоит отметить, что на фоне масштабного разви-

тия кибертехнологий развиваются тенденции использования их возможностей против личности. В связи с этим изучение проблем виктимологического обеспечения личности в киберпространстве становится актуальным направлением науки криминологии.

Определение виктимологической безопасности личности впервые было введено в научный оборот В.И. Задорожным. Он считал, что содержание виктимологической безопасности составляет «защищенность гражд-

дан от реализации присущих им виктимных свойств и качеств, при которой будут созданы условия, дающие возможность выявлять, устранять или нейтрализовать факторы, способствующие совершению преступлений в отношении конкретного лица, а также выявлять группы риска или конкретных лиц с повышенной степенью виктимности, воздействовать на них с целью восстановления их защитных свойств» [2, с. 38].

В виктимологическом словаре под исследуемым термином понимается «уровень защищенности лиц и их виктимных категорий от внешних и внутренних угроз, в том числе экстремальных, криминальных, возникающих в конфликтных ситуациях, обеспечиваемый государством и его субъектами посредством снижения виктимности этих лиц. Кроме того, снижение уровня негативного влияния виктимогенных факторов достигается с помощью активного внедрения мер, которые вырабатывает криминальная виктимология»¹.

В.И. Полубинский утверждает, что безопасность личности является неотъемлемым качеством конкретного индивида и обуславливается совокупностью психологических, социальных и физических свойств, а также в зависимости от возникшей жизненной ситуации способствует формированию обстоятельств, при которых реализуется возможность причинения вреда [4, с. 24].

Несмотря на комплексные научные разработки криминальной виктимологии, проблемам обеспечения безопасности жертв в сети Интернет уделяется меньше внимания. По данным официальной статистики Генпрокуратуры России, в 2020 г. правоохранительные органы зарегистрировали 510,4 тыс. киберпреступлений – это седьмая часть от общего количества уголовных дел. Прирост по сравнению с 2019 г. составил 70,1%. Расследованы менее 50 тысяч. Речь идет о нарушениях Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации, которые совершаются с помощью Интернета, мобильной связи и использования банковских карт².

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации данную тенденцию подтверждают. За 2020 г. «число противоправных деяний, совершенных с применением информационных технологий», увеличилось почти на 72%³.

Аналитики организации «Интернет-розыск» прогнозируют к 2023 г. рост доли хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с 14 до 30%. Связано это со сложностью идентификации IT-злоумышленников⁴.

Анализ полученных в ходе нашего исследования данных (был произведен контент-анализ информационных ресурсов, изучены более 210 приговоров суда по ст. 158, 159, 159.6 УК РФ, произведен анонимный интернет-опрос 412 пользователей IT-технологий, 276 из которых становились жертвами IT-хищений) свидетельствует о том, что жертв, пострадавших от IT-хищений, можно разделить на две группы:

1) жертвы хищений, совершенных путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (необходимо квалифицировать по ст. 158, 159; 159.3 УК РФ). Данные преступления включают в себя сокрытие информации или предоставление неверной информации с целью вымогательства или кражи у жертв денег, имущества или наследства (механизм воздействия: человек-человек);

2) жертвы хищений, совершенных в сфере компьютерной информации (необходимо квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ) – целенаправленное вмешательство в работу программ и баз данных (воздействие на технику), которое нарушает процесс обработки, хра-

1 Словарь виктимологических терминов. URL <https://slovar.cc/rus/tolk/12772.html> (дата обращения: 07.10.2021).

2 Статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации за период 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2021).

3 Официальный сайт МВД России. URL <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 01.05.2021).

4 Официальный сайт журнала «Известия». URL: <https://iz.ru/962966> (дата обращения: 07.10.2021).

нения, передачи компьютерной информации и позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него⁵.

Ввиду того, что при хищениях в сфере компьютерной информации зачастую наблюдается «размывание» субъекта индивидуальной виктимизации, т.е. физического лица, непосредственной жертвы преступления [1, с. 116] (виктимогенным фактором выступает техническая незащищенность пользователя, а не личность потерпевшего), обратимся к анализу жертв хищений первой группы.

Согласно позиции науки виктимологии, жертву хищений, совершенных путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, можно охарактеризовать как виновную жертву.

При рассмотрении случаев виновного поведения жертв в сети Интернет самую серьезную группу составляют провокации, которые чаще всего происходят при высокой активности пользователя в социальных сетях, желании приобрести какой-либо товар по наиболее выгодной цене на электронных торговых площадках, таких как «Авито», «Юла», «Дром» и др., найти доступный способ удаленного заработка. Кроме того, виновное поведение жертв зачастую проявляется в неосмотрительности, легкомысленности и неосторожности. Выражается это, к примеру, в отказе от конфиденциальных настроек при использовании социальных сетей, принятии запросов о добавлении в друзья от незнакомых лиц, переходе по потенциально опасным ссылкам.

Основной причиной такого рода виктимности будут выступать отсутствие у большей части граждан общих навыков использования информационно-телекоммуникационных технологий в домашних и рабочих условиях, низкая просвещенность о способах совершения IT-мошеннических действий и способах защиты от них, а также легкомысленное отношение к ним.

Таким образом, действия преступника зачастую зависят не только от его личностных

качеств, мотивов, наклонностей, но и от поведения жертвы, которая своими действиями и поступками создает необходимые условия для совершения в отношении себя преступления (стремится обогатиться, получить платное бесплатно, приобрести редкие предметы и вещи, принять участие в благотворительности и др., чаще всего используя при этом систему быстрого обмена сообщениями посредством электронной почты и социальных сетей) [подр.: 7, с. 104].

В ходе сбора и анализа эмпирического материала выявлены следующие основные проблемы обеспечения безопасности личности в сети Интернет:

1) несовершенство действующего законодательства, информационно-аналитической работы, планирования и прогнозирования, организации взаимодействия субъектов, обеспечения должного контроля в данной сфере. Данные пробелы не позволяют в полной мере включить виктимологическую профилактику в арсенал правоохранительной деятельности;

2) отсутствие механизмов выявления правонарушителей по электронно-цифровому следу [6, с. 303];

3) анонимность цифрового пространства. Если в физическом мире злоумышленник осуществляет какие-либо действия для сокрытия своей личности, то в мире цифровых технологий за него это уже сделано. Все пользователи сайтов, форумов или социальных сетей в цифровом пространстве изначально не имеют ни имен, ни внешнего вида – они эфемерны, и нередко информационные ресурсы сами присваивают таким пользователям имя «anonymous», то есть аноним;

4) экстерриториальность. Хищения, совершаемые с использованием глобальной сети Интернет, во многих случаях подпадают под несколько юрисдикций ввиду сложности установления места преступления [2, с. 178];

5) отсутствие цифровой культуры. В киберпространстве отсутствуют законодательно закрепленные правила поведения, что заставляет администраторов сайтов раз-

⁵ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 29.06.2021).

рабатывать собственные стандарты. Такие стандарты поведения являются малоэффективными, поскольку в случае блокировки пользователя на одном сайте ему не составит сложности найти сходный сайт. Кроме того, отсутствие закрепленных правил поведения в сети Интернет породило такие организованные преступные сообщества, как хакеры, киберпираты, «яхубои» и т.д.

Таким образом, противодействие киберпреступности требует всестороннего подхода, включающего в себя активизацию виктимологической профилактики.

На основе собранного и проанализированного эмпирического материала нами была разработана инструкция для пользователей сети Интернет «Как не стать жертвой хищений в сети Интернет» [подр.: 8, с. 377].

1. Персональные данные можно вводить только на государственных сайтах либо на сайтах покупки билетов (в том случае, когда соединение устанавливается по протоколу https). Слева от адреса веб-сайта должен появиться значок в виде зеленого замка, означающий, что соединение защищено. Если же пользователем принято решение осуществить покупку на другом сайте, то перед отправкой персональной или конфиденциальной информации необходимо проявлять осмотрительность и изучать сторонний интернет-сайт, анализировать отзывы, активность, контент, контактную информацию.

2. При обнаружении подозрительных действий необходимо сообщить об этом администратору веб-сайта, на котором был размещен «фиктивный листинг», кликнув на панель «онлайн-консультант» или позвонив по номеру телефона технической поддержки, указанной на сайте.

3. Необходимо защитить свою личность и финансы. В случаях денежного перевода в пользу мошенников необходимо срочно уведомить компанию, через которую был произведен платеж, с целью отслеживания и возврата денежных средств. Кредитные и де-

бетовые карты имеют право на возврат платежа, а средства, отправленные с помощью подарочных карт или банковского перевода, могут быть заблокированы. Также периодически следует проверять выписки из банка и кредитной карты на предмет любых мошеннических списаний денежных средств.

4. Очень желательно предупредить других. Если лицо подверглось преступному воздействию, следует произвести обмен опытом и предупредить близких как посредством социальных сетей и телекоммуникационной связи, так и на чат-форумах, оставив негативные отзывы.

5. Важно использовать надежные технические средства защиты: антиспам-фильтры (антискамминг-технологии, фильтрации технического спама и др.); непрерывную аутентификацию с целью анализа событий, происходящих на протяжении всего сеанса при использовании цифрового сервиса (например, Advanced Authentication by Kaspersky⁶ и др.); программы, анализирующие устройства и окружения (для идентификации «правомерных» устройств на основе поведенческого анализа пользователя и поведенческой биометрии – анализа взаимодействий клиента с устройством путем отслеживания движений мыши, кликов, касаний и др.), например Avast Fraud Prevention⁷ и др., антивирусное программное обеспечение и т.д.

Необходимо отметить, что использование автоматизированных средств противодействия IT-мошенничеству не позволит искоренить проблему полностью: «Первичная виктимизация пользователей зачастую связана с низким уровнем их правовой грамотности» [5, с. 112]. Это свидетельствует о необходимости непрерывного повышения уровня правовой и финансовой грамотности личности.

Повысить уровень осведомленности личности можно путем проведения лекций, профессиональных бесед, собраний с трудовыми коллективами, учащимися в школах, колледжах, университетах, пенсионерами по месту

6 Новейшие технологии на основе экспертных знаний // Официальный сайт Лаборатории Касперского. Защита от кибермошенничества. URL: <https://www.kaspersky.ru/enterprise-security/fraud-prevention> (дата обращения: 19.10.2021).

7 Официальный сайт Avast. Защита от мошенничества. URL: <https://www.avast.ru/c-scams> (дата обращения: 19.10.2021).

проживания. Представляется достаточно важным, помимо проведения бесед виктимологического профиля, поручить основным субъектам профилактической работы вести специализированный учет лиц, пострадавших от сетевых мошеннических деяний. На каждое указанное лицо должна быть заведена виктимологическая карта, в которой отражалась бы информация о совершенных противоправных действиях, их причинах и

последствиях. Виктимологические карты могли бы послужить основой при определении направлений индивидуальной профилактической работы.

Таким образом, дальнейшее развитие и совершенствование системы виктимологической профилактики во многом будет зависеть от комплексности принимаемых мер, а также поддержки общества и государства.

Библиографический список

1. Жмуров, Д.В. Кибервиктимология как новая учебная дисциплина: методическая разработка / Д. В. Жмуров // *Baikal Research Journal*. – 2021. – Т. 12. – N 3. – DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).25.
2. Задорожный, В.И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики : монография / В.И. Задорожный. – Тамбов: Першина, 2005. – 161 с.
3. Ишук, Я.Г. Цифровая криминология : учебное пособие / Я.Г. Ишук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольянинов. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.
4. Полубинский, В.И. Правовые основы учения о жертве преступления / В.И. Полубинский. – Горький, 1979. – 83 с.
5. Профилактика и коррекция виктимного поведения студенческой молодежи в Глобальной сети Интернет: теория, практика / Г.Ф. Биктагирова, Р.А. Валеева, А.Р. Дроздикова-Зарипова [и др.]. – Казань: Издательство «Отечество», 2019. – 320 с.
6. Старостенко, Н.И. Механизм слепообразования вишинга / Н.И. Старостенко // Теория и практика расследования преступлений : материалы IX международной научно-практической конференции (Краснодар, 15 апреля 2021 г.) / редкол.: Э.С. Данильян [и др.]. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 301-306.
7. Старостенко, О.А. О необходимости теоретических знаний в исследовании феномена IT-мошенничества / О.А. Старостенко // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей IV международной научно-практической конференции (Могилев, 14 мая 2021 г.). – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2021. – С. 103-105.
8. Старостенко, О.А. Об особенностях дифференциации способов совершения информационно-телекоммуникационного мошенничества в период пандемии COVID-19 и основных мерах безопасности в киберпространстве / О.А. Старостенко // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 11 сентября 2020 г.). – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 375-378.

УДК 343.79

Анастасия Алексеевна ПОСТОЯЛКО,

аспирантка Института юстиции
Байкальского государственного университета
(г. Иркутск)

anas.alex.postoyalko@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА И СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CURRENT ISSUES OF DIFFERENTIATING THE INCITEMENT TO SUICIDE WITH RELATED OFFENSES

В статье исследуются вопросы разграничения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за доведение человека до такого состояния, в котором он лишит себя жизни, включая норму, предусматривающую уголовную ответственность за непосредственное лишение человека жизни. На основе буквального толкования норм автор указывает на различия, имеющие уголовно-правовое значение.

The article considers the issues of differentiating criminal and legal norms providing for responsibility for bringing a person to such a state in which he will deprive himself of life, including the norm providing for criminal liability for the direct deprivation of a person's life. On the basis of a literal interpretation of the norms, the author points out the differences having criminal and legal significance.

Ключевые слова: преступления против жизни, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, убийство, уголовный закон, уголовная ответственность.

Keywords: crimes against life, incitement to suicide, inducement to suicide, murder, criminal law, criminal liability.

Наивысшей ценностью в любом цивилизованном обществе признается жизнь человека. Государство в лице его правоохранительных органов ведет непосредственную борьбу с преступлениями, имеющими связь с лишением человека жизни. Многолетний опыт теории и практики уголовного права с учетом развивающихся общественных отношений позволяет вносить изменения и дополнения в нормы действующего материального и процессуального законодательства.

На практике не всегда получается уяснить букву закона, а в результате верно применить

ту или иную норму права в зависимости от фактических обстоятельств совершенного преступления. Поэтому разграничение норм смежных составов преступления является важнейшим критерием правильной квалификации содеянного. Федеральным законом от 7 июня 2017 г. N 120-ФЗ¹ были внесены серьезные изменения и дополнения в ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в кодексе появились новеллы законодательства, а именно ст. 110.1 и 110.2 УК РФ. В связи с указанными изменениями возникает вопрос о правильном разграничении

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : закон от 7 июня 2017 г. N 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 12.06.2017, N 24, ст. 3489.

норм права. Необходимо понять, в каком случае целесообразно применять одну, а не другую статью или квалифицировать деяние по ст. 105 УК РФ – убийство.

Дискуссии, касающиеся разграничения доведения до самоубийства и убийства, в практике уголовного судопроизводства практически отсутствуют, (что, на наш взгляд, кажется не совсем логичным), чего нельзя сказать о теоретическом познании. Убийство по объективной стороне совершается активным действием (реже бездействием) виновного в отношении лица, в результате данные действия приводят к последствиям в виде смерти либо покушения на нее. Доведение до самоубийства предполагает такие действия, которые характеризуются чаще психологическим воздействием, преступный результат которых направлен на умерщвление самого себя потерпевшим.

Сложнее разграничить ст. 110 и ст. 110.1 УК РФ, так как на первый взгляд диспозиции статей описывают одно и то же общественно опасное деяние, различие заключается лишь в способах преступного умысла. Для более правильного уяснения смысла таких понятий, как «доведение до самоубийства», «склонение к совершению самоубийства», «содействие совершению самоубийства», обратимся к толковому словарю русского языка. В результате приходим к выводу, что в целом все понятия являются родственными и можно говорить о дублировании друг друга.

Статья 110.1 УК РФ имеет альтернативную диспозицию, предусматривает склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. Преступление, предусмотренное указанной статьей, фактически устанавливает ответственность за два разных варианта общественно опасного поведения.

Часть 1 предусматривает склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства. Тем самым законодатель разграничивает склонение и доведение до самоубийства.

Под склонением следует понимать деяния склоняющего лица, которые направлены на

то, чтобы склоняемое лицо совершило определенные действия [1, с. 33].

Если обратиться к определению термина «доведение», то само слово происходит от слова «ведение», то есть контролируемый процесс следования к определенной цели с контролем обстановки. Доведение возможно исключительно путем активных действий виновного.

Видится, что различие указанных составов заключается в разных общественно опасных деяниях. Для этого законодатель указывает на специфические способы совершения преступления – уговор, предложение, подкуп, иной способ. Кроме того, деяние само по себе у составов различно – доведение и склонение. При склонении у лица остается свобода поведения, хоть воздействие на него и оказывается интенсивнее, но остается возможность отказаться от суицида.

Часть 2 предусматривает содействие совершению самоубийства путем предоставления советов, указаний, информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранения препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Содействие – это деятельное участие в чьих-либо делах для их облегчения или оказания помощи.

В случае содействия в самоубийстве виновный выступает своеобразным пособником суицида, создавая условия для эффективного суицида потерпевшего.

Как обоснованно отмечает С.В. Дубовиченко, при содействии совершению самоубийства виновный своими действиями укрепляет решимость потерпевшего на совершение самоубийства, однако такая решимость уже сформировалась в сознании потерпевшего, в то время как при склонении к самоубийству умысел потерпевшего на его совершение изначально отсутствует и формируется в его сознании вследствие действий виновного [6, с. 95].

Квалифицирующие признаки, предусмотренные чч. 1 и 2 – уговоры и предложения – исходя из определений, данных в толковом словаре русского языка, указывают под уго-

ворами понимать «советы, наставления»; под советом, в свою очередь, следует понимать «мнение, высказанное по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание». Таким образом, ч. 1 (склонение) и ч. 2 (содействие) содержат синонимы (т.е. одинаковые по значению понятия), которые выступают в качестве квалифицирующих признаков, что делает практически невозможным разграничение склонения и содействия. По какой части квалифицировать деяние, если оно имеет один и то же квалифицирующий признак, до сих пор остается загадкой, ведь законодатель не дает никаких разъяснений.

Понятия «предложения» и «указания» не имеют однозначного толкования. «Предложение» можно толковать как желание высказать мысль о чем-то как о возможном, представить на обсуждение как возможное. Понятие «указание» имеет определение «наставление, разъяснение, указывающее, как действовать» или по глаголу «указать». Таким образом, использование указанных многозначных понятий в еще большей мере размывает толкование положений, зафиксированных в ч. 1 и ч. 2 ст. 110.1 УК РФ.

Понятие «предоставление» толкуется по глаголу «предоставить» и имеет не одно значение, в связи с этим под «предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства» может пониматься неограниченный круг действий.

Стоит отметить, что положения ч. 4 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ дублируют ст. 110 УК РФ, что еще больше лишает ясности и однозначности понимания содержания ст. 110 УК РФ, т.к. ч. 4 и 5 ст. 110.1 и ст. 110, по сути, дополняются новыми квалифицирующими признаками.

Также стоит отметить, что формулировка ст. 110.1 «склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом, при отсутствии признаков доведения до самоубийства» не несет в себе ясности, а следовательно, понятности как для правоприменителей, так и теоретиков: т.е. при отсутствии угроз, жестокого обращения или систематического

унижения человеческого достоинства потерпевшего или при отсутствии повторяемости, многократности, системности указанных квалифицирующих признаков или каких-либо иных признаков.

Из изложенного назревает вывод, что границы наказуемого искусственно расширены за счет введения в уголовный закон ст. 110.1 УК РФ, диспозиции которой, в свою очередь, описывают близкое по значению с друг другом деяние. Все это дезориентирует правоприменителя и создает почву для многообразной практики применения норм законодательства, тем самым практически невозможно верно квалифицировать содеянное.

Показательно в этом отношении мнение А.Н. Попова: «если до самоубийства или покушения на самоубийство потерпевший был доведен путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, то виновному необходимо инкриминировать состав преступления, предусмотренный ст. 110 УК, а не ст. 110.1 УК» [9, с. 387].

Ученые обоснованно подмечают, что именно способ совершения преступления отличает склонение к совершению самоубийства от доведения до самоубийства. Законодатель в диспозициях норм права дает конкретное разграничение, и, казалось бы, ответ лежит на поверхности, но конструкция ст. 110 и 110.1 УК РФ, а именно перечень способов, который по своей структуре является открытым, ставит под сомнение аргумент разграничения по способам совершения преступления. Какое именно толкование спорной фразы заложено законодателем, установить в данном исследовании не представилось возможным.

Проще вопрос обстоит со ст. 110.2 УК РФ, т.к. статья посвящена организации деятельности, направленной на побуждение лица к совершению самоубийства. Введение в уголовный закон статьи, регулирующей действия лиц, которые, действуя с прямым умыслом, распространяют информацию о способах совершения самоубийства или призывы

к его совершению, можно расценивать как позитивный шаг в уголовно-правовой политике наказания преступности в Интернете, ведь вплоть до 2017 г. действия администраторов и смежных с ними лиц, осуществляющих деятельность по введению в заблуждение, обману в смертельных играх и в целом в интернет-пространстве неопределенного количества несовершеннолетних лиц, не подпадали ни под одну действующую статью УК РФ.

Самоубийство как важнейшая социальная проблема существует в обществе очень давно, однако исследователи проблемы доведения до самоубийства в теории права до сих пор не пришли к единству мнений.

Исходя из изложенного думается:

1) единственное отличие самоубийства от убийства – в самостоятельности причинения себе вреда потерпевшим. Разграничение по субъективной стороне: убийство образовывается с прямым умыслом (когда виновный, сознавая общественно опасный характер своих действий, не только предвидит возможность и неизбежность наступления последствий в виде самоубийства потерпевшего, но и желает их наступления), а доведение до самоубийства образовывается лишь с косвенным (когда виновный осознает общественную опасность, не желает, но сознательно допускает или относится безразлично). В результате изменения законодательства в 2017 г. такое разграничение невозможно;

2) также остается много вопросов при разграничении ст. 110 и 110.1 УК РФ. Анализ показывает, что одному и тому же вопросу посвящены две статьи Особенной части УК РФ, полагаем, что в данном случае можем говорить об искусственном расширении границ наказуемого. Думается, что существует более простой способ совершенствования норм уголовной ответственности за преступления,

связанные с доведением до самоубийства, а именно оставить перечень способов доведения до самоубийства открытыми либо дифференцировать ответственность в зависимости от способа и наличия последствий в основном и квалифицированном составах;

3) говоря о введении ст. 110.2 УК РФ, хотелось бы отметить позитивный шаг в развитии действующего законодательства. Как обоснованно отмечает О.В. Артюшина, криминализация деяний, подталкивающих несовершеннолетних к самоубийству, поддерживается многими специалистами [2, с. 85]. Тем не менее в теории права действующая редакция статьи во многом была подвергнута критике, в связи с чем возникает необходимость говорить о теоретическом и практическом осмыслении и о дальнейшем совершенствовании статей УК РФ, связанных с доведением лица до самоубийства, и смежных составов преступления.

Кроме того, как в теории, так и в практике при применении уголовного закона в аспекте уголовно-правового противодействия доведению до самоубийства как крайне негативному социальному явлению существуют проблемы толкования элементов соответствующих составов [5; 7; 10; 11], напрямую влияющих на правильную квалификацию по соответствующей статье.

Положения новелл ст. 110.1 и 110.2 УК РФ в уголовно-правовой доктрине также являются дискуссионными [2; 4; 8], в силу того, что положения каждого элемента состава имеют неоднозначное толкование на практике ввиду отсутствия четких и индивидуализирующих составляющих признаков, благодаря которым можно также их разграничить между собой и с основной ст. 110 УК РФ, а также со ст. 105 УК РФ.

Библиографический список

1. Авешникова, А.А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству / А.А. Авешникова // Российский следователь. – 2019. – N 1. – С. 33-37.
2. Акаева, К.А. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовой аспект / К.А. Акаева // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – N 3. – С. 153-157.
3. Артюшина, О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению / О.В. Артюшина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – N 3. – С. 85-92.
4. Борков, В.Н. Уголовно-правовые и психологические аспекты побуждения к самоубийству / В.Н. Борков, О.А. Дизер // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – N 1 (84). – С. 106-112.
5. Бурова, Ю.В. Суицид как деструкция современного общества / Ю.В. Бурова // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – N 8 (97). – С. 66-70.
6. Дубовиченко, С.В. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ / С.В. Дубовиченко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2017. – N 4. – С. 95.
7. Ивлева, А.А. О значении виктимологического аспекта при доведении до самоубийства, склонении к совершению самоубийства или содействии его совершению / А.А. Ивлева // Юридическая наука. – 2021. – N 5. – С. 145-148.
8. Ивлева, А.А. О субъективных и объективных признаках состава преступления, предусмотренного статьей 110.1 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства») / А.А. Ивлева // Государственная служба и кадры. – 2021. – N 3. – С. 128-131.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общей ред. О.С. Капинус ; науч. ред. В.В. Меркурьев. – М.: Проспект, 2018. – 1376 с.
10. Сбирунов, П.Н. Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства / П.Н. Сбирунов // Право и практика. – 2021. – N 3. – С. 75-84.
11. Шумкина, А.В. Об определении авторской модели системы преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства в уголовном законодательстве Российской Федерации / А.В. Шумкина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – N 2 (54). – С. 208-212.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: вопросы теории права и его отдельных отраслей, правоохранительных органов и правоохранительной деятельности, проблемы раскрытия и расследования преступлений, профилактики преступности, в том числе противодействия наркоугрозе.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам по заявленной тематике, направленные на развитие научных знаний в области юриспруденции; распространение российского и зарубежного опыта борьбы с преступностью (теоретический и практический аспекты); апробацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс Роспечати 70589.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>), а также на социальной международной платформе Readera (<https://readera.ru>).

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

– текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

– в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

– научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

– сноски на работы, опубликованные в Вестнике Сибирского юридического института МВД России;

– многочисленные (более одной) сноски на собственные публикации автора;

– опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по учебной работе) (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянич Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Marina A. Galimova, Candidate of Law Sciences, Head of the Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk);

Svetlana I. Zemtsova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey Yu. Ivanov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nadezhda A. Dudina, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Academic Affairs) (Krasnoyarsk);

Elena Ye. Kosmodemyanskaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Tatyana V. Kupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Пономарева Валерия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тетерятников Николай Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny A. Molyarov, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Dmitry D. Nevirko, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay Yu. Teteryatnikov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Denis V. Tokmantsev, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Ekaterina Yu. Chumarova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Daniil G. Shashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, Е.А. Никитиной, В.Е. Рыбиным

Подписан в печать 26.05.2022

Вышел в свет 06.06.2022

Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Souvenir.

Печать офсетная. Усл. печ. листов 21,25.

Тираж 150 экз.

Заказ 142.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.

Сибирский юридический институт МВД России.

660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.